

КОШАЧЬИ

КОГТИ

http://uk.com/bookish_addict/

Расследование Синоби

СЬЮЗАН СТАНН

Когда в чайном доме Киото зверски убит самурай, у мастера ниндзя Хиро Хаттори есть три дня на то, чтобы найти убийцу. В противном случае движимый местью сын мертвого самурая убьет прекрасную гейшу, обвиненную в убийстве, и отца Матео — иезуитского священника, которого Хиро поклялся защищать ценой своей жизни. Расследование приводит Хиро и отца Матео в опасные воды плавучего мира Киото, где они быстро усваивают, что у всех, от владелицы чайного дома до обещанного брата убитого, есть своя причина, по которой им хотелось бы сохранить все в тайне.

Сьюзан Спанн

Кошачьи когти

Словарь японских терминов

Боккэн — деревянный макет японского меча, используемый для тренировок с партнером или в одиночку.

Бусидо — буквально «путь воина». Моральный кодекс самурая, в котором говорится о верности, скромности и личной чести.

Вакидзаси — короткий меч из двух носимых самураями (длинный называется катана).

Гета — японские деревянные сандалии в форме скамеечки, одинаковые для обеих ног, придерживаются на ногах ремешками, проходящими между большим и указательным пальцами.

Гэмпуку — традиционный японский ритуал совершеннолетия, после которого мальчику дозволяется носить мечи и брать на себя обязанности взрослого.

Даймё — господин самурая, обычно правитель какой-либо провинции или глава клана самураев.

Дзюттэ — длинная деревянная или металлическая палка с крючком в верхней части рукояти. Ее носили досины, используя и как оружие, и как символ власти.

Досин — в средневековой Японии так называли патрульного или полицейского.

Ёрики — помощник судьи, которому поручено курировать досинов, а также исполнять другие практические и административные обязанности по поддержанию правопорядка.

Инкан — личная печать, используемая вместо подписи на официальных документах.

Кагинава — средневековый японский крюк с одним (или несколькими) металлическими зацепами, приделанный к длинной веревке.

Кайсякунин — самурай, который находится рядом с другим самураем во время сеппуку.

Ками — японское слово «бог» или «божественный дух»; используется для описания богов, духов, населяющих природные объекты, и каких-нибудь природных сил божественного происхождения.

Ката — буквально «форма(ы)». Проработанная схема или набор движений, используемых в практике боевых искусств или в боевых приемах. Выполняется как с оружием, так и без него.

Катана — длинный меч из двух носимых самураями (короткий называется вакидзаси).

Кимоно — буквально «носимая вещь». Традиционная японская одежда во весь рост с запахом, которую носят люди всех полов и возрастов.

Кобан — золотая монета, широко используемая в Японии в позднем средневековье.

Коку — японская единица объема, равная количеству риса, потребляемого человеком в течение года.

Куноичи — женщина-синоби.

Кури — кухня в дзен-буддийском монастыре.

Мемпо — укрепленная маска с отверстиями для глаз и рта, которая покрывает все лицо.

Менхари-гата — разновидность тессен (пластинчатый боевой веер) с заточенными ребрами, что позволяет использовать его в бою.

Мисо — традиционное японское блюдо. Паста, приготовленная из ферментированной

сои (иногда из риса или ячменя).

Мон — эмблема или герб, используемый для идентификации японских семей или кланов.

Нагината — оружие с длинным деревянным древком и изогнутым лезвием на конце, похожа на европейское копьё.

Неко-те — буквально «кошачьи когти». Оружие, состоящее из металлических или кожаных манжет для пальцев с заостренными металлическими лезвиями на них. Надетые на пальцы манжеты позволяют лезвиям торчать как когти у кошек.

Норэн — традиционные японские дверные занавески с несколькими вертикальными разрезами для облегчения прохода.

Нуки-аши — специальный метод ходьбы, заключающийся в скольжении по поверхности с целью минимизировать шум. Одно из многих бесшумных движений синоби.

Оби — широкий пояс, который обвязывается вокруг талии для фиксации кимоно. Носится людьми всех возрастов и полов.

Одоши — техника шнурования, используемая для соединения пластин в доспехах.

Ое — большое центральное жилое помещение в японских домах с очагом, утопленным несколько ниже уровня пола. Часто сочетает в себе кухню, приемную и жилую комнату.

Понто-тё — один из районов ханамати (район гейш и куртизанок) в Киото, где расположены дома гейш, чайные дома, бордели, рестораны и тому подобные заведения.

Рёгин-ан — один из храмов в составе храмового комплекса Тофуку-дзи.

Ронин — самурай, потерявший хозяина.

Рю — буквально «школа». Кланов синоби используют этот термин как идентификатор боевых приемов, так и принадлежность к сообществу (Хиро Хаттори был членом Ига-рю).

Саке — алкогольный напиток из ферментированного риса.

Сакура — цветок вишневого дерева (*Prunus serrulata*), также само дерево.

— **сама** — именной суффикс для выражения высшего уважения. Выше суффикса — сан.

Самурай — представитель средневекового японского дворянства, каста воинов, относящихся к высшему социальному классу.

— **сан** — именной суффикс для выражения уважения.

Сёгун — военный диктатор и командир, который фактически выступает правителем средневековой Японии.

Синоби — буквально «человек-тень». Синоби — это японское произношение тех, кого люди запада называют «нинздя» («ниндзя» основывается на китайском произношении).

Синто — традиционная религия в Японии, иногда также называется kami-но-мити.

Сэппуку — вид японского ритуального самоубийства, эвисцерация, первоначально использовалась только самураями.

Сюрикен — металлическое оружие размером с ладонь, которое легко можно спрятать. Часто изготавливалось в форме креста или звезды и использовалось синоби в качестве метательного оружия в ближнем бою.

Сямисэн — традиционный японский музыкальный инструмент с длинным грифом и резонирующими струнами, закрепленными с одной стороны на нем, а с другой — на барабанообразной деке. Игра на инструменте ведется благодаря ударам медиатора о струны.

Таби — японские носки длиной по щиколотку, разделенные между большим и указательным пальцами, чтобы облегчить ношение сандалий и другой традиционной

японской обуви.

Танто — кинжал с односторонним или обоюдоострым клинком 6-12 дюймов (15–30 см) в длину.

Татами — традиционное японское складное напольное покрытие стандартных размеров с длиной строго вдвое больше ширины. Татами обычно набивают соломой или камышом.

Тенмагэ — традиционная прическа мужчин самураев. После бритья темени остальные волосы смазываются маслом и затягиваются в хвост, который затем загибается назад и возвышается над макушкой.

Тессен — пластинчатый боевой веер с заостренными ребрами. Острые ребра были замаскированы так, что когда тессен был закрыт, то был похож на обычный веер из бумаги и дерева.

Тетсубиси — металлические шипы, часто используемые синоби, чтобы отвлечь или замедлить преследователей.

Токонома — отгороженная часть комнаты или ниша в стене в японской комнате. В токонома, как правило, располагают произведения искусства, икебану или вешают свитки.

Тории — традиционные ворота в японском стиле, которые в основном встречаются у входов в святыни Синто.

Тофуку-дзи — дзен-буддийский храмовый комплекс в Киото.

Тэнгу — сверхъестественный демон («демон-дух») в японском фольклоре, часто представляется как гибрид человека и птицы либо как человек с длинным крючковатым носом, напоминающим клюв.

Футон — тонкий стеганый тюфяк, достаточно небольшой и податливый, чтобы его можно было сложить и убрать.

Хакама — свободные широкие штаны в складку, которые носят поверх кимоно, а также под туникой или сюрко.

Цутэн-кё — крытый деревянный мост, расположенный на территории Тофуку-дзи (буддийского храмового комплекса в Киото).

Щуко (или тэгаки-щуко) — шипастые металлические накладки, которые носили на руках для облегчения лазанья по стенам, деревьям и другим вертикальным поверхностям.

Глава 1

Отец Матео пересек двор, сложив руки и склонив голову в медитации. Его плечи опустились от предрассветного холодка. Первые две недели мая в Киото выдались теплыми, но этим утром надеть летнее кимоно оказалось преждевременным.

На другом конце сада по стене змеей проползла тень и скрылась в сакуре, не издав ни единого звука, кроме шелеста листьев на весеннем ветру.

Ничего не подозревая, священник шел дальше.

Он прошел мимо пруда с карпами, даже не взглянув на него. Было слишком темно, чтобы любоваться рыбками. В задней части сада иезуит перекрестился и преклонил колени возле статуи человека, распятого на кресте. Колени священника, склонившего голову в истовой молитве, опустились на влажную землю.

Тень прокралась дальше по стволу дерева. Мокрые листья и скользкий ствол сделали восхождение коварным, но синоби не дрогнул. Его ладони и ступни отыскивали опору, которой не нашел бы ни один другой человек.

Одна из веток перекинулась через дорожку, соединявшую дом и пруд с карпами. Наемник переполз на нее, не потревожив ни единого листочка.

Там он и ждал.

Шли минуты. С приближением рассвета небо на востоке стало фиолетовым. В воде плеснул хвостом карп, звук деликатным эхом разлетелся по саду.

Губы священника беззвучно шевелились.

Черные глаза синоби сверкнули в глубине капюшона.

Когда небо поблекло, отец Матео завершил утреннюю молитву. Он встал, стряхнул листья со своего коричневого кимоно и нахмурился, глядя на мокрые пятна, расплывшиеся на коленях. Когда влагу не удалось оттереть, священник пожал плечами и, кивнув статуе, направился в сторону деревянного строения, служившего одновременно и домом, и церковью.

Дыхание синоби замедлилось настолько, что его темно-синяя куртка почти не шевелилась.

Отец Матео, не останавливаясь, прошел мимо пруда. Как только он ступил под дерево, наемник спрыгнул с ветки и положил руку на плечо иезуита.

Испуганно вскрикнув, отец Матео обернулся. Руки синоби приняли оборонительную позицию. Лицо священника стало напряженным, но потом смягчилось.

— Хиро! — воскликнул отец Матео. — Сколько раз нужно повторять, чтобы ты так не делал?

Из-под капюшона сверкнули темные глаза.

— Перестану только тогда, когда не смогу застать тебя врасплох.

Иезуит нахмурился:

— Ты опять всю ночь где-то бродил?

Хиро опустил материю, прикрывавшую рот, и откинул капюшон на плечи.

— Я не отвечаю на подобные вопросы, разве ты забыл?

Он полез в мешок, висевший на боку.

— Я кое-что тебе принес.

— Еще один сердечный приступ? — поинтересовался отец Матео.

Хиро изумленно вздернул бровь и вытащил из мешка что-то небольшое и темное. Это нечто съежилось.

— An presenta, — сказал он по-португальски.

— Um presente, — поправил его отец Матео. Хиро достаточно хорошо говорил на португальском, учитывая, что изучал его всего лишь полтора года. Японский самого священника был гораздо хуже, несмотря на то что он учил его два года до приезда в Киото и полтора года после.

— Presente, — повторил Хиро.

Подарок попытался вырваться и мяукнул.

— Это кошка!

Отец Матео сделал шаг назад.

— Котенок, — согласился Хиро. Он перешел на японский: — Поскольку ты разговариваешь с рыбой, я решил, что тебе понравится.

Следуя примеру Хиро, священник тоже перешел на другой язык.

— Где ты достал кошку?

— Из канала. У нее не совсем счастливая окраска, но ты всегда говорил, что не веришь в удачу.

— Моей удачей распоряжается Господь, — подтвердил его слова отец Матео. — Но не в удаче дело, я не могу взять себе кошку. Я от них чихаю.

Хиро посмотрел на извивающийся комочек шерсти:

— И что мне делать? Я не хочу, чтобы она умерла.

— Ты что за одну ночь стал буддистом? — хохотнул над своей собственной шуткой отец Матео.

— Тебе лучше знать. — Хиро хмуро поглядел на котенка. — Ей нужен дом.

— Трогать ее я не могу, но пусть остается. Теперь это твоя кошка, если хочешь.

Котенок вывернулся и вцепился когтями в руку Хиро. Синоби прижал его к груди, чтобы тот перестал сопротивляться.

Котенок приглушенно пискнул.

— Ты же ее задушишь, — сказал отец Матео.

— Она меня поцарапала, — возразил Хиро. — Так что мы квиты.

Котенок принялся мурлыкать. Он спрятал коготки и расслабился в руках Хиро. Тот посмотрел вниз на крошечный комочек черно-оранжевого меха. На горлышке котенка поблескивало белое пятнышко, малыш смотрел в ответ зеленовато-желтыми глазами.

Раздался громкий стук. Стучали в главные двери дома.

— Открывайте! — проорал мужской голос. — Мне нужен иноземный священник!

Выгнув бровь, Хиро посмотрел на отца Матео:

— Кого ты оскорбил на этот раз?

— Насколько я помню, никого. По крайней мере намеренно.

Священник зашагал в сторону дома.

Лишь считанная горстка иностранцев имела право с позволения сёгуна работать в японской столице. Но многие самураи даже такую ограниченную численность считали неприемлемой.

— По крайней мере это не люди сёгуна Асикаги или императора.

Хиро следом за священником подошел к деревянной веранде, по периметру окружавшей дом.

Мужчины скинули сандалии и ступили на гладкое неокрашенное дерево.

— С чего ты так решил? — спросил отец Матео.

— Император и сёгун не стучат в дверь.

Хиро последовал за священником в дом.

В комнате, служившей отцу Матео и спальней, и кабинетом, не было письменного стола. Для этого в стене была устроена ниша. А в комнате вообще не имелось мебели западного образца. Только распятие, висевшее в токонома — алькове, куда обычно помещали произведения японского искусства, — намекало на присутствие чужестранца. Несмотря на то что иезуитская миссия приобрела дом у японской семьи два года назад, весной тысяча пятьсот шестьдесят третьего, отец Матео ничего за это время не изменил.

Священник пересек комнату, открыл раздвижную дверь и вышел в главный зал. В этой открытой комнате в пол был утоплен очаг, а сам пол был устлан татами. Зал служил и гостиной, и приемной, и даже храмом. Отец Матео повернул направо, к небольшой прихожей в передней части дома. Священник пробежал рукой по своим темно-каштановым волосам.

Он обернулся к Хиро.

Синоби исчез в своей комнате, находившейся рядом со спальней священника. Хиро не мог позволить, чтобы его увидели в одежде наемного убийцы. Более того, было бы странно, если бы посланник увидел, что все в доме встревожены и вскочили ни свет ни заря.

Отец Матео поднял было руку, чтобы снова пригладить волосы, но поймал себя за этим жестом и остановился. Он повернулся к двери и крикнул:

— Кто там?

Его португальский акцент часто приводил людей в замешательство, но на этот раз мужской голос откликнулся сразу:

— Матео Авила де Сантос? Вас ждут в Чайном доме Сакуры.

Отец Матео открыл дверь.

— Таковую рань?

На посетителе было простое кимоно с широким поясом оби. У бедра висел кинжал, но меча мужчина не носил. Коротко стриженные волосы на макушке были совсем реденькими. Ситуация казалась странной еще и из-за того, что голова пришедшего едва доходила иезуитскому священнику до груди.

Посетитель вздрогнул, увидев чужеземного священника, но тут же взял себя в руки.

— Произошло убийство. Человек мертв.

— Жертвой стал один из моих слушателей?

Отец Матео старался избегать слова “новообращенный” в присутствии незнакомцев.

— Нет. Вас зовет убийца.

— Убийца?

Посланник кивнул:

— Саюри, гейша.

Отец Матео отступил назад и покачал головой:

— Это невозможно. Саюри не способна никого убить.

— Она это сделала, и убила самурая. Вам лучше поторопиться, если вы хотите ее увидеть.

— Она собирается покончить собой? — спросил отец Матео.

— Вам лучше поторопиться, — повторил посланник. — У нее осталось не так много

времени.

Из своей комнаты появился Хиро в сером шелковом кимоно. При нем было два меча. Один короткий, вакидзаси, висел на поясе, в то время как длинная катана в покрытых черным лаком бамбуковых ножнах торчала из-за спины. Каким-то образом у синоби нашлось время, чтобы уложить свои длинные волосы в самурайский пучок на макушке. При этом у него не торчало ни одного волоска.

При виде самурая глаза посланника широко распахнулись. Он бросился на землю и уткнулся лбом в грязь.

— Встань, — сказал Хиро, подойдя к дверному проему. — Где находится Чайный дом Сакуры?

Мужчина встал и согнулся в поясе:

— Почтенный господин, он стоит на этом берегу реки Камо на дороге Сидзё, к востоку от Понто-тё. Третий дом с востока от моста. Вы узнаете его по каменным собакам во дворе.

Хиро нахмурился:

— Я приведу священника. Ты можешь идти.

Посланник поклонился еще два раза и поспешил прочь.

— Мы могли бы пойти вместе с ним, — протестующе сказал отец Матео, когда Хиро закрыл раздвижную дверь.

— Самураи не ходят вместе с простолюдинами. — Хиро осмотрел священника с головы до ног. — Гораздо важнее, что на тебе твое старое кимоно и нет мечей.

— Ты же знаешь, я не люблю их. К тому же нам надо поторапливаться.

— Зачем же я тогда учил тебя сражаться на мечах, если ты их не носишь? — Покачал головой Хиро в ответ на упрямство священника. — Неважно. Как ты и сказал, надо торопиться. Переоденься и возьми мечи.

— Почему мечи так важны?

— Ты уже два года живешь в Японии и до сих пор не понял?

Священник скрестил на груди руки.

Хиро махнул в сторону двери:

— Ты видел, как он отреагировал на мое появление? Только у самураев есть право носить два меча и приказывать людям подчиняться. Сёгун пожаловал тебе статус самурая, сегодня ты должен этим воспользоваться. Если женщина оказалась в беде, твои мечи могут понадобиться тебе, чтобы спасти ее.

— Но у нас есть твои.

— Моим заплачено за то, чтобы защищать тебя, — ответил Хиро. — Ни я, ни мой клан ничем этой девушке не обязаны.

"И у меня есть все основания позволить ей умереть, если это спасет тебе жизнь", — подумал он.

Но вслух ничего не сказал.

Хиро и отец Матео вышли из дома и направились по узкой земляной дороге к реке Камо. Священник был выше своего японского телохранителя почти на десять сантиметров. Но приобретенная им за счет роста в метр восемьдесят два сантиметра солидность, была полностью погублена катаной. Длинный меч болтался за его спиной, словно хвост перевозбужденной собаки.

Хиро покачал головой и попытался побороть улыбку.

— Если бы будешь чаще его носить, все будет хорошо.

— Да. Ты мне говорил это уже раз десять. — Отец Матео улыбнулся, пытаясь смягчить резкость, возникшую в его словах.

Спустя примерно километр, мужчины прошли мимо ворот тории, дорога от которых вела к храму Окадзакки, обозначавшему восточную границу Киото. Около ворот жрица синто в белом одеянии торговала амулетами. Она вежливо кивнула отцу Матео. Религия синто признавала множество богов. Жрица не видела в христианстве никакой угрозы.

Отец Матео молчаливо поприветствовал ее в ответ. Он часто видел женщину на дороге и, несмотря на то что не был сторонником ее веры, все же не желал ей никакого зла.

У реки Хиро с отцом Матео повернули на юг и пошли по грунтовой дороге, идущей вдоль восточного берега. По обочине росли вишневые деревья. Месяц назад их цветы опали с ветвей, словно снег. Но Хиро больше предпочитал майские листья, а не апрельское цветение. В листьях проще прятаться.

На дороге Сандзё через реку был перекинут мост. Как только мужчины его перейдут, дорога приведет их в Понто-тё, извилистую улочку, соединяющую дорогу Сандзё с дорогой Сидзё на юге. Чайные дома и бордели заполняли узкую мостовую, оставляя слишком мало места, чтобы трое человек смогли выстроиться по ширине в одну линию.

Хиро бросил взгляд на мост и город по другую его сторону. Он ненавидел Понто-тё. Его беспокоила не ограниченность пространства, а большая концентрация в этом месте женщин без чести и совести.

К востоку от моста улица Сандзё была обитаема. Ухоженные сады и деревья окружали жилые дома. Как и обещал посланник, у третьего дома слева на страже стояли каменные псы. Само здание было двухэтажным, на высоком фундаменте и с крутой острроверхой крышей. Над широкой верандой, опоясывавшей дом, нависали длинные карнизы. К воротам по обе стороны от дома вела гравийная дорожка. От любопытных взглядов жилище защищал деревянный забор.

В переполненном Понто-тё не было места для частных садов. К тому же, посетителю чайного дома платил отнюдь не за красивый пейзаж.

Отец Матео подошел к двери и постучал с такой уверенностью, что Хиро задался вопросом: сколько времени его благочестивый друг провел в чайных домах?

Дверь распахнулась, и перед ними предстала женщина в официальном кимоно, расшитом темно-фиолетовыми цветами. Несмотря на столь ранний час, ее волосы и макияж были безупречными. Судя по лицу, она была уже в возрасте, хотя ни одна морщинка не испортила ее напудренные черты.

Увидев священника, она наклонила голову.

Отец Матео поклонился.

— Доброе утро, Мадам Маюри. Саюри послала за мной?

Схожесть имен предполагала либо отношения матери и дочери, либо учителя и ученика. Хиро решил, что здесь речь идет о последнем. Он не видел в высокой женской фигуре, стоящей в дверях, материнских черт.

Словно услышав его мысли, взгляд Маюри переместился на Хиро.

Он наклонился так, чтобы было достаточно продемонстрировать свои манеры, но не уважение.

— Я Мацуи Хиро, переводчик и писарь отца Матео.

Вымышленная фамилия прозвучала из его уст весьма естественно. Он так долго пользовался этим именем, что оно фактически стало его собственным.

— Я вас здесь прежде не видела, — сказала Маюри.

Это не было ни вопросом, ни утверждением, но в то же время и тем и другим.

— Его предыдущие визиты касались исключительно религии, — ответил Хиро. — На этот раз он может столкнуться со словами, которых не знает.

Маюри кивнула, но не поклонилась. Хиро решил не обращать внимания. Чайные дома стояли особняком в социальной иерархии. И хотя обычно посетителям мужского пола здесь предпочитали угождать, это утро выбивалось из общего порядка. Да Хиро и не был здесь гостем.

— Маюри — владелица Чайного дома Сакуры, — сказал отец Матео.

Хиро не нуждался в объяснениях. Успешные гейши частенько покупали или наследовали дома, когда выходили на пенсию. Несмотря на то что Маюри была уже слишком стара, чтобы петь и танцевать для мужчин, в свои юные годы она успешно завоевывала их сердца и опустошала их карманы.

Она отступила в глубь дома.

— Входите.

Пол из кедра сиял под ее ногами, словно мед. Хиро стало жаль того слугу, который содержал его в такой чистоте. Он снял свои гета и ступил на пол, но подождал при этом, чтобы отец Матео вошел первым. Хиро всегда старался усилить впечатление, что священник заслуживает большего уважения и почтения, чем обычный писарь Хиро.

Самой первой и величайшей защитой синоби была дезинформация.

Шесть татами покрывали пол у входа первого этажа. Обычно такие комнаты ограничивались четырьмя циновками, но в этом случае дополнительное пространство создавало ощущение роскоши и света. У восточной стены стояла декоративная ширма, на которой была изображена сцена того, как купцы и самураи резвятся с придворными дамами.

Хиро вдохнул запах дорогого кедра. К нему был примешан слабый аромат чего-то сладкого, что напомнило ему о далеких цветах.

Впереди справа открытая дверь вела в главный холл. Но прежде чем Маюри повела их туда, отец Матео спросил:

— Здесь правда кого-то убили?

Маюри приподняла нарисованные брови, удивленная его прямоотой.

Хиро предпочел не обращать внимания. Иезуит пытался вести себя как японец, но в моменты крайнего волнения в нем проступала западная натура. По крайней мере хоть рукой по волосам пока не проводил.

Маюри некоторое время хранила молчание, чтобы выказать свое неодобрение.

— Самурай мертв.

— Конечно же, Саюри его не убивала, — сказал на это отец Матео.

Отсутствия ответа со стороны Маюри было более чем достаточно.

— Не верю, — настаивал на своем священник. — Можно ее увидеть?

Маюри согласно склонила голову.

— Следуйте за мной.

Она привела их в квадратный холл размером в двадцать татами. Раздвижные двери на восточной и западной стенах вели в приватные комнаты, по три с каждой стороны, где гейши развлекали своих гостей. В отличие от проституток, которым требовалось лишь место для футона, настоящим гейшам необходимо было пространство, чтобы петь и танцевать, а также очаг, чтобы подавать еду и устраивать чайные церемонии.

Еще одна дверь, расположенная на северной стене, была открыта и вела в комнату с неофициальной обстановкой, где женщины собирались, чтобы принять пищу или поболтать. Там же они ждали приезда гостей. Хиро отвел глаза. Воспитанные люди не пялятся на приватные комнаты, тем более, что он уже увидел достаточно, чтобы понять: никакой угрозы от того помещения не исходит.

Маюри встала на колени перед второй дверью на западной стене.

Пока она расправляла вокруг себя кимоно, отец Матео шепотом спросил:

— Почему она на коленях?

— Неправильно, если гейша открывает салонную дверь стоя, — пробормотал Хиро. — Разве Саюри делала не так?

— Я сказал ей, что христиане преклоняют колени лишь перед Господом.

Прежде чем Хиро успел ответить, Маюри подняла взгляд.

— Саюри расскажет обо всем, что вы увидите, но зрелище может показаться вам несколько... неприятным.

— Вы еще не прибрались? — В словах отца Матео прорезалось разочарование.

Хиро сделал в уме пометку, что нужно освежить священнику память насчет этикета. Мертвый самурай, конечно, не против оскорблений и обвинений, но в жизни всякое случается.

Маюри выпрямилась и подняла подбородок.

— Семья Акеши-сама имеет право увидеть, что произошло.

Ее напудренное лицо ничего не выражало, но слова Маюри сказали Хиро гораздо больше, чем она думала. Владельцы чайных домов защищали своих гейш так же, как самураи свою честь. Нежелание Маюри все убрать говорило о том, что она считает девушку виновной.

Маюри устремила взор на мужчин. Она сцепила руки в замок, но не раньше, чем Хиро успел заметить, что они дрожат.

— Чего вы ждете? — спросил Хиро.

— Нам уже доводилось видеть смерть, — добавил иезуит.

— Но не такую, как эта, — сказала Маюри и открыла дверь.

Из комнаты донесся запах меди.

Отец Матео замер в дверном проеме. Хиро остановился сзади, чуть не налетев на него. Заглянув священнику через плечо, он мысленно поблагодарил самурайские традиции не выказывать никаких эмоций, даже глядя на развернувшуюся трагедию.

Потому что прежде Хиро уже видел подобную смерть.

Северная стена вся была покрыта пятнами и прожилками крови. Круглые капли забрызгали токонома и потеками сползали по обе стороны от декоративной ниши.

Напротив токонома полумесяцем расплылась лужа засохшей крови. Кровавая дорожка вела от нее к лежащему лицом вверх на тонком тюфяке у очага мертвому самураю. Он был полностью обнажен, не считая набедренной повязки, полностью пропитанной кровью.

Иезуит вошел в комнату, Хиро последовал за ним. Запах меди усилился, к нему примешивался оттенок соли. Хиро осторожно вдохнул, но запаха пота не учуял. Мертвец сопротивлялся не слишком долго.

Ноги убитого от бедер до колен были забрызганы каплями цвета ржавчины. На горле виднелись несколько рваных косых порезов. Они начинались с правой стороны, там, где шея соединяется с плечом, и заканчивались у левого уха самурая.

Грудь покойника пересекали три вертикальные раны, оставленные, похоже, короткими тонкими кинжалами. Металлический блеск в ране, которая располагалась посередине, наводил на мысли о сломанном наконечнике клинка. Но Хиро не мог разглядеть его достаточно хорошо, чтобы определить вид. Он боролся с желанием подойти поближе. Большинство японцев считают, что смерть несет зло, но, несмотря на то что Хиро суеверным не был, он решил, что не стоит рисковать своим разоблачением ради удовлетворения любопытства.

Он поискал глазами одежду самурая. Синее кимоно и оби были аккуратно сложены и лежали возле ниши прямо под забрызганной кровью вазой с гортензиями, стоящей на полке токонома. Капли крови, попавшие на одежду, говорили о том, что она лежала там до нападения.

Хиро посмотрел на вазу. Гортензии символизируют любовь и искренние чувства. Интересно, достаточно ли долго прожил самурай, чтобы успеть увидеть эти чувства разбрызганными по стенам? Количество крови и тяжесть нанесенных ранений предполагали, что смерть пришла быстро и неожиданно.

Справа от токонома на коленях стояла миниатюрная девушка лет шестнадцати. Ее руки с длинными пальцами покоились на коленях поверх окровавленного кимоно, лицо было опущено. Поза девушки предполагала наличие терпеливости, но ее частое дыхание выдавало прячущийся в ней страх.

Отец Матео опустился на колени рядом с девушкой. Она подняла глаза, губы начали дрожать, и ее руки тут же взметнулись вверх, чтобы прикрыть рот. Традиции позволяли ей проявлять немного больше эмоций, чем мужчинам, но не слишком.

По напудренному личику девушки пролегли дорожки слез, а в черных, как полночь, глазах залегли мрачные тени. Но Хиро никогда прежде не видел столь красивой девушки. Хотя вообще-то он знал одну такую, но обычно предпочитал не думать о ней.

— Отец Матео. — Саюри взяла себя в руки и опустила ладони обратно на кимоно. — Я

так рада, что вы пришли. Боялась, что вы можете отказаться. Я этого не делала. Это не я.

— Конечно, — ответил отец Матео. — Что произошло?

Маюри осталась на коленях у двери, поэтому Хиро стоял у входа. Он никогда не поворачивался спиной к потенциальной угрозе, а сейчас здесь все представляло опасность.

— Акеши-сан пришел в чайный домик как обычно. — Саюри кивнула на тело, но взгляда с отца Матео не отвела. — Я развлекала его несколько ночей в неделю... только пела, подавала ужин и мы разговаривали, ничего такого запретного, как вы и говорили.

— Это дом высшего класса, — фыркнула Маюри. — Бордели находятся в Понто-тё.

Хиро мельком посмотрел на женщину. Священник мог бы интерпретировать ее слова как защиту Саюри, но Хиро услышал лишь обеспокоенность за репутацию своего заведения.

— Я пришел не для того, чтобы осуждать вас, — сказал отец Матео. Хиро знал, что так оно и есть. Способность иезуитов к доверию и прощению никогда не переставала его удивлять. Но порой эта особенность очень раздражала синоби.

— Акеши-сан задержался допоздна, — продолжила Саюри. — Большинство гостей уже разошлось по домам. Я устала и очень хотела спать, но не могла уйти. Я сказала, что мне нужно в уборную, но он не понял намека, и мне пришлось идти к Маюри, чтобы попросить ее вмешаться.

Она посмотрела на дверь. Маюри согласно кивнула.

— Потом я сходила в уборную. Когда вернулась, Акеши-сан сказал, что хочет остаться здесь на ночь. Он был слишком пьян, чтобы ехать домой. Я спела ему, и он уснул. Наверное, я тоже была немного пьяна, потому что уснула фактически сразу следом за ним.

А когда проснулась, он был уже мертв.

Губы Саюри задрожали. По ее щеке скатилась слезинка. Она подняла правую руку, смахнула ее и положила руку обратно на колени.

Хиро подумал о том, что представление разыграно идеально... слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— В произошедшем нет твоей вины, — сказал отец Матео.

— Это, наверное, был синоби, — предположила Маюри. — Я всю ночь была в своей комнате и ничего не слышала.

— Синоби, — повторил отец Матео. — Это тоже самое, что ниндзя?

Маюри посмотрела на священника. Спустя какое-то время она сказала:

— Да, но так это слово произносят только китайцы.

Взгляд Хиро метнулся к труп. Кожаный ремешок был сорван с промасленной косички самурая. Пряди длинных седеющих волос раскинулись по полу вокруг лица. Хиро покачал головой. Даже смерть не могла служить оправданием за растрепанные волосы. Но он заметил и кое-что похуже. Убийца выколол мужчине глаза. Пустые глазницы покрывала корка засохшей крови.

Хиро повидал много трупов, но подобного никогда.

Он очень тщательно осмотрел труп, снова обратив внимание на блестящий металлический кусок в груди покойного. На этот раз Хиро решил посмотреть поближе.

Он притворно закашлялся и прижал руку к животу.

— Простите. Можно я выйду на воздух?

Маюри нахмурилась, глядя, как он пересекает комнату и идет к раздвижной двери, выходящей на веранду.

— Ничего не трогай, — резко сказала она. — Я не хочу, чтобы сцена была нарушена.

Хиро задался вопросом: это она так старательно лжет или не понимает, что тело перемешали?

Проходя мимо трупа, он пристально посмотрел на порезы на груди самурая. Раны покрывала подсохшая кровь, но сами параллельные разрезы казались одинаковыми по размеру и были расположены почти на одном расстоянии друг от друга. Очень похоже на следы от когтей тигра. В самом центре раны сверкнул металлический фрагмент. Как Хиро и подозревал, у убийцы сломался клинок.

Больше он ничего не увидел, потом дошел до двери, открыл ее и вышел наружу. Над верандой простирались длинные соломенные карнизы, поддерживаемые круглыми колоннами, стоящими на некотором расстоянии друг от друга. Перед Хиро раскинулся узкий двор, где росло несколько вишневых деревьев. Под ними были разбиты декоративные клумбы, между которыми стояли гранитные фонари и черный каменный Будда. Круглый живот Будды покрывал яркий зеленый мох.

Помимо россыпи листьев на земле, оставленных прошлой ночью кратковременным, но яростным штормом, Хиро не видел никакого стороннего вмешательства. На траве не было никаких следов, только цветок склонился к земле после дождя. Следов крови на веранде тоже не было. Хотя Хиро и не ожидал их увидеть. Следы в комнате заканчивались у двери и последние из них стояли рядом. Кто бы их не оставил, он остановился у двери, чтобы обуться или, возможно, снять окровавленные носки. Следы заканчивались именно там.

Справа за территорией чайного дома торчало небольшое квадратное здание. Хиро подошел к краю крыльца и осмотрел карнизы. Крыша стоявшего в отдалении здания была соломенной, входная дверь была открыта. Фонари, висевшие у входа, и узкие окна под самой крышей предполагали, что это и есть отхожее место.

Пара древних вишневых деревьев стояла между уборной и садовой стеной, отделявшей Чайный дом Сакуры от соседнего. Большое дерево было порядка девяти метров, а второе ниже на метр-полтора. Своими ветвями они доставали до соседнего дома, словно огромные воришки, пытающиеся забраться в карман к соседям.

Хиро вернулся к открытой двери и заглянул в комнату. Маюри исчезла, а межкомнатная дверь была задвинута. Отец Матео сидел на коленях рядом с Саюри. Их головы склонились в молитве.

Как только Хиро переступил порог, сквозь стены здания эхом разлетелись крики. Они доносились от главного входа в чайный дом... злые, требовательные, мужские.

Хиро поспешил занять место между священником и внутренней дверью. Если он не ошибался, прибыл родственник убитого.

Дверь открылась. В комнату, положив руку на рукоять катаны, ураганом ворвался молодой самурай. Он сделал два шага в сторону очага и потрясенно замер.

Незнакомец почти на пол головы был ниже Хиро, лоб его был выбрит, а длинные черные волосы собраны в самурайский узел. Мужчина выглядел очень молодо, не старше девятнадцати лет. Стройный, с узким лицом и тоненькими усиками, которые больше казались тенью над его губами. На юноше были надеты мешковатые шаровары хакама и сюрко с широкими плечами из яркого узорчатого шелка. Парень пытался хорохориться, что не соответствовало его возрасту.

Его одежда и отношение выдавали в нем досина или местного полицейского, пришедшего на место преступления.

Хиро стало интересно, кто его позвал. Несмотря на то что все полицейские были самураями, лишь простолюдинам требовалась помощь следователей и полиции. Семьи самураев вершили правосудие сами.

Нос пришедшего покраснел. Краснота разлилась по его наполовину выбритому лбу. Косичка задрожала, как задрожали и руки на мече. Он не мог оторвать глаз от трупа.

— Что здесь произошло? — ахнул он.

Открыв дверь, Маюри так и не встала. Она снова склонила голову к полу, а когда вернулась в исходное положение, казалась очень маленькой и беззащитной. От страха ее холодность растаяла, словно горячий чай растопил снег.

— Я тысячу раз прошу прощения, Акеши-сама, — сказала она, выказывая всю почтительность и уважение. — Мы не... мы надеялись, вы поймете... виноват наемный убийца.

Самурай крутанулся вокруг своей оси и наставил палец на Маюри.

— Его убили в твоём чайном доме. Это ты виновата. — Он повернулся к покойнику и рухнул на колени. — Найди что-нибудь, чтобы прикрыть моего отца.

В уме Хиро прозвенел предупреждающий звоночек. Должность в полиции Киото была наследной, переходящей от отца к сыну. Мертвый самурай грозил Саюри неприятностями. Мертвый полицейский грозил неприятностями всем, особенно учитывая тот факт, что сын его был досином.

Хиро очень хотелось, чтобы они с отцом Матео пришли сюда позже или не приходили вовсе.

Маюри снова уткнулась лбом в пол, но не раньше, чем Хиро заметил ужас в ее глазах.

Саюри встала и взяла кимоно покойного.

Досин дернул головой и резко сказал:

— Ты что это удумала?

Саюри замерла, широко распахнув глаза. Шелковое кимоно развернулось и выскользнуло у нее из рук. Она прижала его к груди, чтобы оно не упало на пол.

Глаза молодого человека наполнились непролитыми слезами, но кулаки по бокам были крепко сжаты.

— Как смеешь ты осквернять его кимоно своими окровавленными руками!

Кимоно и так уже было испорчено, но Хиро подозревал, что сын погибшего мыслил сейчас не очень здраво. У него на это была причина.

Хиро протянул руку.

— Давайте я.

Молодой самурай моргнул, и его брови взметнулись от удивления. Когда он заметил иноземного священника, они снова сошлись у переносицы. Юноша вскочил на ноги. Он едва возвышался над Саюри, но ярость делала его гораздо выше.

— Вы кто? — требовательно спросил он. — Что вы здесь делаете?

Хиро поклонился.

— Я Мацуи Хиро, переводчик и писарь. А это отец Матео Авила де Сантос, священник чужеземной религии. Он из Португалии.

Лицо молодого человека побагровело. Он повернулся к Маюри.

— Как ты посмела пустить в эту комнату чужеродный дух! — Он снова посмотрел на Хиро, и его рука вернулась на рукоять катаны. — Уведи его отсюда, пока я не снес ему голову.

Хиро восхитился тем, как самурай перевел свою скорбь в гнев, но увидел в этом угрозу вспышки насилия. Стараясь держаться между самураем и священником, Хиро забрал кимоно у Саюри и аккуратно накрыл тело. При этом он постарался не коснуться трупа.

Закончив, Хиро сказал:

— Священник находится под защитой сёгуна. Асикага Ёситеру лично пригласил его жить и работать в Киото.

— Но это не дает ему никакого права оскорблять тело моего отца.

— Присутствие священника не может оскорбить мертвого, — сказал Хиро. — Он не прикасался к вашему отцу. Священник здесь, чтобы утешить женщину, которая разделяет его веру.

Хиро перешел на португальский.

— Мы должны уйти.

— Что ты сказал? — требовательно спросил самурай. — Говорите на японском!

— Отец Матео не очень хорошо говорит на нашем языке. — Хиро надеялся, что священник ему подыграет. — Я сказал ему, что вы хотите, чтобы он ушел.

Молодой человек прищурившись смотрел на Хиро. Его рука все еще лежала на рукояти меча, его трясло как кабана перед нападением.

Хиро почувствовал, как по конечностям побежал адреналин, но постарался держать руки по бокам. Ему не хотелось убивать полицейского, если этого можно было избежать.

Отец Матео, казалось, не подозревал об опасности.

— Я не уйду, — на португальском сказал он. Потом кивнул на Саюри. — Ей нужна наша помощь.

Хиро повернул голову так, чтобы ему были видны глаза священника.

— Мы должны уйти. Немедленно.

— Саюри я забираю с собой.

Отец Матео поманил девушку к себе и направился к двери.

Жест не нуждался в переводе.

— Стой, где стоишь! — рявкнул юноша.

Саюри замерла, открыв рот и широко распахнув глаза.

Отец Матео втянул носом воздух. Казалось, в последний момент он вспомнил, что вроде как не слишком хорошо говорит по-японски. Священник закрыл рот и ничего не сказал.

— Она утверждает, что не убивала вашего отца, — сказал Хиро. — Нет причин для того,

чтобы она здесь оставалась.

— Пожалуйста, Нобухидэ. — На глаза Саюри навернулись новые слезы, а костяшки ее пальцев побелели, когда она сцепила руки. — Не убивайте меня.

Нобухидэ не обратил на нее никакого внимания.

— С этой женщиной мой отец проводил многие вечера. Ее кимоно выпачкано его кровью. К тому же я вижу на полу только следы от женских ног.

Он показал на небольшие отпечатки, ведущие от закрытого шелком тела к двери. Хиро был согласен, что они похожи на женские, но предпочитал не делать скоропалительных выводов.

Опять же, это и не его отец лежал у очага.

Саюри опустила на колени и склонила голову к полу.

— Это не я, — прошептала она. — Когда я проснулась, он уже был... таким.

Самурай посмотрел на стены и кровь на полу, словно пытаюсь воссоздать преступление.

— Я вижу здесь следы, но не вижу их на крыльце. Каким образом убийца вошел и вышел незамеченным?

Он вытащил катану.

Мускулы Хиро напряглись, когда он услышал шипение клинка. Только многолетние тренировки помогли ему сохранить руки и тело в неподвижном состоянии.

— У меня есть право отомстить за смерть отца, — заявил Нобухидэ. — Во-первых, потому что я его первый сын, а во-вторых, я ёрики на службе в Понто-тё.

У Хиро перехватило дыхание. Ёрики были полицейскими командирами и помощниками судей. Под их командованием находилось не менее тридцати досинов.

— Пожалуйста, нет, — умоляюще сказала Саюри.

Маюри, такая же немая, как и каменные псы у ее ворот, наблюдала за происходящим, сидя у двери.

— Подождите, — сказал отец Матео.

Нобухидэ обернулся.

— Ты же сказал, он не говорит по-японски.

Рука Хиро поползла к катане, однако он поборол желание вытащить ее из ножен. До сих пор Нобухидэ всего лишь угрожал Саюри, и Хиро все еще не хотел убивать юношу. По крайней мере не при свидетелях.

Он сделал шаг по направлению к Нобухидэ.

— Я сказал, что он не очень хорошо говорит на нашем языке. Я никогда не говорил, что он его не понимает.

Юный самурай держал катану на уровне талии, левой рукой почти касаясь гарды, тогда как его правая ладонь лежала у основания рукояти. Хиро узнал в его позе боевую стойку. А еще он знал, что для самурая достать меч и не пролить кровь, считалось позором и потерей своего лица, да и полицейские не любят попадать в неловкое положение.

Хиро должен был разрядить обстановку, или кто-нибудь умрет.

— Мы должны что-то сделать, — на португальском сказал отец Матео.

— Таков закон, — ответил Хиро. — У него есть право отомстить за отца.

— Но она не убивала его отца, — продолжал протестовать священник. — Ее смертью правосудие не свершится.

— Говорите по-японски, — прорычал Нобухидэ, подняв меч, чтобы подчеркнуть угрозу.

Отец Матео уверенно встал между Саюри и самураем, что говорило либо о его

невежестве, либо о его глупости. Нобухидэ распахнул глаза и немного опустил свой меч.

Священник обратился к Хиро:

— Переводи. — Потом поклонился Нобухидэ и продолжил говорить на португальском: — Достопочтенный сэр, я уважаю ваши традиции и ваш закон, но эта женщина находится под защитой церкви, которая в свою очередь находится под защитой сёгуна.

Сёгун Асикага даровал моему предшественнику, Франциску Ксавье, разрешение проживать в Киото и проповедовать во имя нашей церкви тому, кто этого захочет. Эта женщина признала Иисуса Христа своим Господом и Спасителем. Она находится в Божьей милости в равной степени как и под японским законом.

Правая рука иезуита дернулась. На мгновение Хиро подумал, что он поднимает ее, но священник сдержался. Хиро с удовлетворением это отметил. Он очень часто предупреждал отца Матео о том, насколько для самурая важен контроль.

Хиро перевел слова священника как можно более вежливо и принялся наблюдать за реакцией Нобухидэ. Синоби не убьет, если его не спровоцировать, но он не станет колебаться, если нужно будет спасти священнику жизнь.

Нобухидэ усмехнулся.

— Она убийца. У нее нет прав по закону.

— Христианин должен иметь право доказать свою невиновность, — упорствовал отец Матео. Он продолжал говорить по-португальски. — Этого требует закон церкви.

Хиро подозревал, что иезуит блефует, но слова его все-таки перевел.

— Я никогда ничего подобного не слышал, — ответил Нобухидэ. — К тому же самураи не следуют твоим христианским законам.

— Но Саюри следует, — возразил отец Матео. — Как и вы следуете кодексу Бусидо, который требует вершить правосудие, проявляя великодушие.

Когда Нобухидэ услышал перевод, он удивленно отступил на шаг и еще на несколько сантиметров опустил кончик меча. Он сердито посмотрел на Хиро.

— На самом деле он этого не говорил. Это ты ему помог.

— Отец Матео изучает Бусидо так же, как и учение Христа, — сказал Хиро, радуясь тому, что священник так быстро сообразил обратиться к самурайской чести, а не только к религиозному закону.

— И как же она собирается доказывать свою невиновность? — поинтересовался Нобухидэ. — Она виновна.

— У нее есть два дня на то, чтобы доказать обратное, — настаивал отец Матео. — Столько времени Господь провел в могиле, прежде чем Он восстал из нее, доказав свою божественную природу. Это главный постулат нашей веры. Вы же не станете оспаривать волеизъявление Саюри в выборе религии?

Закончив переводить, Хиро добавил от себя:

— Также легко вы можете убить ее и через два дня.

— Она сбежит. — Нобухидэ злобно посмотрел на Саюри.

Девушка все еще оставалась на коленях, уткнувшись лбом в пол.

— Она не сбежит, — сказал Хиро. — Если сомневаетесь, поставьте у чайного дома досина.

Ему было все равно, что случится с Саюри, но если он убедит Нобухидэ, то это позволит ему увести священника с головой на плечах.

— Как я буду вести дела, если у моих дверей будет стоять полицейский? — в ужасе

сказала Маюри.

— Это уловка, — сказал Нобухидэ. — Ночью священник поможет ей сбежать.

— Даю слово, что он этого не сделает. — У Хиро вообще больше не было намерений возвращаться в Сакуру. — Дайте девчонке два дня. Под охраной. Если она не сможет доказать свою невиновность, вы сможете ее казнить. Люди запомнят вашу преданность справедливости.

Пока Нобухидэ обдумывал предложение, Хиро видел, как внутри мужчины борется честь Бусидо и желание отомстить.

— Очень хорошо. — Нобухидэ поднял руку с мечом и показал на отца Матео. — Но с него я спрошу в равной степени.

Священник поклонился.

— Я даю вам слово, что Саюри не сбежит.

— Не за это, — сказал Нобухидэ. — Мои люди будут сторожить чайный дом. Вы ответите за смерть моего отца. Если вы докажете невиновность Саюри к полудню через два дня, я казнь убийцу, а ее освобожу.

В противном случае я убью вас обоих.

— Ты из ума выжил что ли? — Хиро еле сдерживался, пока они не вышли на улицу. —

Ты вообще о чем думал?

— Он не убьет меня, — ответил священник. — Я под защитой сёгуна.

— Ты аннулировал свой статус, когда предложил девчонке помощь. Ты вообще откуда ее знаешь? Я никогда ее прежде не видел.

— Месяц назад я встретил ее Понто-тё.

Хиро остановился как вкопанный.

— Что ты делал в Понто-тё? Я думал, ты не любишь женщин.

— Есть и другие причины, по которым можно принять обет целомудрия, — ответил отец Матео.

Хиро поднял бровь.

— Но не в Японии.

— Если хочешь знать, я пошел в Понто-тё, чтобы посмотреть на танцы цветущей вишни. В прошлом году я пропустил их, но слышал, что на них стоит посмотреть. В этом году танцевала Саюри, это был ее дебют. Она очень талантливая танцовщица.

— И она с тобой заговорила?

Хиро было трудно в это поверить. В большинстве своем гейши отдавали свое время только тем, кто за это платил.

— Не стоит так удивляться. Но раз уж на то пошло, я не разговаривал с Саюри во время танца. Несколько дней спустя я столкнулся с ней на улице, когда она шла к парикмахеру. Я проводил девушку туда и обратно. С тех пор мы несколько раз встречались за чаем. Христианскую веру она приняла лишь неделю назад.

— Как удобно, — сказал Хиро. — Как раз тогда, когда ей потребовалась помощь.

— Она этого не делала, — ответил Иезуит. — Она не стала бы лгать.

— Все женщины лгут, — возразил Хиро. — А эта к тому же делает это не очень умело. Самурай бодрствовал, когда кто-то его убил. Саюри не могла в это время спать.

— Откуда ты это знаешь?

— Брызги крови на стене говорят о том, что он стоял, когда ему перерезали горло.

Они дошли до реки Камо, но вместо того чтобы повернуть в сторону дома, Хиро взошел на мост.

— Ты куда это? — поинтересовался отец Матео.

— Ёрики отвечают перед судьей. — Хиро остановился, дожидаясь, когда иезуит его догонит. — Как чиновник, который выше рангом, чем Нобухидэ, судья может освободить тебя от обязательств. Я хочу встретиться с ним и объяснить, что ты не имеешь к произошедшему никакого отношения.

— Но я ведь имею. — Отец Матео догнал его и зашагал в ногу с Хиро. — Я собираюсь помочь Саюри доказать ее невиновность.

— Чего? Ты же едва ее знаешь!

— Она член моей паствы и сестра моя во Христе. Ты бы позволил, чтобы твою сестру несправедливо казнили?

При упоминании сестры Хиро отвел взгляд в сторону. Эта тема была одной из важных в списке тем, на которые он никогда не говорил, даже с друзьями.

Поскольку Хиро промолчал, отец Матео добавил:

— Я не могу просто стоять в стороне и смотреть, как кто-то убивает невинную женщину.

— Не только можешь, но и будешь стоять, даже если она невиновна. Я дал клятву, что ты будешь в безопасности, и не намерен ее нарушать.

— Я пытаюсь спасти жизнь, а тебя беспокоит лишь твое жалованье?

— Жалованье? — Хиро издал звук, больше похожий на лай, чем на смех. — Если ты умрешь, моя голова слетит с плеч.

— Сёгун Асикага поймет, что я действовал сообразно моей совести. Я напишу ему письмо, что твоей вины в этом нет.

— Ты переоцениваешь способность самураев к пониманию, — сказал Хиро. — Ига-рю отправили меня сюда, а не сёгун. А Ига не прощает неудач.

— Сёгун их заставит.

— Сёгун правит Киото, его власть не распространяется на провинцию Ига. Но даже если бы так и было, кланы синоби перед военачальниками, включая и сёгунов, не отвечают.

— Значит тебе придется убедить судью каким-то иным образом, — сказал отец Матео. — Я помогу Саюри, и цена меня не волнует.

На другом конце моста устроили поединок два мальчишки-самурая. Треск от их деревянных палок эхом отражался от зданий, стоящих вдоль берега. Мальчик постарше был на голову выше того, что помладше, но второй паренек оказался более мастеровитым. Он нырнул под меч своего оппонента и ударил деревянным боккэном по черепу высокого мальчика. Стук звонко разлетелся по воде.

— Хай! — победно крикнул парень. Он поднял меч и сделал шаг назад, закончив бой.

Старший мальчик согнулся пополам и потерял голову. Хиро сочувствующе поморщился. Несмотря на то что прошло много лет, он хорошо помнил, какие они, удары от боккэна.

Священник покачал головой.

— Это должно быть очень больно.

— Лучше боль, чем смерть, — ответил Хиро.

— А почему у старшего челка? — спросил отец Матео. — Я думал, что самураи бреют головы в шестнадцать. Этот выглядит гораздо старше.

— По-разному, — ответил Хиро. — Мальчики бреют лбы после гэмпуку, когда получают свой собственный меч и взрослое имя. Каждый отец сам решает, когда его сын к этому готов.

Мальчики изумленно уставились на чужеземца, хватая, словно рыбы, воздух открытыми ртами. Отец Матео не обратил никакого внимания на уже столь знакомое ему удивление, но Хиро нахмурился и положил руку на рукоять катаны.

Мальчики низко поклонились и вернулись к своему поединку. Хиро улыбнулся про себя. Мужчине не обязательно обнажать меч, чтобы им воспользоваться.

Мужчины ступили на дорогу Сандзё. Хиро посмотрел вниз на раскинувшийся Понто-тё. Этим утром улицы были темными и пустынными. Чайные дома и бордели просыпались на закате, а засыпали на рассвете.

Пройдя несколько кварталов, мужчины повернули на север и пошли дальше вдоль стены полицейского участка, пока не добрались до входа, ведущего к административному зданию. Увидев иезуитского священника, охрана на воротах принялась толкать друг друга и перешептываться.

Хиро также услышал слово "ронин", сопровождавшееся хихиканьем. Он привык к тому, что его принимали за самурая без хозяина, то есть ронина, который служил чужеземному духу, потому что у него не было иного выбора. Большинство людей сочли бы это оскорблением, но Хиро считал, что так даже лучше, к тому же весьма забавно.

Подворье судьи находилось совсем рядом с полицейским участком. Ворота охраняли два самурая в кожаных доспехах. У входа уже собралась небольшая толпа торговцев и рабочих. Их состояние колебалось от обеспокоенности до нервозности. В основном здесь присутствовали мужчины, но кое-где в тени своих мужей прятались и женщины.

Никто не разговаривал.

От толпы исходил запах пота. Обычно люди мылись достаточно часто, чтобы от них не пахло плохо, но визит к судье вызывал страх, даже если они думали, что их просьба справедлива.

Толпа наблюдала за приближением чужеземца. Ребенок показал на него пальцем, но мать вовремя его одернула. В каком порядке будут рассмотрены дела, решали охранники, поэтому никому не хотелось устроить сцену и оказаться в конце очереди.

Приближаясь к охране, Хиро напустил на себя побольше важности. Мужчина справа не поднял на него взгляда, поэтому телохранитель заговорил с тем, что стоял слева.

— Мы хотим увидеть судью.

— Судья спит, — ответил страж. — Приходите позже и ждите своей очереди.

— Вопрос не терпит отлагательств, — сказал Хиро. — Это касается убийства ёрики.

Охранник моргнул и выпрямился.

— Убийство? Что случилось?

Хиро бросил взгляд на толпу торговцев.

— Это деликатный вопрос. Вероятно, судья захочет поговорить об этом лично.

На круглом лице охранника отразилось понимание. Он медленно кивнул.

— Да, возможно, он захочет поговорить с вами до начала официального слушания.

Страж растворился. Его напарник посмотрел на Хиро и тут же отвел взгляд, стараясь не пялиться на иноземца. Вместо этого он посмотрел на простолюдинов, которые переместились подальше от ворот. Неприятные ощущения протекли по сословиям, словно вода вниз по холму.

Спустя некоторое время страж вернулся.

— Судья Ишимаки встретится с вами. Следуйте за мной.

Хиро с отцом Матео пошли за охранником по гравийной дорожке в сторону деревянного здания, занимавшего большую часть двора. Над обветренной верандой висели широкие карнизы. Решетчатые ставни закрывали окна, пропуская достаточно воздуха, но мало света. По бокам от двери, словно бивни у разинутого рта, стояли каменные фонари.

Охранник провел их в комнату, отделанную деревянными панелями, в самом центре которой находилась яма, наполненная белым песком. Рядом с ней на небольшом постаменте располагался деревянный стол. Даже сидя, судья все равно смотрел на всех в комнате сверху вниз. От угольной жаровни и масляных ламп исходил мерцающий свет, достаточный, чтобы рассеять тьму, но при этом наполнявший комнату мягкой дымкой.

— Зачем здесь песок? — прошептал отец Матео.

Охранник уже ушел, но темная, с низким потолком комната внушала уважение.

— Он олицетворяет справедливость и непорочность, — ответил Хиро. — Обвиняемый становится возле него на колени в ожидании решения суда. Не наступай на него.

— А нам не надо встать на колени?

— Мы здесь в качестве посланников, а не просителей.

С мягким шелестом дверь слева отъехала в сторону, и в комнату вошел судья. Его черное кимоно слилось с окружающими тенями, но волосы и лоб тускло светились в приглушенном свете. Некоторое время он казался лишь плывущей по комнате головой.

Его формы приняли какие-то очертания, когда он поднялся по лестнице к своему рабочему столу. Как только судья сел, он обратил свой взор на посетителей. При виде иностранного священника его белые как снег брови поползли вверх. Хотя удивление было не таким уж и сильным. Вероятно, страж успел предупредить его о португальце.

Хиро поклонился. Отец Матео последовал его примеру.

— Я Мацуи Хиро, переводчик и писарь отца Матео Авила де Сантос из Португалии. Благодарю, что согласились встретиться с нами лично.

Судья медленно кивнул.

— Был убит ёрики? Могу я узнать его имя?

— Акеши. — Хиро замолчал, внезапно осознав, что не знает полного имени покойного.

— Нобухидэ? — Выражение лица судьи не изменилось. — Жаль, несмотря на то что убийство не является чем-то особенным в Понто-тё. Могу я узнать обстоятельства его смерти и причину, по которой здесь замешан чужеземец?

— Нет, не Нобухидэ, — сказал Хиро. — Его отец. Акеши-сан был убит прошлой ночью в чайном доме, который находится на том берегу от Понто-тё.

Судья наклонился и положил руки на стол.

— Акеши Хидэёши не был ёрики. Он был генералом в отставке, прежде служившим под началом сёгуна. — Лоб судьи покрылся морщинками. — Вы говорите он был убит? В чайном доме?

В этот момент Хиро очень захотелось, чтобы их здесь не было. Все повернулось не совсем так, как он ожидал.

— И каким образом здесь замешан чужеземец? — поинтересовался судья.

— Он не замешан, — ответил Хиро. — Он просто духовный наставник обвиняемой — гейши по имени Саюри.

— Из Чайного дома Сакуры?

Хиро попытался скрыть свое удивление.

— Вы с ней знакомы?

Судья кивнул. Седая косичка у него на макушке слегка качнулась.

— Я знаком с этим домом, хоть персонально и не знаком с девушкой. Значит, говорите, священник является ее духовным наставником?

— Да, она приняла его Бога. — Эти слова не могли навредить. Весь вред уже причинен. — Она послала за ним этим утром, когда преступление свершилось. Нобухидэ прибыл сразу после нас. Он хотел сразу же казнить девчонку, но отец Матео вмешался.

Судья удивленно вскинул брови и пристально посмотрел на священника.

— И зачем он это сделал?

— Его религия гарантирует обвиняемому возможность оправдать себя. У Саюри есть это право. Кроме того, последователи его Бога считают друг друга братьями и сестрами. Отец Матео принимает Саюри за свою сестру и поэтому попросил Нобухидэ дать ей возможность доказать свою невиновность.

— Правда? — Судья наклонился вперед. — Как увлекательно. Я хотел бы узнать о нем

побольше. Он говорит по-японски?

— Немного, — ответил Хиро. — Не очень хорошо.

Судья снова отклонился назад.

— Жаль. Мне бы хотелось обсудить с ним эти законы немного глубже. — Он сложил руки на столе. — Я так понимаю, Нобухидэ особо не оценил чужеземные законы.

— Не совсем, — согласился Хиро. Шутка судьи предлагала рассматривать его в качестве союзника. — Он удовлетворил просьбу, но решил, что отец Матео разделит ответственность, если Саюри не сможет доказать свою невиновность. Он угрожает казнить их обоих через два дня.

Судья потер подбородок.

— Крайне прискорбно. Полагаю, вы здесь, чтобы попросить меня вмешаться.

Хиро кивнул.

— Боюсь, здесь я ничего не могу сделать. Если бы убийство произошло в Понто-тё, я мог бы еще приказать Нобухидэ не трогать иноземного священника. Но Чайный дом Сакуры лежит за пределами его юрисдикции. Там его авторитет проистекает из его статуса, как сына Хидэёши. Я не могу контролировать его действия. Вам ведь известно, что самурайский кодекс разрешает самураю требовать мести за смерть отца.

— Но я также знаю и то, что смерть чужеземного священника может осложнить отношения сёгуната с Португалией, — сказал Хиро.

Судья кивнул.

— Я поговорю с Нобухидэ, посмотрю, что могу сделать.

— Вы ничего не можете сделать.

Хиро крутанулся, положив руку на меч, кляня себя за то, что расслабился. Возле входа для посетителей стоял Нобухидэ. Его лицо и лоб были красными от еле сдерживаемой ярости. Он небрежно поклонился судье.

— У меня есть законное право отомстить за смерть отца. — Нобухидэ показал на отца Матео. — Этот человек сам влез в это дело. Он сам решил помочь женщине. Я полагаю, что он помог ей совершить преступление.

— Какая нелепость, — фыркнул Хиро. — Он всю ночь был дома. Я тому свидетель.

— Он мог помочь ей все спланировать или снабдил ее оружием, — сказал Нобухидэ. — Разве португальцы не торгуют огнестрельным оружием?

— Хватит! — Судья хлопнул ладонями по столу.

Он переводил взгляд с одного мужчины на другого и обратно. Его рука снова потянулась к подбородку. Обдумывая свое решение, он снова его потер. Этот жест означал неуверенность, но, когда судья заговорил, в его голосе одновременно сквозила уверенность и сожаление.

— Если вы не сможете доказать невиновность девушки в отведенное время, я не смогу удержать Нобухидэ от справедливой мести.

Он перевел взгляд на самурая.

— Но я могу требовать, чтобы вы содействовали в расследовании. По крайней мере вы не станете им препятствовать. Я ясно выражаюсь?

Нобухидэ нахмурился, но поклонился в знак согласия. Развернувшись, чтобы уйти, он махнул в сторону Хиро и сказал:

— Чайный дом Сакуры, полдень, через два дня. Убедись, что священник там будет.

Он вышел из комнаты, громко топая по деревянному полу.

— Мне жаль, что я ничем не могу помочь, — сказал судья, обращаясь к Хиро. — Теперь правосудие в ваших руках.

Как только они покинули двор судьи, Хиро обратился к отцу Матео:

— У тебя есть план?

— Какой план?

— Как поймать убийцу.

Иезуит пробежал рукой по волосам.

— Так далеко я не загадывал.

— А я не сомневался, — сказал Хиро. — Тебе нужно уехать из Киото. Нобухидэ не сможет тебя убить, если не сможет найти.

— Сбежать? Но я должен помочь Саюри доказать ее невиновность.

— Предполагаемую невиновность, что далеко не очевидно. Кровавые отпечатки идеально совпадают с размером ее ног.

— Она, возможно, наступила в кровь по ошибке.

Хиро недоверчиво посмотрел на священника. Никто не способен зайти в своем доверии и прощении настолько далеко.

— Это сколько же интересно японцев умышленно дотронутся до чужой крови, тем самым оскорбив себя? — поинтересовался Хиро. — Если Саюри и не совершала убийства, она, несомненно, сообщница.

Миновав полицейский участок, они свернули налево и направились по дороге Сандзё обратно к реке. Легкий ветерок трепал синие дверные занавески, указывая на то, что магазины уже открылись. Через дорогу до Хиро долетели мясные запахи, и его рот наполнился слюной при мысли о свежих фаршированных булочках. Он поискал глазами магазин сдобы, но не увидел его.

— Саюри не смогла бы убить мужчину, — сказал отец Матео. — Она еще совсем девчонка.

Слова священника вернули Хиро в реальность, оторвав от голодных мыслей.

— Японские женщины гораздо сильнее, чем кажутся. А гейши вообще специально учатся изображать невинность.

— Но Саюри христианка.

— И лгунья.

— Мне не нравится, что ты так говоришь. Даже если считаешь, что это правда.

— Она солгала нам почти во всем, — настаивал Хиро. — То, как она смотрела на Маюри, говорит, что они обе знают, что произошло на самом деле. Они что-то скрывают.

— Невозможно, — сказал отец Матео. — У тебя нет этому подтверждения.

— Нет, есть. Кто-то передвинул тело сразу после убийства. Учитывая окровавленное кимоно, полагаю, это была Саюри.

— Зачем ей это делать? — спросил отец Матео. — Но даже если и так, то, что она передвинула тело, не означает, что она убила самурая. Она могла передвинуть его этим утром, когда проснулась и обнаружила, что он мертв.

— Улики говорят об обратном. — Хиро широко размахнулся. — Брызнувшая кровь от раны на шее была повсюду. Ты же видел капли на стене и на полу.

Хидзэши стоял лицом к токонома, когда на него напали сзади. Капли полетели в том же направлении, а это говорит о том, что он не сражался. Вероятно, у него просто не было на

это времени. Кровь забрызгала стену и упала на пол напротив ниши. Но на футоне крови мало. Так бывает, когда она уже почти перестает бежать по венам.

Если бы Саюри передвинула тело через несколько часов после его смерти, что подразумевается ее рассказом, на футоне крови не было бы вообще.

— Так, может быть, это убийца перенес тело?

— Ему-то это зачем? — Хиро подождал, но священник промолчал. — Убийца, разрывающий глотку и выкалывающий глаза, не станет думать о том, чтобы перенести тело на футон.

— Если только не захочет, чтобы подозрение пало на Саюри, — сказал отец Матео.

— И он же измазал ей кимоно, пока она спала? — Хиро покачал головой. — Если ты хочешь найти убийцу самурая, тебе нужно перестать принимать ложь за правду.

— Но как же нам найти истину? Если мы не можем доверять Саюри, кому тогда вообще можно доверять?

— Доверяй уликам, — сказал Хиро. — Факты не лгут. Если даже люди обманывают, все равно можно докопаться до истины. Следуй за ложью, и ты отыщешь правду.

— Мы знаем, где и когда напал убийца, но почему именно здесь и в это время? Почему кто-то желал Хидэёши смерти? Если мы сможем ответить на эти вопросы, я думаю, мы найдем убийцу. Но ты должен понимать, если Саюри виновна, я отдам ее Нобухидэ, и ты не станешь вмешиваться.

— Согласен, — сказал отец Матео. — Но Саюри невиновна. Вот увидишь.

* * *

Возле чайного дома Сакуры на страже стояли четыре охранника: по одному у каждых ворот и еще двое возле каменных псов на тропинке. На мужчинах были надеты мешковатые шаровары и сюрко с широкими плечами, как и у Нобухидэ, но только дешевле. У всех четверых были мечи и дзюттэ, что говорило о том, что это досины — самые младшие по чину полицейские. Несомненно, служили они под началом Нобухидэ.

Сын покойного не терял времени даром.

Хиро наклонился к отцу Матео.

— Если придется, говори только на португальском.

Трое из досинов уже были седоволосыми и умудренными опытом полицейскими. Четвертому же было не более двадцати. Он страдал слегка избыточным весом, был круглолицым и походил на избалованного сынка. Его отращенные усы должны были придать ему достоинства, но имели обратный эффект.

Когда Хиро приблизился, старший досин кивнул. Младший прислонился спиной к статуе, не проявив никакого уважения, дабы подчеркнуть свой авторитет.

— Что вам здесь нужно? — требовательно спросил молодой досин. — В этот дом сегодня хода нет.

Отец Матео начал было кланяться, но Хиро остановил его своим взглядом.

— В доме карантин? — спросил Хиро.

Пожилой досин посмотрел на юного напарника, но тот не внял предостережению. Молодой человек, преграждая путь, поднял дзюттэ. Оружие сияло как новое, в отличие от потертых рукавов на одежде досина и его полинявших штанов.

— Мы охраняем это заведение. Там произошло преступление.

Должно быть, Нобухидэ приказал ему не упоминать об убийстве.

— В этом и есть причина нашего визита, — сказал Хиро. — Отец Матео Авила де

Сантос, священник португальской иностранной миссии, расследует убийство Акешы Хидзёши.

Пожилой досин отступил, освобождая тропинку, но юноша преградил путь.

— У чужеземцев здесь нет никаких полномочий. Это дело полиции. — Костяшки его пальцев побелели, с такой силой он сжал дзюттэ.

— Дело полиции? — переспросил Хиро. — Под вашей юрисдикцией?

Старший досин опустил глаза в землю. Плечи младшего поникли, он ничего не ответил.

— Кто ваш начальник? — спросил Хиро. Но он и так знал ответ. У вопроса была другая цель.

— Я не обязан вам докладывать.

Хиро посмотрел на пожилого досина и приподнял бровь.

— Акешы Нобухидэ, — ответил он. — Ёрики из Понто-тё.

— Понто-тё. — Хиро оглянулся через плечо и посмотрел на мост. — Этот чайный дом находится за пределами Понто-тё.

— Не ваше дело, — отрезал молодой досин. — Убирайтесь прочь, пока я не позвал судью.

Слова легко скатились с его языка, словно он очень часто пользовался этим предложением.

— Отличная идея, — вежливо сказал Хиро.

Глаза досина широко распахнулись, когда Хиро продолжил:

— Судья Ишимаки приказал полиции оказывать содействие расследованию, которое ведет священник. Но я уверен, он не будет возражать, если вы прервете его утренний прием, чтобы прослушать эту инструкцию еще раз.

Молодой досин прищурился. Он весь кипел от гнева. Его более старший напарник переминался с ноги на ногу. Полицейские старались не демонстрировать несогласие на публике, но более опытный мужчина, казалось, был на грани того, чтобы вмешаться.

Другие два охранника с интересом наблюдали за происходящим. Они были слишком далеко, чтобы слышать разговор, но моментально бы приблизились, если бы кто-нибудь из мужчин обнажил меч.

Молодой досин ткнул дзюттэ Хиро в грудь.

— Никаких подозрительных телодвижений. Если уходите, то одни. Никаких сопровождающих и никаких посылок. Это ясно?

Хиро горел желанием оставить на грубияне пару отметин, но в данный момент ситуация требовала обратного. Он слегка поклонился и позволил напряжению спастись.

— Благодарим за сотрудничество. Вы подаете отличный пример своим напарникам.

Какой именно пример, Хиро уточнять не стал.

Вместо этого он кивнул пожилому досину и повел иезуита по тропинке к чайному домику.

Маюри открыла дверь как только отец Матео потянулся, чтобы постучать. Он отдернул руку и неуклюже опустил ее. Маюри же опустила свои руки еще быстрее, но Хиро успел заметить темные пятна на ее пальцах и ожоги на левой руке. Раньше ничего такого там не было.

Отец Матео тоже их заметил.

— Вы поранились?

Маюри понизе натянула рукава.

— Все нормально. Обожглась, когда зажигала огонь. Слуга сбежал от нас, когда услышал об убийстве... суеверный дурак. Почему, как вы думаете, я сама открываю дверь все утро?

Она бросила быстрый взгляд на дорожку, словно надеясь, что слуга вернется. Когда взгляд Маюри обратился к Хиро, она выдавила улыбку.

— Вы что-то забыли?

Отец Матео поклонился.

— Мы надеялись поговорить с Саюри.

— И с другими женщинами, которые работают в этом доме, — добавил Хиро.

Улыбка Маюри растаяла.

— Никто ничего не видел и не слышал. Я поговорила со всеми сама.

— Значит разговор будет коротким, — сказал Хиро. — Спасибо за вашу услужливость.

— Это займет некоторое время, — сказала Маюри. — Мы не готовились к столь ранним визитам.

— Пока ждем, мы можем поговорить с Саюри. — Хиро мило улыбнулся, понимая, что владелица чайного дома не сможет отказать, не навлекая на себя лишних подозрений.

Когда Маюри поняла, что Хиро не собирается уходить, она склонила голову и повернулась, чтобы провести мужчин в дом. Ее кимоно слегка шуршало, словно мышь в мешке с зерном.

Когда женщина повернулась к ним спиной, Хиро обратил внимание на кусочек бумаги, который торчал из ее кимоно. Конец оби зажал его у самого подола. Хиро молча наклонился и быстро вытащил бумагу из ее наряда, спрятав кусочек в рукав. Культура чайного дома превыше всего ценила аккуратность и красоту. Маюри была бы в ужасе, если бы узнала, что где-то торчит обрезок. Несмотря на то что Хиро было плевать на ее чувства, он не видел смысла в том, чтобы она испытывала ненужную неловкость.

Маюри провела мужчин к первой двери с западной стороны большой комнаты. Опустившись на колени, она сказала:

— Вы можете поговорить с Саюри здесь, но, пожалуйста, не долго. Я позвала священников, чтобы они очистили дом.

Отец Матео вошел в комнату сразу же, как Маюри открыла дверь. Но Хиро задержался, чтобы задать вопрос.

— Вы скажете нам, когда остальные девушки будут готовы?

Губы Маюри сложились в тонкую улыбку.

— Конечно.

Хиро переступил через порог и присоединился к иезуиту.

Комната была такой же, как соседняя, за исключением того, что здесь не было крови и не было трупа. В токонома стояла чистая ваза с гортензиями. Однако в цветочной композиции было больше мастерства, чем в комнате, где произошло убийство. Хиро решил, что это работа хорошего мастера. Там же была, скорее всего, работа ученика.

Саюри стояла на коленях перед нишей, лицом к двери и спиной к вазе с цветами. Она искупалась и переделалась в кимоно из узорчатого шелка. Без косметики она выглядела моложе и гораздо красивее.

Справа от нее на полу лежал сямисэн. Отсутствие всякого рода украшений, говорило о том, что инструмент был тренировочным, чтобы скоротать время.

— Скажи что-нибудь, — сказал на португальском Хиро.

Отец Матео моментально узнал код.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал? Мне сказать что-то еще или я уже сказал достаточно? — Он постарался чтобы вопросы прозвучали не как вопросы, а как утверждение.

— Достаточно.

Хиро обернулся. Маюри опустилась на колени в дверном проеме, словно намереваясь там остаться.

— Я прошу прощения за иностранную речь, — сказал Хиро. — Отец Матео не знает правильных слов, чтобы задать свой вопрос.

В его религии существует ритуал, который называется "исповедь". Это когда обвиняемый доверительно говорит со своим священником. Отец Матео просит разрешения на исповедь с Саюри.

Маюри нахмурилась.

— В этом случае требуется конфиденциальность?

Хиро кивнул.

— Переводчик может остаться, но никто больше.

Маюри посмотрела на Саюри. К удивлению Хиро, девушка согласно кивнула.

— Хорошо, — вздохнула Маюри. — У меня в любом случае еще есть дела.

Хиро постоял у двери, чтобы убедиться, что ее тень исчезла.

Как только дверь закрылась, Саюри заплакала.

— Простите меня. Это моя вина. Я бы не послала за вами, если бы знала, что Нобухидэ решит вас убить.

— Не беспокойся, — сказал отец Матео. — Мы с Хиро найдем настоящего убийцу.

Саюри перестала плакать и посмотрела на него сквозь слезы.

— Вы правда думаете, что у вас получится?

Хиро боролся с желанием рассмеяться над ее попыткой манипулировать священником, пока не понял, что это сработало. Это его встревожило.

— Конечно, получится, — сказал отец Матео. — Но нам нужно, чтобы ты сказала нам правду о том, что случилось прошлой ночью.

— Так я уже все рассказала. Я проснулась, а Акешисан мертв.

— Не думаю, что это правда. — Неожиданная твердость отца Матео удивила Хиро. Он задался вопросом: неужели священник разгадал представление Саюри? — Ты боишься сказать правду? Кто-то тебя запугал?

— Конечно, нет, — сказала она, слишком быстро для того, чтобы это было правдой. — Наверное, его убил синоби.

— И кому нужна смерть Акеша Хидэёши? — спросил Хиро.

Саюри посмотрела на него, широко открыв глаза.

— Я не знаю. Акеша-сан был хорошим человеком. Маюри сказала, что он всегда исправно платил по счетам.

— Он был богат? — спросил Хиро.

Саюри задумалась.

— Он не покупал мне подарков, как бывает иногда у других девушек. Но он все-таки не был моим покровителем, просто постоянным посетителем.

— А гостей в чайный дом он приводил?

Саюри улыбнулась. Ее глаза сверкнули.

— Он привел своего брата, Хидэтаро.

Хиро нашел любопытным тот факт, что первая искренняя улыбка появилась на лице Саюри при упоминании брата Хидэёши. В правилах чайного дома не существовало запретов на то, чтобы развлекать и самого мужчину, и его родственников. Хотя, если девушка принимала мужчину как своего покровителя, она, как правило, отказывалась от встреч с его братьями или родственниками без его присутствия.

— Кто-нибудь еще? — спросил Хиро.

Саюри уставилась в потолок. Ее лоб прорезали морщинки. — Несколько месяцев назад он представил нам своего кузена. Он не местный. Масухидэ? Нет, но что-то типа того.

— И ты не запомнила? — уточнил Хиро. Гейши специально тренировали память, чтобы запоминать имена. Так гости чувствовали себя особенными во время своих последующих визитов.

— Нет. — Саюри заправила прядь волос за ухо, ее щеки порозовели от смущения. — У меня возникло впечатление, что они встречались всего пару раз. Они, похоже, были не слишком близки. Хидэёши сказал, что кузен здесь по делам. Я решила, что нет необходимости запоминать его имя.

— А как насчет брата Хидэёши... Хидэтаро? Он часто к вам приходил?

— Несколько раз с Хидэёши. — Лучезарная улыбка вернулась, но быстро исчезла. — Хидэтаро не может позволить себе посещение чайного дома. Но он очень приятный.

— Когда ты видела его в последний раз? — спросил Хиро.

Саюри опустила глаза в пол.

— Несколько недель назад.

— Как насчет Нобухидэ? — поинтересовался отец Матео.

— Его сюда больше не пускают. — Саюри широко распахнула глаза и понизила голос. — Он напился и силой взял одну из девушек. А у нас не такой дом. Это привело Маюри в ярость. Она сказала Хидэёши, что его сыну здесь больше не рады.

— Ты знаешь, как звали ту девушку? — спросил Хиро.

— Умеха? — Саюри покачала головой. — Мне кажется, это была Умеха, но я не уверена. Она не работает здесь уже год. Я думаю...

Зашуршав, открылась дверь, и Саюри замолчала на полуслове.

В дверном проеме опустилась на колени Маюри.

— Я приношу извинения за беспокойство, — тоном, говорившем об обратном, сказала она. — Сегодня утром девушки не могут с вами поговорить. Похоже, вы ждали напрасно.

Отец Матео начал было протестовать, но Хиро поклонился и сказал:

— Спасибо. Мы зайдем позже.

Маюри поднялась, чтобы проводить их. Отец Матео удивленно посмотрел на Хиро. Синоби слегка качнул головой и пошел следом за Маюри.

Когда они дошли до выхода, Хиро сказал:

— Поскольку другие девушки не могут с нами поговорить, может быть, вы скажете нам, где можно найти Умеху?

Улыбка Маюри исчезла. Ее губы приоткрылись от удивления, но она моментально взяла себя в руки.

— Боюсь, это имя мне незнакомо.

— Вы боитесь именно потому, что оно вам знакомо, — поправил ее Хиро. — Так что либо вы говорите нам, где ее найти, либо я проговорюсь нашим друзьям у входа, что у нее есть некая информация насчет убийства Хидэёши, а вы ее тщательно скрываете. Вот тогда и увидим, как много времени у них займет ее поиск.

— Они и так уже знают, где ее искать. — Улыбка исчезла с губ Маюри. Выражение ее лица стало жестким, когда она посмотрела мимо Хиро на досинов, стоящих во дворе. — Вы найдете ее в доме Плавающих Слив в Понто-тё.

Пока они не дошли до моста, отец Матео хранил молчание. Переходя реку, он спросил:

— Почему мы ушли? Нам нужно было поговорить с другими женщинами. Кто-то наверняка что-нибудь да слышал.

— Думаешь, они сказали бы нам правду? — Хиро не ждал ответа. — Маюри что-то скрывает, а ее девушки поддержат ее в любом случае. По крайней мере до тех пор, пока мы не узнаем достаточно, чтобы их переубедить.

— Ну, Маюри хотя бы помогла нам с поиском Умехи, — сказал священник. — Хотя я и не понимаю, зачем тебе это.

— Если наследник покойного склонен к насилию, полезно узнать, насколько далеко он может зайти.

* * *

Дом Плавающих Слив лежал в самой глубине Понто-тё. Крошечный двухэтажный домик был зажат по бокам двумя борделями. Верхние этажи зданий нависали над земляной дорогой, почти скрывая ее в своей тени, отчего было достаточно трудно прочесть, что написано на вывесках. Закат же в свою очередь превращал грязные переулки в сияющий рай бумажных фонариков, шелковых кимоно и раскрашенных лиц. Однако в дневное время Понто-тё напоминал Хиро престарелую проститутку без макияжа.

— Это он? — спросил отец Матео, когда они остановились у двери.

Хиро попытался посмотреть на чайный дом глазами иезуита. Сосновый фасад обветрил до серовато-коричневого цвета, а под карнизами пролегли темные пятна гнили. Второй этаж нависал над переулком, почти касаясь верхнего этажа борделя, стоящего через дорогу. Никаких каменных псов или вишневых деревьев, украшавших вход. Вместо этого — лишь вывеска, на которой от руки было написано: "ПЛАВАЮЩИЕ СЛИВЫ".

— Это же бордель, — сказал отец Матео.

— Похоже на то. — Хиро не разделял обеспокоенности священника.

Он постучал. С той стороны послышались шаги, и дверь открыла женщина. Ее бледно-голубое кимоно и узкий пояс говорили о том, что это служанка. Увидев мечи Хиро, она низко поклонилась. Когда женщина выпрямилась, она заметила священника. От удивления у нее открылся рот и широко распахнулись глаза. Она попыталась скрыть свои эмоции, поклонившись во второй раз, но этого времени ей не хватило, чтобы восстановить над собой контроль.

— Это Дом Плавающих Слив? — спросил Хиро.

— Да, сэр, но, к сожалению, до вечера мы закрыты. Тысяча извинений. Девушки сейчас отдыхают.

— Мы здесь не в качестве посетителей, — сказал Хиро.

Женщина сцепила руки и закусил губу. Хиро прекрасно понимал ее смятение. Она не могла пригласить их войти, поскольку это грозило навлечь на себя гнев хозяйки. Но оставить самурая и чужеземного священника на пороге — показать отсутствие всякого гостеприимства.

— Мы здесь по официальному делу, — добавил Хиро. — Пожалуйста, позовите хозяйку. Женщина поклонилась и поспешила прочь.

— Ты солгал, — сказал отец Матео.

Хиро удивленно приподнял бровь.

— Не больше, чем ты солгал Нобухидэ. Кроме того, я здесь по служебным делам. Нобухидэ ведь официальное лицо, так что я хочу знать о его делах.

Священник не улыбнулся в ответ.

Досада Хиро стала еще больше.

— Я же ничего не говорю насчет твоей лжи в чайном доме.

— Это другое. Я так сказал, чтобы спасти Саюри жизнь.

— То есть ты как бы договорился со своим Богом?

Отец Матео промолчал в ответ.

Хиро рассмеялся и напряжение спало.

— Так я и думал. — Он стал серьезным. — Я не просил, чтобы меня во все это втягивали, и до сих пор не согласен с твоим решением, но теперь мы в этом по самые уши. Поэтому я сделаю все возможное, чтобы твоя голова осталась у тебя на плечах. Ложь — это всего лишь начало.

Хиро с отцом Матео вошли в дом и сели на скамью, стоящую вдоль левой стены. Желтоватая бумага была натянута на деревянных решетках. В воздухе витал запах гари, обычно остающийся от приготовления дешевой жирной пищи, которую, к тому же, не убрали на ночь.

Прошло десять минут. Хиро коротал время, разглядывая узоры из разводов на стенах.

— Не думаю, что кто-нибудь придет, — наконец сказал отец Матео.

— Хозяйке требуется время, чтобы одеться и поправить макияж, — ответил Хиро. — Она скорее всего спала.

Еле слышный шорох заставил Хиро повернуться ко внутренней двери. Мгновение спустя, в проеме появилась женщина. На ней было надето шелковое кимоно, украшенное расписанными вручную бабочками. На талии красовался багряный пояс оби, а в седых волосах сверкали украшения в форме бабочек. Ее макияж абсолютно не скрывал морщин вокруг глаз, хотя щеки и шея были гладкими.

Хиро поклонился.

— Доброе утро.

Женщина хмуро посмотрела на посетителей.

— Вы не от сёгуна и не от судьи. Это заведение закрыто до вечера.

Она махнула в сторону двери, словно ожидала, что они тут же уйдут.

— Я приношу извинения за неудобства, — сказал Хиро. — Мы хотели бы увидеть Умеху.

— Вас послал Нобухидэ? — поинтересовалась она.

— А вы его ждете? — вопросом на вопрос ответил Хиро.

Ее лицо ничего не выражало.

— Я этого не говорила.

— Мы расследуем убийство, — сказал отец Матео. — Нам нужно поговорить с Умехой.

Хиро боролся с желанием закрыть лицо руками. Чужеземец имел неплохое представление о культуре Японии, но совершенно ничего не смыслил в искусстве направления разговора. Временами он напоминал Хиро импульсивного ребенка или престарелую женщину, лишённую самоконтроля.

— Убийство? — Левая рука женщины потянулась к горлу. — Здесь не было никакого убийства. Нобухидэ был в полном порядке, когда утром покидал нас.

— Значит Нобухидэ был здесь, — сказал Хиро. Слова священника, возможно, были безрассудными, но они обеспечили синоби сведениями, которыми он не преминул воспользоваться.

Она кивнула.

— Он провел ночь с Умехой. Посланец пришел за ним пару часов назад. Нобухидэ был жив, когда уходил. Что бы ни случилось, это произошло не здесь.

— Можем мы поговорить с Умехой, чтобы она подтвердила ваши слова? — спросил Хиро.

— Ждите здесь, я схожу за ней.

Пока они ждали Умеху, Хиро рассматривал пергамент на стене. В большинстве чайных домов там размещали декоративные свитки. В домах классом выше на таких пергаментах обычно была написана поэма или нарисован пейзаж. В Доме Плавающих Слив это был свиток со списком имен, в которых не было определенного порядка. Хотя Хиро знал, что самые дорогие девушки, как правило, располагались сверху.

Имя Умехи находилось примерно в середине, недостаточно близко к началу, чтобы считаться гейшей, но и не слишком низко, что бы ее приняли за проститутку.

Заведение называлось чайным домом, но его близость к борделям в самом центре Понто-тё и список имен говорили о том, что здесь можно купить нечто большее, чем напитки и пение. Перевод Умехи подтверждал некоторые догадки. Дома с высоким статусом предпочитали, чтобы гейши были непорочными. Женщина могла иметь одного покровителя, но при этом она не спала с другими мужчинами за деньги. Та же, которую обесчестили против ее воли, теряла всякую ценность и привлекательность. Только дома с более низким статусом могли принять ее, сохранив при этом лицо.

Хиро решил обращаться к Умехе так, словно она гейша высокого класса, притворившись при этом, что ничего не знает о ее прошлом. Ему нужна была информация, а лесть могла раскрыть женские губки.

В дверном проеме показалась девушка. Она была одета в розовое кимоно с оби в красно-белую полоску. Одежда подчеркивала ее бледную кожу и тонкие черты. Хотя она и не была так поразительно красива, как Саюри, у девушки было искреннее лицо и большие, как у ребенка, глаза. Выглядела Умеха лет на пятнадцать, хотя на самом деле была старше года на три-четыре. В этом тоже не было ничего удивительного. Женщины в районе удовольствий дорожили своей молодостью и старались всячески ее сохранить. От этого зависел их заработок.

При виде отца Матео Умеха вздрогнула от удивления, но тут же согнулась в поклоне.

— Доброе утро, уважаемые господа, — сказала она, стараясь дальше держать рот на замке, но все-таки выпалила: — Что-то случилось с Нобухидэ?

— Нет, он в порядке, — ответил Хиро.

На лбу девушки появились морщинки.

— Мадам сказала...

— Боюсь, что это была в некотором роде уловка. — Хиро смущенно поклонился. — Я хотел с вами поговорить, поэтому позволил ей подумать, что Нобухидэ был убит.

Умеха перевела взгляд с Хиро на священника, сложив руки на талии. Так делали все женщины чайных домов, пытаясь сохранить спокойствие.

— Я не понимаю.

— Отец Нобухидэ мертв. — Хиро не беспокоился насчет распространения слухов. Слово путешествовало по чайным домам со скоростью морской волны. Дом Сакуры стоял не так далеко от Понто-тё, чтобы стоило переживать насчет сплетен. К вечеру каждая гейша в Киото будет знать об убийстве, и не важно, упомянет Хиро о нем или нет.

Умеха покраснела, потом побледнела.

— Пока его отец умирал, он проводил ночь со мной? — Она закрыла рот ладонями, а потом опустила голову, прикрывая таким образом лицо полностью. Ее плечи содрогались от

сожаления и, вероятно, от страха.

— Это очень печально, — сказал Хиро. — Мне жаль, что я принес плохие вести.

Он решил, что реакция девушки весьма любопытна, в основном по той причине, что казалась искренней. Куртизанка или проститутка повела бы себя сдержаннее. Это означало, что Нобухидэ был для нее не просто денежным мешком... что, в свою очередь, говорило о том, что три года назад Умеха не была невинной жертвой Нобухидэ. По крайней мере, не жертвой обстоятельств.

Девушка отняла ладони от лица. Ее глаза покраснели, но слез не было.

— Нет, я рада, что вы пришли. — В уголках ее рта появилась улыбка, хоть она и пыталась ее сдерживать. — Когда появился посланник, Акеши-сан ушел очень быстро. Почти ничего не сказал. Я подумала, что он разозлился на меня за то, что я вечером выпила слишком много. Я и правда перепила. Даже заснула раньше, чем... — Она оборвала себя на полуслове. — Я уснула очень рано.

Она прижала ладонь к груди.

— Я не должна чувствовать себя лучше от того, что его отец мертв, но мне претит мысль о том, что Нобухидэ может злиться на меня.

— А он часто злится? — спросил Хиро. Он не надеялся на честный ответ, так что весьма удивился, когда Умеха решительно и без колебаний покачала головой.

На ее губы вернулась улыбка, и на этот раз девушка не пыталась ее спрятать.

— Вовсе нет. Нобу не такой. Он замечательный покровитель. Я больше ни с кем не встречаюсь. Прошлой ночью он даже раздел меня и отнес на кровать. — Она рассмеялась. — А мое платье было таким грязным! Мы, наверное, побывали в каждом баре Понто-тё.

— Помните, в какие именно заходили? — спросил Хиро.

— Не помню ничего, что было после ужина. — Она хихикнула. — Но я никогда ничего не помню, если напиваюсь так, как вчера.

Ее лоб покрылся морщинками.

— Я надеюсь, он все-таки не сердится.

Хиро одарил ее ободряющей улыбкой.

— Не думаю, что кто-то вообще может долго злиться на вас.

Девушка улыбнулась.

— Он сказал, что, если сможет, придет сегодня вечером.

— Часто он к вам ходит?

— Кажд... — Щеки Умехи вспыхнули, краснота поползла дальше на нос, словно у маленькой девчонки, которую застали за кражей засахаренных слив. Она покачала головой. — Я не могу говорить о своем покровителе. Вам ведь это хорошо известно.

— Верно, — улыбаясь, сказал Хиро. — Вы меня поймали.

— Мне очень жаль, что его отец скончался, — сказала Умеха. — Нобухидэ очень хорошо спал этой ночью. Мне было жаль будить его утром, когда пришел посланец. А теперь мне стало даже еще печальнее.

— Вы все сделали правильно, — сказал Хиро, скорее не для того, чтобы успокоить Умеху, а каким-то образом закончить разговор, поскольку своей цели синоби уже достиг.

Приписываемое Нобухидэ изнасилование теперь выглядело как выявленная интрижка. В результате чего Умеха заявила, что все случилось без ее согласия, дабы избежать обвинения в оказании бесплатных услуг. После ее перевода в менее дорогой дом, они оформили свои отношения, по-видимому, к взаимной радости обоих.

Умеха посмотрела на Отца Матео и прошептала:

— Никогда не видела иноземца. Он не такой бледный, как дух, и одет почти как настоящий человек.

— Да и говорит тоже как человек, — подал голос отец Матео.

Умеха открыла от удивления рот. Ее руки взлетели к губам, чтобы скрыть свои эмоции. Она несколько раз глубоко поклонилась.

— Прошу прощения, — сказала она. — Извините меня.

Отец Матео рассмеялся.

— Пожалуйста, не берите в голову.

Хиро ничего смешного в этом не видел. Если Умеха упомянет в разговоре с Нобухидэ священника, ёрики может понять, что его ввели в заблуждение насчет языковых познаний иезуита.

— Спасибо, что уделили нам время, — сказал Хиро. — Еще раз прошу прощения за то, что напугал вас.

Улыбка вернулась на лицо девушки. Похоже, открытая радость была ее обычным выражением.

— Мне все равно, если с Нобу все хорошо.

— И если он не сердится, — добавил Хиро.

Умеха кивнула.

— Я рад, что вас не смущает присутствие отца Матео, — сказал Хиро. — Большинство считает, что чужеземцы приносят неудачу, как лисы и духи.

— Неудачу? — Наморщила лоб Умеха. — Это почему?

— Я не знаю, — ответил Хиро. — Я не уверен, конечно, но некоторые самураи очень суеверны. Например, Нобухидэ. Он решил, что священник оскорбит тело его отца только лишь одним своим присутствием в комнате.

Умеха часто задышала, и ее правая рука потянулась к шее.

— Правда? — Она выглядела очень напуганной.

Хиро прикусил нижнюю губу, словно задумавшись над своими словами.

— Боюсь, что правда.

Умеха выглядела так, словно вот-вот заплачет.

Хиро поднял палец, будто на него снизошло озарение.

— Я вот что вам скажу. Я не стану ничего говорить Нобухидэ о нашем с вами разговоре. Не хочу, чтобы у вас были неприятности.

Умеха облегченно вздохнула.

— Спасибо вам большое.

Как только отец Матео и Хиро пошли по изогнутому переулку прочь от чайного дома, священник сказал:

— Не могу поверить, что ты ради своей цели способен так запугать бедную девушку.

— Я не хочу, чтобы она болтала, — ответил Хиро. — Нобухидэ будет в ярости, когда узнает, что мы его проверяли. А еще я не хочу, чтобы он узнал, что мы его обманули.

— Мы не обманывали. По крайней мере не я. Я никогда не говорил, что не умею разговаривать по-японски.

— Ты не возразил, — сказал Хиро. — А для самурая это равноценно лжи.

Они дошли до дороги Сидзэ и повернули направо, к реке.

— По крайней мере мы хоть что-то узнали о Нобухидэ, — сказал Хиро. — Я так

понимаю, его дрянная история была придумана ради того, чтобы спасти свой кошелек.

Отец Матео выглядел растерянным.

— В дорогих домах мужчины платят более высокую цену за услуги особого рода. Она увеличивается, если владелица не желает, чтобы девушки их оказывали, и становится астрономической, если услуга и плата не были оговорены заранее.

Отец Матео кивнул.

— Значит Умеха предпочла заявить об изнасиловании и принять бесчестье, нежели признать интрижку. — Он покачал головой. — Ни одна женщина не должна стоять перед подобным выбором.

Хиро промолчал. Несмотря на то что иезуит старался приспособиться, все-таки в некоторых вопросах он был совершенно упрям. Хиро научился игнорировать его в таких случаях, если это было возможно.

Пройдя несколько шагов, отец Матео спросил:

— А разве так или иначе, Нобухидэ не придется платить за услуги Умехи?

— Да, но, если Умеха заявила об изнасиловании, Маюри могла выставить ему счет лишь за одну ночь.

Когда Хиро с отцом Матео вернулись в церковь, солнце стояло уже над головой. Стоило отцу Матео ступить в прихожую, раздался пожилой женский голос:

— Привет, отец Матео, вы вернулись. Ваша трапеза вас ждет.

Хиро зашел следом за иезуитом, когда женщина разогнулась. У нее были седые волосы и иссушенное лицо, отражающее все ее шестьдесят два года вместе с теми, что она еще не успела прожить. Морщинки на ее щеке сложились в улыбку, черные глаза сверкнули. Всякий мог сказать, что она просто обожает священника.

— Как утро? Было добрым? — спросила она.

— Очень добрым, спасибо, Ана, — поклонившись, ответил отец Матео.

Пожилая экономка служила предыдущей семье няней и горничной. Она осталась, когда отец Матео получил эту собственность. Ее звали Анэ, но она изменила произношение своего имени, когда узнала, что в Португалии есть имя Ана.

Улыбка женщины увяла, когда она увидела синоби.

— Хиро, — сказала она, — полагаю, ты будешь рис?

Она разговаривала с ним так, как говорят с нерадивым ребенком, опрокинувшем свою еду и просившим еще, чтобы опрокинуть и ее.

— Спасибо, Ана.

Хиро уважительно кивнул. Самурай не кланялся прислуге, но экономка внушала уважение.

— Хм. — Она махнула в сторону очага и заковыляла в сторону кухни. — Садитесь.

Хиро с отцом Матео направились к очагу, стоящему в ое — большой, самой главной комнате, которая служила как залом для переговоров, так и столовой. Очаг был утоплен в пол сантиметров на пятнадцать. Вокруг небольшого огня был насыпан темный песок. С потолочной балки свисала цепь, на которой висел чайник. Из носика поднимался пар, смешивающийся со струйками дыма от дров.

На этом огне можно было готовить пищу, что и делали в домах поменьше, но в доме священника была отдельная кухня, где приготовлением еды занималась Ана. Поначалу отец Матео пытался ей помогать, но пожилая женщина возмущалась и была против любого вмешательства и оказания помощи. Особенно от мужчины, чьи поползновения считала лишь желанием устроить пожар.

Священник опустился на колени перед очагом лицом к двери. Он уселся прямо на татами, словно заправский японец, без каких-либо подушек или подставок. Хиро занял место слева от отца Матео, где обычно сидят члены семьи.

Почетное место справа от священника было уже занято последним членом иезуитского дома.

Луис Альварес бы дородным мужчиной с кожей цвета блеклого первоцвета и необычайно большим красным носом, который казался Хиро чем-то средним между ягодой и тыквой. У Луиса были длинные темные волосы, собранные сзади в толстый хвост, и пороссячи глазки, которые видели только то, что хотел их хозяин. Носил мужчина короткий, до талии, дублет с высоким воротником и подходящие к дублету чулки, которые совершенно не украшали его обширную фигуру. В прорезях на рукавах дублета виднелись рукава кремовой рубахи.

— Доброе утро, Матео, — по-португальски сказал Луис. Он вытер рукой, в которой держал палочки, потный лоб.

— И тебе, Луис, — ответил отец Матео. — Удивлен, что в этот час ты все еще здесь.

— Уже сбегал до склада и обратно, — с набитым ртом проговорил Луис. — Один из торговцев рисом совершил крупную сделку.

— Любопытно, — сказал Хиро. — Я бы не подумал, что торговцам рисом нужно огнестрельное оружие.

Луис пренебрежительно посмотрел на Хиро.

— Знаешь, я ведь продаю не только оружие.

— И как идут продажи текстиля? — спросил Хиро. — Шерсть, так вы ее называете?

Луис раздраженно фыркнул. Зернышки риса вылетели у него изо рта и, упав на очаг, зашипели на огне.

— Японцы отказываются его покупать. Вчера одна женщина имела наглость заявить мне, что шерсть плохо пахнет.

Хиро не мог не согласиться. Шерсть воняла, как труп, пролежавший три дня. Он не мог представить, что кто-то станет ее носить, хотя количество рулонов на складе Луиса говорило о том, что кто-кто решил, что ее все-таки стоит производить и продавать.

— В этом климате шелковые кимоно гораздо комфортнее, — почти виновато сказал отец Матео.

— Я до сих пор не могу поверить, что ты носишь этот костюм аборигенов, — сказал Луис. — Ты похож на женщину.

— Тебе стоит попробовать, — ответил отец Матео. — Так прохладнее, чем в дублете и чулках.

— И кимоно сложнее порвать, — добавил Хиро, кивнув на рубаху торговца.

— Рукава так сшиты, — возмущенно сказал Луис. — Это очень модно, хотя не стоит ждать, что японец поймет.

— Полагаю, так и есть, — улыбнулся Хиро. — Мы, невежественные туземцы, предпочитаем купить новую одежду взамен старой, а не выдавать ее за "модную" вещь.

Отец Матео предпочел сменить тему.

— Что торговец купил этим утром?

Прежде чем Луис успел ответить, вошла Ана и поставила поднос перед отцом Матео. Там стояла чашка супа мисо с тофу и чайник. На подставке из слоновой кости балансировали палочки для еды.

Женщина хмуро посмотрела на мужчин.

— Кто притащил кошку?

В комнату за ней следом вошел пестрый котенок. Когда Ана показала на него, малыш развернулся и юркнул в комнату Хиро.

Синоби и отец Матео переглянулись.

— Это я, — признался Хиро. — В качестве подарка для отца Матео.

Он надеялся, что Ана любит иезуита достаточно сильно, чтобы синоби мог избежать нагоняя, но особо на это не рассчитывал.

— Хм, — хмыкнула Ана. — Она останется?

— А можно? — спросил отец Матео.

Она кивнула.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Хорошо. Когда подрастет, будет гонять мышей. Она уже ловит пауков.

— Она жрет пауков? — спросил Хиро.

— Сдирает их прямо со стены. — Ана одобрительно кивнула Хиро и направилась обратно на кухню.

— Три десятка пиццалей, — продолжил разговор Луис, словно Ана и не вмешивалась. Торговцы обращали внимание на слуг только тогда, когда у них не было выбора. — У этого человека были какие-то неприятности с ворами, и он хотел вооружить свою охрану.

— Ему нужны мушкеты вместо мечей? — поинтересовался отец Матео.

Хиро подумал, что в этом есть смысл. Огнестрельное оружие гораздо быстрее остановит вора, чем меч.

— Откуда столько разочарования? — сказал Луис. Он поставил миску, положил палочки и налил себе в чашку чай. — Франциск Ксавье одобрял эту торговлю, чтобы у миссии в Японии было финансирование. Если бывший глава иезуитского ордена не был против, у тебя тем более нет причин возражать.

— Даже ты должен увидеть иронию в том, что одна рука забирает жизнь, тогда как другая пытается ее спасти, — ответил священник.

— Японцы вполне способны забирать чужие жизни и без моей помощи, — фыркнул Луис. — Они рубили друг друга мечами задолго до того, как мы здесь появились.

Отец Матео промолчал. Это был давний спор, в котором не было победителя.

Служанка вернулась с подносом для Хиро. Она поставила его и молча ушла. После того как отец Матео благословил трапезу, Хиро насчитал в своей миске с супом семь кусочков тофу (на три больше, чем обычно) — несомненно, это была награда за то, что он принес кошку.

— А вы где были этим утром? — поинтересовался Луис.

Отец Матео поставил миску.

— Одного из моих новообращенных обвиняют в убийстве самурая.

Луис сделал глоток.

— А он убил?

— Она, — поправил его отец Матео. — И нет, она не убивала.

— Печально, — без чувства сожаления сказал Луис. — Я так понимаю, ты ходил, чтобы совершить последние обряды? Несомненно, эти жестокие ублюдки ее прикончили.

— На самом деле нет. Ей дали два дня, чтобы доказать свою невиновность. А я собираюсь ей в этом помочь.

— И с чего вдруг такое желание?

— Потому что, если он этого не сделает, — вставил Хиро, — сын покойного убьет и его тоже.

Луис от неожиданности поперхнулся, шарообразная чашка дернулась у него в руке. Горячая жидкость пролилась на дублет и чулки.

— Вот чума! — выругался Луис, отряхиваясь. — Придется переодеваться! Хиро, это не смешно.

Луис понял, что никто не смеется.

— Матео, пожалуйста, скажи, что он пошутил.

— Он не шутил, — сказал отец Матео. — Но мы успеем найти убийцу вовремя.

— Слепая вера не спасет тебя от мечей. — Луис тяжелым взглядом уставился на Хиро. — Как ты мог допустить, чтобы подобное случилось? Зачем переводил слова, которые

довели до убийства?

— Он не виноват, — сказал отец Матео.

— Пусть судья вмешается, — продолжил Луис. — Они всегда хвастаются влиятельностью своих судей.

— Закон разрешает сыну аристократа отомстить за смерть отца, — сказал отец Матео. — Если я не помогу, девчонка — труп.

— Так пусть и помирает, — сказал Луис. — Кто она вообще такая? Проститутка что ли?

— Гейша, — поправил его отец Матео.

— Проститутка, — повторил Луис, вскочив на ноги. — Пусть умрет. Ты же уезжай из города, если это необходимо. Она не стоит того, чтобы ты рисковал работой, а я своей прибылью.

Хиро наблюдал за тем, как Луис направился в свою комнату. Впервые за все время, он был согласен с торговцем.

Хиро допил остатки супа. Когда он ставил пустую миску, кусочек бумаги из чайного дома, что он спрятал в рукаве, оцарапал ему руку. Хиро вытащил его и бросил в очаг, но в последний момент передумал и выхватил его из пламени.

На фрагменте пергамента размером с ладонь женской рукой были написаны имена и цифры. Нижний край потемнел, был весь в пыли и пепле, но полностью не сгорел.

Чайные дома аккуратно вели свои записи и никогда не уничтожали учетные книги. Хиро был удивлен, что этот кусок оказался оторванным. Было ли это сделано намеренно или это всего лишь совпадение?

Учитывая пепел и обожженную руку Маюри, он решил, что это не случайность.

— Что это такое? — спросил отец Матео.

— Этот кусок я достал из кимоно Маюри. Похоже, это часть учетной книги.

— Из кимоно? — Священник наклонился ближе, чтобы разглядеть пергамент. — Странно.

— Больше, чем ты думаешь, — сказал Хиро. — Мы должны вернуться в чайный дом. И немедленно.

— Зачем?

Хиро протянул бумажку.

— Чтобы узнать, почему Маюри решила уничтожить свою учетную книгу.

— Уничтожить? Ты уверен? — Отец Матео разглядывал кусочек пергамента. — Может, это из старой-старой книги?

— Дата с боку — нынешний год, — сказал Хиро. — А грязное пятно — это сажа. Любопытно, но сегодня утром Маюри обожгла руку.

— Зачем ей сжигать учетную книгу?

— Гораздо важнее, почему она решила сделать это сегодня?

Досины у чайного дома едва обратили внимание на вернувшихся Хиро и отца Матео. Синоби не стал возражать. Лучше уж пренебрежение, чем нападки.

Когда Маюри открыла дверь, она даже не поприветствовала их должным образом.

— И как, по-вашему, я буду готовиться к приему гостей, если вы ходите туда-сюда весь день напролет?

Хиро не ожидал теплого приема, но полное отсутствие у женщины хороших манер удивило его. Культура чайного дома неодобрительно смотрела на хамство, а Маюри вообще должна быть рада доказать невиновность Саюри... и свою собственную тоже.

— А вы сегодня принимаете гостей? — поинтересовался Хиро.

— Если только досины Нобухидэ не отпугнут посетителей. — Она замолчала. — Смерть Акеши-сан, конечно, печальное событие, но мне нужно вести дела.

— У нас нет никаких возражений против вашего бизнеса, — сказал Хиро. — Отец Матео пришел помолиться вместе с Саюри.

— А вы?

— А я хотел бы поговорить с другими женщинами.

В улыбке Маюри не было ни веселья, ни теплоты.

— Я уже говорила вам, что побеседовала с девушками. Все, кроме Саюри, спали, когда был убит Акеши-сан.

— Значит с моей стороны вопросов будет немного.

Хиро предпочитал не привлекать к себе внимание грубостью или, наоборот, вежливостью, но в данном случае утонченность не поможет найти убийцу Хидээши.

Маюри раздраженно всплеснула руками. Белая шелковая повязка охватывала всю ее левую руку до самого запястья. Она вздрогнула и опустила пораненную руку.

— Хорошо, — сказала она. — Идите за мной.

Она проводила отца Матео к Саюри, а потом повела Хиро к противоположной стене центральной комнаты. Там она опустилась на колени и открыла дверь, пользуясь при этом только правой рукой.

— Ждите здесь.

Хиро вошел в комнату и опустился на колени лицом к токонома в северной стене. Ваза, стоявшая в нише, была пуста. Она сужалась к низу, но ее горлышко было достаточно широким, чтобы вместить несколько цветочных стеблей. Фарфор покрывала белая глазурь, на которой от руки были нарисованы синие листья.

Зашуршав, открылась дверь. Хиро услышал тихие шаги по татами и мягкий стук, когда дверь снова закрылась. Зашелестели кимоно — женщины усаживались на пол на некотором расстоянии от Хиро. Все молчали. Гейши не прерывали медитацию посетителя.

Хиро решил, пусть они подождут.

Спустя несколько минут он обернулся. Перед ним на коленях сидели три женщины. Их простые, но дорогие кимоно были сшиты из шелка. На той, что сидела в центре, было темно-фиолетовое платье, а женщины по бокам были одеты в светло-розовое и голубое кимоно. Без обычного грима женские лица казались странно бледными, но при этом ничего не выражали, словно маски. Даже по глазам ничего нельзя было понять.

Все трое были старше Саюри. Хиро решил, что им за двадцать, может быть, около

тридцати.

— Спасибо, что согласились встретиться со мной, — сказал он.

Девушки, сидящие по бокам, посмотрели на ту, что расположилась в центре. Она выглядела увереннее, чем они, и единственная без колебаний встретила взгляд Хиро. Прежде чем она успела открыть рот, Хиро понял, что она будет говорить и от имени остальных девушек.

— Меня зовут Окия, — представилась она. — У вас есть вопросы насчет прошлой ночи?

— Может, вы слышали убийцу или что-то необычное?

Эти женщины были хорошо обучены. Хиро не видел смысла относиться к ним, как к нежным цветам.

Окия даже не посмотрела на своих подруг.

— Нет. В самом начале вечера у нас у всех были гости, но лишь немногие остались до полуночи. Я поднялась наверх последней, не считая Саюри. Все остальные уже смыли макияж и сменили кимоно. Мы попили чай и отправились спать.

— И вы ничего не слышали?

— Нет, только вопль Саюри утром.

— Вопль?

Прежде чем Окия ответила, вмешалась девушка справа:

— Это больше походило на крик.

Говорившая была моложе Окии и, очевидно, гораздо эмоциональнее. Как только слова сорвались с ее губ, она прикрыла рот рукой и уставилась глазами в пол. Ее голубое кимоно лишь подчеркнуло порозовевшие щеки.

— А есть разница? — уточнил Хиро.

Девушка в голубом отняла руку ото рта:

— В вопле, как правило, не содержится слов. Саюри же звала на помощь.

— Рико права, — сказала Окия. — Это был больше крик.

— Кто поспешил ей на помощь?

— Мы все, — ответила Рико. — Но Маюри закрыла дверь. Она сказала, что нам не следует этого видеть.

— А я рада, что ничего не видела, — сказала девушка с другой стороны от Окии. — Не хочу, чтобы меня преследовали злые духи.

У нее затряслись руки и розовое кимоно затрепетало.

— Не будь душой, Ёко, — сказала Рико. — Духи не преследуют тебя, если ты не убийца.

— А ты хочешь рискнуть? — Ёко обняла себя руками. Потом ее самообладание вернулось, и она положила ладони обратно на колени.

Рико покачала головой и закатила глаза.

— А кто-нибудь из вас разговаривал с Саюри после случившегося? — спросил Хиро.

— Маюри бы нам не позволила, — ответила Рико. Когда Окия бросила на нее предупреждающий взгляд, девушка добавила: — Ну, она не разрешила, но не говорила, что я должна скрывать это.

— Я ни за что не войду больше в ту комнату духов, — сказала Ёко.

— Это не комната духов, — возразила Рико. — Маюри там все убрала и вызвала священников. Они придут сегодня днем.

— Буддийских священников? — Ёко заломила руки и нервно посмотрела на остальных.

— И синтоистских тоже, — завершила ее Окия, — из храма Камигамо.

Ёко все еще выглядела обеспокоенной, но все же выдавила улыбку.

— Мы еще чем-нибудь можем вам помочь? — спросила Окия.

— Кем были ваши гости вчера вечером? Они знакомы с Акеши Хидэёши?

— Не думаю, — ответила Рико. — Гости, которые знают друг друга, как правило, объединяются в одну компанию. Так намного веселее. Мы играем в игры и поем песни. Мужчинам это нравится.

— Наши гости не были знакомы, — подтвердила ее слова Окия. — Я развлекала торговца шелком и его клиентов. Они ушли за час до полуночи.

— А вы? — обратился Хиро к Рико.

— Мой вечер закончился рано. Судья Ишимаки уснул за чаем еще до того, как солнце село. Его слуги помогли ему забраться на коня.

— Судья Ишимаки был здесь вчера вечером? — спросил Хиро.

— Да. Он приходит раз в неделю на ужин. — Рико приподняла бровь, ее рот открылся от удивления. Она поднесла руку, чтобы прикрыть его и хихикнула. — Но это не то, о чем вы подумали. Он слишком стар для девушки моего возраста.

Хиро сомневался, что большинство мужчин сочли бы ее возраст такой уж проблемой, но промолчал. Рико вопросительно посмотрела на Окию. Та кивнула.

— Судья Ишимаки мой дедушка, — сказала Рико. — Его сын был покровителем моей матери.

— Ваша мать Маюри? — спросил Хиро.

У гейш часто рождались дети вне брака. В основном мужчины не горели желанием жениться на любовнице, поэтому девочки обычно следовали по стопам матерей.

— Нет, — сказала Окия — Это я. Но я заранее благодарю вас за благоразумие.

Хиро попытался скрыть удивление. Окия выглядела старше, чем ее соседки, но недостаточно взрослой, чтобы иметь дочь возраста Рико.

— Конечно. — Чуть помолчав, Хиро спросил: — Вы тоже встречались с судьей?

Она отрицательно покачала головой:

— Не то чтобы он меня ненавидит, но я не его крови. Честно говоря, его интерес к Рико стал для меня неожиданностью.

— Он признал ее официально?

— Ой, нет, — потрясенно ответила Рико. — Он и не мог. Но я рада, что знакома с ним. Он милый.

Хиро повернулся к Ёко:

— Какие гости были у вас?

— Лишь один, — ответила девушка. — Торговец. Я никогда раньше его не видела.

— Имя помните?

— Мне не нужно было запоминать, — сказала Ёко. — Он приехал в Киото по делам и всего на один день.

— Какого рода дела?

— Рис. — Ёко скорчила гримасу. — Только о нем и говорил. Он был скучным и остался допоздна. К тому времени когда я поднялась наверх, Рико уже спала.

— Он упоминал, откуда приехал?

Ёко задумалась:

— Нагоя? Мне кажется, из Нагой. Ему не очень понравилось, что у нас не было красного мисо.

— Он платил заранее?

Ёко кивнула:

— Он дал мне золотой кобан и сказал, что я могу купить себе подарок.

Вечер с гейшей стоил лишь малую толику от этой суммы, даже в дорогих чайных домах.

— Он заплатил золотом? — уточил Хиро. Торговцы Киото пользовались серебром.

— Да. — Глаза Ёко округлились, когда она подняла подтекст. — Вы думаете... я развлекала убийцу? Духи будут преследовать меня!

Она вся сжалась и была готова заплакать.

— Не беспокойтесь, — сказал Хиро. — Духи не слишком жалуют чайные дома.

— Правда?

Он кивнул. Хиро не волновали ее переживания, но он терпеть не мог женских слез и ненавидел, когда время тратилось понапрасну.

— Кто-нибудь из вас знает имя ее гостя?

— Шутаро, — сказала Окия. — Он пришел перед моими гостями, я слышала, как он представляется.

Хиро встал:

— Спасибо, что поговорили со мной. Я благодарен за уделенное вами время.

Когда остальные вышли, Окия вернулась. После того как звук шагов остальных девушек затих, она сказала:

— Шутаро был последним, кто уходил... за исключением Хидэёши, конечно.

— И он заявил, что приехал из Нагои? — уточнил Хиро.

После того как Окия кивнула, он продолжил:

— Господин Ода Нобунага управляет провинцией Овари, включая и Нагою. Господин Ода очень хочет стать сёгуном. Он не позволил бы своим торговцам привозить рис в Киото.

Женщина кивнула:

— Мне это тоже показалось странным. Поэтому я и запомнила.

— Спасибо, — сказал Хиро. — Я понимаю, что, рассказав мне это, вы нарушили правила этикета.

— Справедливость оправдывает подобное нарушение — понизив голос, сказала Окия. — Отблагодарите меня, отыскав убийцу. Я не знаю, что произошло здесь прошлой ночью, но Саюри никого не убивала. Она не заслуживает смерти за чье-то преступление.

Как только Окия ушла, Хиро пошел в комнату Саюри. Отец Матео стоял на коленях возле токонома спиной к двери. Саюри расположилась напротив него. Их головы были склонены в молитве.

Рядом с девушкой на полу лежал сямисэн. У инструмента был гриф длиной с человеческую руку, который соединялся с круглым корпусом, обтянутым кожей животного. Она, в свою очередь, была натянута так же туго, как на барабане. От основания до верха были протянуты три шелковые струны.

Чтобы научиться играть на сямисэне плохо, требовались годы, чтобы научиться играть хорошо — гораздо больше времени. Только женщинам с истинным талантом поддавался этот непростой инструмент.

Хиро опустился на колени рядом с отцом Матео. Когда священник произнес: «Аминь», Саюри подняла глаза.

Хиро кивнул в сторону сямисэна:

— Вы играете?

— Немного. — Уверенность в ее голосе свела на нет все ее смирение.

— Не сыграете сейчас что-нибудь?

Саюри взяла в руки сямисэн.левой рукой она обняла инструмент за гриф, а корпус поставила на правое колено. Когда позиция ее полностью устроила, девушка взяла медиатор из слоновой кости и прошлась по струнам.

Она играла правой рукой в традиционном стиле. И играла очень хорошо. Хиро узнал колыбельную. Ее ему очень часто играла мама и тоже играла хорошо, хотя он и сомневался, что в сямисэне Саюри скрывается тайное оружие в виде острого клинка.

Когда последняя нота увяла, Саюри опустила инструмент на пол, словно спящего ребенка. Хиро почувствовал укол сожаления. На какое-то мгновение музыка снова вернула его в Ига.

— Благодарю, — сказал он.

— Окия и другие девушки слышали что-нибудь? — спросила Саюри. — Маюри говорила, что нет, но я надеялась...

— Они не слышали никаких незваных гостей, — сказал Хиро.

Шелестя, открылась дверь. Маюри опустилась на колени у порога.

— Вы закончили? — спросила она.

Отец Матео встал. Хиро поборол желание подразнить женщину и попросить разрешения остаться. Не то, чтобы она ему не нравилась, просто синоби не выносил, когда кто-то позволял себе невежливые замечания.

— Веруй, — обратился к Саюри отец Матео. — Господь защитит тебя, а мы найдем убийцу.

Она кивнула:

— Я буду молиться.

Как только они вышли из комнаты, Хиро наклонился к отцу Матео и прошептал:

— Тебе нужно в уборную.

— Нет, не нужно, — покраснел священник.

Как обычно, Хиро нашел его реакцию весьма забавной. Он никогда не мог понять,

почему иезуит смущается, когда речь заходит о естественных потребностях организма.

Хиро громко сказал:

— Маюри, отцу Матео нужно посетить уборную.

Священник покраснел как помидор. Его рот открылся и закрылся, как у его любимых кои.

Маюри наклонила голову и перевела взгляд с одного мужчины на другого.

— Значит, говорите, что ему нужно в уборную?

— Причем срочно, — сказал Хиро.

Женщина и священник обменялись взглядами. Хиро не смущала неловкая ситуация, в которой оказался отец Матео, и он прекрасно знал, что Маюри не откажет в просьбе.

После очень долгой паузы Маюри кивнула:

— Идите за мной.

Она провела их через гостиную и узкий, в четыре метра, чулан. В восточном направлении от кладовки шел коридор, который заканчивался деревянной лестницей, ведущей на второй этаж.

Маюри махнула на раздвижные двери на северной стене кладовой.

— Уборная во дворе... слева от дома. — Она помолчала. — Прошу меня простить, но я не стану вас туда провожать.

— Конечно, — ответил Хиро. — Спасибо.

Когда он пересек комнату и открыл дверь, Хиро задумался о том, что могло находиться за раздвижной дверью в западной стене чулана. Еще одна кладовая или, возможно, личный кабинет.

Хиро подождал, пока отец Матео выйдет на веранду, потом прошел следом за ним и закрыл дверь.

Во двор вели три широкие ступени. Гравийная дорожка соединяла чайный дом с двумя зданиями. Отхожее место находилось в десяти метрах с левой стороны от дома. Его Хиро уже видел с веранды немногим раньше.

Второе, более крупное здание, стояло чуть впереди справа. У него была соломенная крыша, деревянные стены и два входа: один в конце гравийной дорожки, другой — с противоположной стороны. Ко второму входу, который был чуть меньше, по траве вела притоптанная дорожка. Решетчатые ставни закрывали три узких окна, давая достаточно света, но скрывая происходящее внутри. Подобная конструкция предполагала, что в здании расположена баня, и поленница у маленькой двери это подтверждала.

Хиро почувствовал укол зависти. Как и большинство жителей Киото, он мылся несколько раз в неделю, но делать это ему приходилось в общественной бане. Только очень богатые могли позволить себе собственную баню. Это означало, что дела у Сакуры идут прекрасно.

Отец Матео прошипел:

— Я не хочу в уборную.

— Иди понарошку. — Хиро махнул в сторону строения, стоявшего слева. — Мне нужно пять минут.

— Ты чего задумал?

— Нет времени. — Хиро поспешил вниз по лестнице и дальше через двор к бане. Дойдя до маленькой двери, он оглянулся, удовлетворенно отметив, что отец Матео направился в уборную.

Хиро схватился за деревянную ручку и открыл дверь. Как он и подозревал, она вела в растопочную, примыкающую к большой купальне. В этой маленькой комнате почти все место занимала печь. Она была выложена из кирпича и побелена, хотя из-за пыли и пепла потемнела с боков. На печи стоял огромный железный котел, от него расходились трубы, подававшие пар и горячую воду в купальню за стеной.

Это впечатлило Хиро. Подобная конструкция была гораздо эффективнее, чем он видел в старых банях, где горячую воду приносили слуги.

Железная дверца топки была теплой, но не горячей. Хиро взялся за ручку и открыл печь.

В глубине сверкали угли, хотя открытого огня не было. Они вспыхнули красным от притока свежего воздуха, но сразу же потухли. На кучке пепла в центре топки лежали полусгоревшие предметы, очень похожие на книги... как Хиро и ожидал. Листы из хрупкого пепла веером расходились от наполовину сгоревших корешков.

Кто-то бросил книги в огонь, но не стал дожидаться, когда они полностью сгорят. Книги, оказавшиеся внизу, были полностью уничтожены, но верхняя частично уцелела. Кожаный переплет и плотная бумага сдержали огонь, да и закрытая дверца не пустила внутрь много воздуха.

Опытный человек оставил бы дверцу открытой, но Хиро подозревал, что у Маюри было мало опыта в использовании огня и еще меньше в уничтожении улики.

Он взял щипцы и вытащил полусгоревшую книгу. Некоторые страницы с мягким шелестом, словно скрип снега под ногами, разлетелись. От легкого дуновения воздуха угли снова засветились.

Хиро потрепал книгу и понял, что она все еще горячая, поэтому снова взялся за щипцы, чтобы ее перевернуть. Обложка треснула и покрылась сажей, края страниц подгорели, но внутри страницы казались нетронутыми. Как только книга достаточно остыла, чтобы ее можно было взять в руки, Хиро раскрыл ее. Жар уничтожил или затемнил чернила почти на всех страницах. На нескольких из них, где надписи еще остались, их, казалось, невозможно было разобрать.

Хиро надеялся, что при лучшем освещении у него получится хоть что-то прочитать.

Он вырвал страницы, которые сохранились лучше всего, и засунул их в рукав. Хиро надеялся, что там будет достаточно информации, которая расскажет ему, что Маюри, рискуя своим здоровьем, пыталась уничтожить.

— Ты нашел, что искал? — спросил отец Матео. — И зачем ты спрашивал, где найти Нобухидэ? Я думал, он последний, кого ты хотел бы видеть.

Они шли на север по западному берегу реки Камо. Двухэтажные дома и купеческие лавки теснились вдоль дороги.

— Потому что нам нужно с ним увидеться, — ответил Хиро. — Прямо сейчас.

— Сейчас? Зачем?

— Убийца Хидээши может попытаться убить и Нобухидэ, — сказал Хиро. — Он заслуживает того, чтобы его предупредили об этом.

— Почему ты... — Глаза отца Матео широко распахнулись. — Ты же сказал, что другие женщины ничего не слышали.

— Я сказал, они не слышали злоумышленников, — сказал Хиро. — Возможно, они развлекали убийцу, даже не подозревая об этом.

— Зачем предупреждать Нобухидэ? — спросил отец Матео. — Ты правда думаешь, что ему грозит опасность?

— Возможно, — сказал Хиро. — Пока мы не знаем наверняка, мы можем лишь предполагать.

Отец Матео остановился на полушаге. Хиро сделал еще пару шагов, прежде чем понял, что иезуит за ним не идет.

— Что случилось? — поинтересовался Хиро.

— Ты обычно так к своим врагам не относишься.

— Нобухидэ мне не друг, но и не враг. Высокомерие — это не преступление. Вряд ли справедливо осуждать человека за его реакцию на смерть отца. — Хиро косо посмотрел на священника. — Разве не об этом ты вечно твердишь?

— Примерно об этом, — сказал отец Матео. — Но с чего такая обеспокоенность его безопасностью? Что ты узнал в чайном доме?

— Тебе известно такое имя, как Ода Нобунага?

Они дошли до дороги Марутамати, но вместо того, чтобы повернуть направо в сторону дома, Хиро повернул налево, где к юго-востоку от крепости сёгуна и императорского дворца лежали богатые поместья.

— Господин Ода управляет провинцией Овари, что находится на юго-востоке, — Отец Матео задумался на мгновение, потом кивнул. — Он вассал сёгуна, верно?

— Формально да, — сказал Хиро, — как и другие даймё. Но некоторые считают, что господин Ода планирует убить Асикагу Ёситеру и объявить сёгуном себя.

— А он может так сделать? — удивленно спросил иезуит. — Разве не император выбирает сёгуна?

Хиро рассмеялся:

— Император так, конечно, говорит, и сёгун с этим не спорит на публике, но на самом деле сёгун правит единолично. Если другой даймё захватит Киото, император объявит его сёгуном вместо Ёситеру.

— А какое отношение это имеет к Нобухидэ?

— Вчера вечером в чайный дом пришел незнакомец. Он назвался торговцем рисом из Нагои, которая находится в провинции Овари.

— Если человек, убивший Хидэёши действует от имени господина Оды, это убийство может стать началом нападения на подданных сёгуна и их семьи. Чтобы ослабить его поддержку.

— Так поступил бы я, если бы хотел свергнуть сёгуна.

— Но Хидэёши уже был в отставке.

— Идеальная проверка бдительности сёгуна. Организовать покушение на отставного генерала и смотреть, заметит это кто-то или нет.

Хиро остановился перед большим деревянным домом с островерхой крышей и круговой верандой, окруженной ухоженным садом. Отхожее место и амбар виднелись в задней части двора, где высилось еще одно здание, похожее на конюшню. Следы копыт шли по грунтовой дороге, которая располагалась рядом с гравийной, ведущей от улицы до входной двери.

По всей территории были разбросаны деревья, но некоторые ветви были срезаны таким образом, чтобы расстояние до крыши составляло не меньше полутора метров. Зажившие шрамы говорили о том, что в таком виде деревья стоят уже достаточно долго. Кто-то был очень осторожен, но совершенно невежественен. Полтора метра могут остановить обычного человека, но тренированный синоби с легкостью перепрыгнет расстояние вдвое больше этого. Даже если прыгать придется с ветвей деревьев.

Отец Матео посмотрел на дом:

— Я думал, ёрики живут в полицейских казармах.

— Большинство из них, да, — ответил Хиро. — Досин сказал, что у Нобухидэ есть разрешение жить в доме отца.

Подойдя к дому, Хиро уловил запах кедра. Только богатые семьи строили дома из этого вида дерева, а не из более дешевой сосны.

Когда мужчины приблизились, резная входная дверь распахнулась.

С порога на них сердито смотрел Нобухидэ.

— Чего вам надо?

Хиро с отцом Матео поклонились. Нобухидэ остался стоять прямо.

— Что вы здесь делаете? — требовательно спросил он. — Сейчас это дом скорби!

В дверном проеме возник еще один самурай.

Он был старше Нобухидэ и немного выше. У них было одинаковое телосложение и похожие черты лица, хотя у второго самурая не было усов. Он носил серо-голубое кимоно с гербом дома Акеши. Из-за темно-серого пояса торчали два меча. Когда самурай поклонился, Хиро заметил в волосах пару седых прядей.

Что-то в нем казалось странным, но что именно, Хиро не мог уловить.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спросил незнакомец.

Когда самурай заговорил, Хиро понял, почему он странно выглядел.

Традиционный самурайский узел, или тенмаге, предполагал выбривание лба и вытягивание оставшихся волос в хвост на макушке. Волосы сворачивались, иногда несколько раз, и закреплялись лентой сразу за обритой областью головы.

У этого самурая волосы не были сбриты. А еще у него был мелодичный голос. Хиро моментально понял, что перед ними женщина, хоть и одета она была на мужской манер.

Хиро снова поклонился:

— Мы пришли, чтобы выразить свои соболезнования и предупредить вас: убийца Акеши Хидэёши может продолжить убивать членов его семьи.

Нобухидэ прищурился:

— Нам не нужны ваши соболезнования. Проваливайте!

— Нобухидэ! — В голосе женщины слышалось нечто большее, чем просто предупреждение.

— Ни один чужеземец не оскорбит тела моего отца! — Нобухидэ закрыл телом дверной проем и положил руку на рукоять катаны. — Я запрещаю вам заходить в мой дом!

— К счастью, это пока не твой дом. — Женщина повернулась лицом к пришедшим и поклонилась. — Я Акеши Ёсико, старший ребенок Акеши Хидэёши. Пожалуйста, заходите в дом.

Нобухидэ не сдвинулся с места.

Ёсико направилась к дому и встала настолько близко к брату, что ее губы находились в паре миллиметров от его уха. Она прошептала:

— Не заставляй меня ставить тебя в неловкое положение перед незнакомцами.

Нобухидэ напрягся, словно готовясь к бою.

В следующую секунду Нобухидэ убрал руку с меча.

— Я в любом случае собирался уходить, — сказал он. — Когда я вернусь, их здесь быть не должно.

Он обул сандалии, стоящие у двери, и направился в сторону конюшни.

Проходя мимо Хиро, Нобухидэ задел его плечом. В любой другой день подобное оскорбление вылилось бы в драку, но сейчас синоби предпочел не обращать на это никакого внимания. Если Нобухидэ желает противостояния, он его получит, но через два дня. До тех пор Хиро сосредоточится на поимке убийцы.

Возле двери, носками к дому, стояло еще три пары сандалий. Самые маленькие принадлежали ребенку школьного возраста. Пара, стоящая рядом, была покрыта высохшей грязью. Те, что располагались у самой двери, были сделаны из соломы и разваливались от старости. В доме на данный момент находилось, как минимум, три человека.

Ёсико поклонилась:

— Приношу извинения за поведение брата. Он опустошен смертью отца.

— А вы разве нет? — спросил Хиро.

— Конечно. Но грубость позорит его память больше, чем слезы.

Священник поклонился:

— Я отец Матео Авила де Сантос, а это Мацуи Хиро, мой переводчик. Мы пытаемся найти человека, который виноват в смерти вашего отца.

На лице Ёсико мелькнул намек на улыбку. Исчез он так же быстро, как и появился.

— Хорошо. Нобухидэ говорил о вас. Пожалуйста, заходите.

Мужчины сняли обувь и вошли в дом. Ёсико провела их через прихожую в большую квадратную гостиную с высоким потолком и татами на полу. Комната была такой же, как в доме отца Матео, за исключением того, что размером она была в тринадцать матов. Запах горячей древесины заглушал аромат кедра, исходящий от колонн и балок. На южной стене, напротив входа, располагалась токонома с пейзажем в черных и серых тонах. Раздвижные двери отделяли зал от пяти других комнат. Все двери были закрыты. Только одна, возле токонома, была раздвинута, открывая вид на гостиную чуть поменьше.

Ёсико прошла до хозяйского места с южной стороны очага. Усевшись, она пригласила гостей присоединиться к ней.

Хиро с отцом Матео опустили на колени справа от нее спиной к восточной стене.

— Из-за сложившихся обстоятельств, — сказала Ёсико, — прошу простить мне некоторое отсутствие формальностей.

Прежде чем продолжить, она дождалась, пока они согласно кивнут.

— Вы говорили о каком-то предупреждении, но Нобухидэ заявил, что убийца находится под охраной. Объясните, пожалуйста.

К удивлению Хиро, за ответом она обратилась к отцу Матео. Лишь немногие самураи относились к священнику с подобным уважением, несмотря на то, что переводчиком у иезуита был самурай.

— Мы не верим, что Саюри... гейша... — Отец Матео замолчал, словно не был уверен, о чем стоит говорить.

Хиро не разделял беспокойство иезуита насчет деликатности, особенно в беседе с

женщиной, которая выглядела и действовала как мужчина.

— Может оказаться, что девчонка здесь совершенно ни при чем, — сказал Хиро. — Или, по крайней мере, не полностью. Прошлой ночью Чайный дом Сакуры посетил мужчина, который утверждал, что приехал из Нагои.

Он сделал паузу, чтобы удостовериться, что Ёсико уловила суть и осознала угрозу.

Брови женщины сошлись у переносицы:

— У господина Оды нет причин убивать моего отца.

— Мы считаем, он может планировать нападение на сёгуна, — сказал отец Матео.

Лицо Ёсико превратилось в маску.

Хиро сидел не шевелясь, чтобы ни движением, ни взглядом не выдать своего недовольства священником. Ёсико не стала задавать ожидаемых вопросов: кто такой этот человек; был ли он самураем... но комментарий иезуита насторожил ее, прежде чем она успела объяснить свои слова. И было похоже, что она не склонна продолжать разговор.

— Если мы правы, — продолжил священник, — наемник может попытаться убить и вашего брата тоже.

— Нобухидэ? — В глазах Ёсико плескался едва сдерживаемый смех. Ее улыбка испарилась почти мгновенно, но насмешка осталась. — Ёрики не имеют права даже находиться рядом с сёгуном, их не назначают на высокие позиции. Вы же не станете убивать блоху, чтобы напугать собаку.

— Это может быть проверкой бдительности сёгуна, — сказал отец Матео. — Вся ваша семья может быть в опасности.

— Вряд ли подобная проверка может включать в себя не имеющего власти сына и престарелую супругу. — Ёсико не выглядела обеспокоенной. — Но все же я приму меры предосторожности. Благодарю вас за предупреждение.

Хиро не был готов уйти. Священник уничтожил все шансы на то, чтобы выудить из Ёсико хоть какую-то информацию, но и дом сам по себе мог многое рассказать.

— Можем мы выразить почтение вашему отцу?

Ёсико выглядела удивленной.

— В вероисповедании отца Матео есть определенные молитвы, которые произносятся над умершими. — Хиро сомневался, что женщина хоть раз встречала христианина, но играл на том, что она будет следовать самурайскому гостеприимству, которое требует уважения ко всем религиям. — У него не было ни возможности, ни разрешения сделать это раньше, но он хотел бы прочитать молитву сейчас.

Ёсико встала.

— Хорошо, мой отец лежит здесь.

Она проводила их до раздвижной двери на восточной стене и открыла ее, не опускаясь на колени. В комнате размером в шесть матов лежал белый татами. На трех стенах виднелись решетчатые двери. Стена же напротив входа была обшита панелями из кедра, в которые были вделаны крючки. На них висело оружие всевозможных форм и видов.

Хиро насчитал не менее двадцати мечей... примерно половина из них были катаны, и половина — короткие вакидзаси. У потолка, вне пределов досягаемости, висела пара алебард. Хиро сомневался, что ими вообще когда-либо пользовались. Только монахи использовали их достаточно регулярно.

Три лука, десяток кинжалов разных размеров и несколько тессенов (или пластинчатых боевых вееров) висело между мечами. На уровне глаз, в самом центре, висела пицаль. Судя

по блестящему первозданному виду, можно было сказать, что из оружия никогда не стреляли.

Пустые крючки говорили об отсутствии двух мечей: одного большого и одного маленького. Хиро не составило труда их найти. Мечи лежали в деревянном гробу, стоящем на полу.

Акеши Хидэёши лежал лицом вверх, сложив руки на рукояти своей катаны. Его вакидзаси покоился сбоку. Тело самурая было облачено в пластинчатую кирасу и декоративные доспехи с белой шнуровкой, которая ярко выделялась на фоне новой сияющей кожи и металлической фурнитуры. Даже если бы Хиро не знал, что одоши в белом варианте используется только при погребении, запах новой кожи и идеально чистые металлические пластины подсказали бы ему, что куплены доспехи были специально для похорон.

Волосы Хидэёши выходили через верхнюю часть шлема и лежали на плече, расчесанные и настолько смазанные маслом, что блестели, словно шелк. Темное масло скрыло седину в волосах. Маска с хмурым выражением закрывала лицо и раны на шее.

Несмотря на то, что Хиро надеялся еще раз взглянуть на повреждения, он оценил заботу и уважение, выказанное в отношении тела. Хидэёши выглядел так, словно смерть его произошла по естественным причинам.

Хиро было интересно, кто же подготовил тело к погребению, вернее, наверное, к кремации. Тщательно уложенные волосы, предполагали, что это был мужчина, но только женщина могла облачить тело в новые доспехи, а не в те, которые Хидэёши носил при жизни.

Доспехи самурая висели на деревянном манекене, стоящем в углу. Потертые кожаные пластины выдавали многие годы использования, а темно-синяя шнуровка одоши была покрыта пятнами и потрепана на концах. Вот этот комплект, а не тот, что на нем сейчас, был бы выбором самого Хидэёши.

Отец Матео подошел к телу и в знак уважения поклонился. Когда он сложил руки в молитве, Ёсико попятилась и исчезла. Хиро задумался, а какие христианские молитвы замолвят словечко за человека, который не разделял веру священника. Или же отец Матео лишь притворяется, что молится, дабы дать Хиро время осмотреться.

В дополнение к обычным картинам, в токонома на южной стене лежал большой тессен с тщательно продуманными бумажными панелями с обеих сторон. Поскольку он был сложен, бумага и деревянные ребра скрывали сверкающие лезвия, которые превращали изысканный веер в ужасное и скрытое оружие.

Перед веером полукругом стояли небольшие деревянные колышки. На каждом из них сидел кожаный чехол с металлическим лезвием, торчащим из наконечника. Данные приспособления надевались на человеческие пальцы до первой фаланги, имитируя когти огромной кошки. Это было излюбленным оружием женщин-синоби, которых называют куноичи, однако неко-те пользовались редко и никогда не выставлялись напоказ. В последний раз Хиро видел подобное оружие в Ига, хотя три параллельных шрама на плече и еще четыре на бедре говорили о том, что он хорошо знаком с ним и с тем, как этим оружием пользоваться.

Перед глазами Хиро промелькнуло изуродованное тело Хидэёши. От неко-те обычно оставались колющие раны, но если стоять над жертвой или позади нее, то заостренными когтями можно рвать и резать.

Хиро подошел к токонома, чтобы посмотреть получше.

Шесть из десяти когтей сидели на своих колышках как-то криво, и что-то было не так с лезвием одного из них. Складывалось ощущение, будто кто-то подменил коготь кончиком, отломанным от другого клинка. Возможно, он вообще не был прикреплен к кожуху. Однако Хиро не мог сказать наверняка, не дотронувшись до лезвия.

Он подавил желание протянуть руку и рассмотреть поближе, что же случилось с наконечником, когда сзади раздался женский голос:

— Вы уже видели неко-те прежде.

В дверном проеме стояла Ёсико.

Хиро повернул голову и выпрямился, радуясь тому, что инстинкт предостерег его взять коготь в руки.

— Нет. — К токонома подошел отец Матео и показал на веер. — Это он так называется? Я думал, это тессен.

Ёсико тоже подошла к нише.

— Я имела в виду лезвия. Наемные убийцы используют их как когти. — Она подняла руку и скрючила пальцы. — Эти принадлежали куноичи, которая пыталась убить сёгуна, когда он только пришел ко власти, почти двадцать лет назад. Мой отец узнал о заговоре и убил ее. Сёгун отдал ему это оружие в качестве трофея.

Отец Матео показал на коготь с лезвием, которое выглядело странно.

— А это выглядит сломанным. Это случилось в время битвы?

— Нет. — Ёсико покраснела. — Это случилось позже.

— Недавно? — спросил Хиро.

— Много лет назад. — Она улыбнулась от нахлынувшего воспоминания. — Я играла и, как все дети, была непослушной.

— Она тайком вынесла оружие и воткнула его в дерево, — раздался еще один голос.

Хиро обернулся. В двери стояла миниатюрная женщина. Она едва доставала дочери до плеча, а ее руки были маленькими, как у ребенка. Лицо женщины обрамляли седые волосы, что напомнило Хиро увядающий цветок — все еще красивый, но сморщенный и иссушенный. Черное кимоно и оби подчеркивали ее хрупкость, хотя спина у женщины была прямой, а живые глаза скрывали ум и силу. Подол нижнего кимоно выглядывал из-под верхнего. Это был обычный стиль. Второе кимоно тоже было черным.

Хиро и отец Матео поклонились. Женщина поклонилась в ответ. Поднявшись, она спрятала под кимоно ожерелье, но Хиро все равно успел заметить крошечное серебряное украшение.

Ёсико протянула руку.

— Мама, это отец Матео и его переводчик Мацуи Хиро. Люди, о которых говорил Нобухидэ. — Она помолчала. — Это моя мать, Акеши Сато.

Сато напомнила Хиро его бабушку, вплоть до того, что у нее может быть в рукаве кинжал. Слишком уж тщательно проработанной казалась внешняя хрупкость вдовы, хотя Хиро подозревал, что это было сделано больше с целью самозащиты, а не обмана.

— Это я заменила отломанный коготь кусочком кинжала, — сказала Сато. — У вас отличное зрение. Мой муж за много лет этого так и не заметил.

«Или предпочел не замечать», — подумал Хиро. Хотя, пожалуй, эта правда уже не имела значения.

— Спасибо вам за честь, оказанную моему мужу, — продолжила пожилая женщина. — Я благодарна вам за ваши молитвы. Они приносят мне утешение.

— Я прошу прощения за беспокойство, — сказал иезуит.

Сато покачала головой:

— Я надеялась, что вы придете, чтобы я могла поблагодарить вас. Я скорблю по своему мужу, но, если девушка невиновна, я не хочу, чтобы она умерла.

— Вы знаете кого-нибудь, кто хотел бы навредить вашему мужу? — спросил Хиро.

— У него не было врагов. — Сато посмотрела мимо Хиро на тело супруга. — И родственников у него немного. До выхода в отставку пять лет назад он честно служил сёгуну.

— А после?

— Сёгун даровал ему пособие — десять коку в год.

— Коку? — переспросил отец Матео.

Хиро не понял, почему священник спрашивает, ведь ему знакомо это слово.

— Один коку — это количество риса, способное прокормить человека в течение года, — объяснила Ёсико. — Так рассчитывается жалование самурая.

Отец Матео кивнул так, словно узнал что-то новое. Потом он спросил:

— А теперь, когда ваш муж мертв, вы сохраните свои коку?

Вопросы внезапно обрели смысл. Самураи не говорили про деньги, но невежественный чужестранец вполне был на это способен, по крайней мере под маской образования. Хиро находился под впечатлением. Возможно, священник стал немного больше японцем, чем Хиро думал.

— Не знаю, — ответила Сато. — Это будет зависеть от сёгуна.

— Боюсь, я должен задать вам нескромный вопрос, — сказал отец Матео. — Вы обе были... дома прошлой ночью?

— Да, — сказала Сато.

— Я вечером выезжала прогуляться, — поправила ее Ёсико.

— Но ты вернулась до того, как стало темно, и мы рано отправились спать. — Сато приподняла подбородок. — Несмотря на свой необычный внешний вид, моя дочь знает правила приличия.

Хиро задумался, был ли акцент на слове «дочь» сделан случайно или намеренно.

Он поклонился:

— Благодарю вас за вашу любезность. Мы отняли у вас очень много времени в день вашей скорби.

Они снова поклонились друг другу, и Ёсико проводила мужчин до двери.

— Есть ли еще что-нибудь, о чем нам следует знать? — спросил отец Матео, надев сандалии. — Что-нибудь, что поможет нам найти убийцу вашего отца?

— Нет, — ответила Ёсико. — Он был просто отставным самураем с небольшим доходом и без каких-либо политических связей. Он поддерживал отношения только со своим братом, Хидэтаро, который зависел от доходов моего отца. Я рада, что вы хотите докопаться до истины, но, думаю, в конечном итоге вы поймете, что Нобухидэ прав. Виновна девушка.

Отец Матео молчал, пока они не вышли на дорогу. Потом он повернулся к Хиро и сказал:

— Что же, сейчас я запутался еще больше, чем в самом начале.

— Порой головоломки становятся лишь сложнее по мере того, как мы их разгадываем, — сказал Хиро.

— А мы эту уже решаем? Я в этом не уверен.

— Пять часов назад у нас не было подозреваемых, — сказал Хиро. — Сейчас у нас их по крайней мере трое.

— Кто именно?

— Торговец из Нагои, Маюри и Акеши Хидэтаро.

— Насчет торговца я понимаю, — сказал иезуит. — Но остальные?

— Тем утром Маюри сожгла свою учетную книгу. Я вырвал из нее несколько страниц, когда вытащил из печки в бане.

— Поэтому ты попросил меня воспользоваться уборной? И почему ты решил посмотреть именно там? Почему не в кухонной печи?

— Кухня чайного дома слишком многолюдна... слишком большая вероятность, что кто-нибудь ее там застанет.

— И что написано на тех страницах?

Хиро приподнял бровь:

— У меня не было времени рассматривать их в бане.

— Тогда почему ты ее подозреваешь?

— Она владеет чайным домом, где был убит Хидэёши. Она сожгла записи утром в день его смерти. Она не позволила другим женщинам помочь, когда закричала Саюри. Она слишком нервничала, оставляя нас наедине с Саюри на долгое время. Этого и так достаточно, даже без информации с этих страниц.

— А Хидэтаро? Никто не видит в нем угрозы, к тому же он зависел от Хидэёши.

— Ты видел, как от упоминания его имени у Саюри загорелись глаза? — спросил Хиро. — Этого достаточно, чтобы его имя было в нашем списке. По крайней мере до тех пор, пока мы не переговорим с ним лично.

И с этих самых пор позволь мне вести разговор. Ёсико могла рассказать гораздо больше, если бы ты все не испортил.

— Я думал, мы пришли ее предупредить. Ты не говорил, что в чем-то ее подозреваешь. — Отец Матео нахмурился. — Я приехал в Киото, чтобы помогать людям находить истину. Я не могу выполнять эту миссию в тишине.

— Если я не смогу выполнить свою, тебя убьют, — продолжил Хиро. — Не стоит относиться ко всем, как к невиновным.

— Она дочь Хидэёши!

— Тот факт, что в ней плещется его кровь, не означает, что она не может ее расплескать, — сказал Хиро. — Хотя я согласен, что наемный убийца в данном случае вполне очевиден.

— Как думаешь, мы сможем найти того мужчину из Нагои? — спросил отец Матео. — Он мог ночью уехать из города.

— Скорее всего, рано утром, — ответил Хиро. — Нам нужно поговорить с Луисом.

Возле дома иезуита по дороге ходил самурай, словно собирая все свое мужество, чтобы постучать в дверь. Он передвигался немного хромя — вероятно, старая рана на бедре или в колене. На подоле его выцветшего синего плаща и по краям сандалий была видна высохшая грязь. Его носки, должно быть, еще чистые утром, сейчас были покрыты пятнами.

Его узел, напротив, был сложен волосок к волоску и смазан маслом.

Он обернулся, услышав приближающиеся шаги Хиро и отца Матео. Синоби не узнал пришедшего в лицо, но колокольчик с пятью лепестками на кимоно мужчины говорил о том, что перед ними представитель клана Акеши.

Когда они сблизилась, самурай поклонился. Его бритую макушку покрывала многодневная щетина.

— Это вы иноземный священник? — спросил он. — Матто-сан?

— Я отец Матео, — поклонившись в ответ, сказал иезуит. — А это мой переводчик Мацуи Хиро. Чем мы можем вам помочь?

— Акеши Хидэтаро. Хидэёши был моим братом.

Отец Матео ждал, когда самурай продолжит. Хидэтаро молчал.

В воздухе повисла тишина, ситуация становилась неловкой.

— Пригласи его в дом, — по-португальски сказал Хиро. — Самураи не разговаривают на улице, словно какие-то торговцы.

— Пожалуйста, входите, — пригласил самурая иезуит. — Могу я предложить вам чай?

На лице Хидэтаро появилась улыбка облегчения.

— Да, спасибо.

Когда трое мужчин вошли в дом, Ана мыла пол. Увидев посетителя, она вскочила на ноги и торопливо удалилась на кухню, не промолвив ни слова.

Отец Матео проводил самурая к очагу. Хиро пошел следом, обратив внимание на то, каким образом Хидэтаро приподнял правую ногу, пытаясь не волочить ее по татами. Но даже при всех его стараниях правый носок издавал тихий шелест.

Едва мужчины уселись у очага, вернулась Ана, принеся чай и тарелку со сладкими рисовыми шариками. Она поставила закуски и вернулась обратно на кухню, остановившись лишь затем, чтобы сгрести любопытного котенка, высунувшего нос из комнаты Хиро.

Попивая чай, Хидэтаро огляделся.

— Все так, как в обычном японском доме. — Он посмотрел на Хиро. — А могут чужеземцы жить как японцы?

— Отец Матео может, — ответил Хиро. — Он даже немного говорит по-японски.

Хидэтаро понял намек.

— Вы можете пить чай? — спросил он священника. — А как насчет японской еды? Несварения нет?

Отец Матео улыбнулся:

— Нет. Вообще, японская еда мне нравится больше.

Это был не первый раз, когда он слышал подобные вопросы или видел реакцию удивления на свой ответ.

— Правда? — спросил Хидэтаро. — Я никогда раньше не встречался с чужеземцем.

— В Киото нас немного, — сказал отец Матео. — Но мое руководство надеется

построить здесь полноценный храм.

Хиро обратил внимание, что отец Матео заменил «церковь» на «храм», что было разумным выбором. Этому синоби его не учил, но был рад всякий раз, когда слышал. В Киото была сотня храмов, посвященных множеству божеств. Еще один не вызвал бы ни путаницы, ни обеспокоенности.

— Это было бы замечательно, — вежливо сказал Хидэтаро. — У каждого бога должен быть храм.

Они продолжали попивать чай. Хидэтаро попробовал рисовый шарик и удивленно сказал:

— Вкусно!

Комплимент казался искренним, но прозвучал натянуто. Хиро подозревал, что Хидэтаро хочется объяснить причину своего визита, но условность не позволяла ему начать разговор до тех пор, пока хозяин не заговорит первым.

Хиро, подняв брови, посмотрел на отца Матео.

— Примите мои соболезнования по поводу смерти вашего брата, — сказал иезуит. — Могу я чем-нибудь помочь вам в это тяжелое время?

Хиро одобрительно отметил, что священник не стал спрашивать Хидэтаро о причине его визита или о том, как самурай узнал об их вмешательстве в дело об убийстве. В конце концов, иезуит научился некоторым тонкостям.

Хидэтаро посмотрел на Хиро:

— Могу я рассчитывать на благоразумие чужеземца?

— Его религия запрещает разглашать информацию, полученную в результате доверительной беседы, — сказал Хиро. — Если он раскроет тайну, его бог отправит его в ад, где он будет гореть в вечном огне.

Хидэтаро отклонился назад и удивленно заморгал при упоминании вечности. В буддизме ад — временное явление. Помолчав немного, он выпалил:

— Саюри не виновна в смерти Хидэёши.

Хиро косо на него посмотрел:

— Почему вы так решили?

Взгляд Хидэтаро метнулся к очагу и обратно.

— Просто знаю. Она не смогла бы его убить.

— Она была влюблена в него? — Хиро внимательно следил за реакцией Хидэтаро.

— Нет. — Лицо самурая ничего не выражало. И поза его не изменилась.

— Она часто его развлекала, — сказал Хиро. — Может, и была.

— Нет, — повторил Хидэтаро. Казалось, он внутренне борется с чем-то.

Прежде чем Хиро успел задать следующий вопрос, Хидэтаро сказал:

— Я тот, кого она любит. На самом деле, я договорился, что выкуплю ее контракт и мы поженимся.

Слова Хидэтаро прозвучали искренне, к тому же он встретился взглядом с Хиро, но его поношенная одежда и постаревшее лицо делали подобное заявление вряд ли возможным. Хиро увидел еще одну проблему, но этикет не позволял ему поднимать этот вопрос.

— Хидэёши не возражал? — спросил отец Матео. — В конце концов, он часто ее посещал.

Хиро чуть не поперхнулся чаем. Это был именно тот вопрос, который он никогда бы не осмелился задать. Ему было интересно, задавая такой нескромный вопрос, иезуит полагался

на то, что он чужеземец, или действительно был настолько невежественным. Он подозревал, что последнее, но, взглянув на священника, так ничего и не понял. Как и всегда, лицо отца Матео озаряла приятная и искренняя улыбка.

— Не больше, чем я возражал против его визитов к ней, — ответил Хидэтаро.

Такой неоднозначный ответ был достоин синоби. Хиро не ожидал подобного умения от самурая.

— Хидээши любил компанию Саюри, — продолжил Хидэтаро, — но он хотел, чтобы я выкупил ее контракт. Он думал, что она заслуживает лучшей жизни, чем та, которая у нее сейчас в чайном доме.

— Он не возражал, что его брат собрался жениться на гейше? — спросил Хиро. Самурайская честь запрещала жениться на людях, которые не принадлежат касте самураев.

Хидэтаро немного поерзал.

— Несколько месяцев назад я хотел стать монахом. В глазах Ёси, брак был бы предпочтительнее.

У самураев не принято обсуждать семейные проблемы публично. Сам по себе намек привел к завершению разговора. Повисло неловкое молчание.

Наконец отец Матео сказал:

— Его смерть, должно быть, стала для вас ужасным ударом.

— Да, — сказал Хидэтаро. — Я узнал об этом утром в чайном доме. Маюри отказалась принять плату. Она сказала, что не может взять деньги, потому что Нобухидэ намеревается казнить Саюри. Еще она рассказала мне про ваше расследование и про то, что вы надеетесь доказать невиновность Саюри.

— Вы встречались с Саюри? — спросил Хиро.

— Нет. Маюри не позволила бы.

— А когда вы в последний раз ее видели? — уточнил Хиро.

— Неделю назад или чуть больше. Я не могу позволить себе посещение чайного дома... то есть я должен копить деньги, чтобы выкупить ее контракт. Вы должны доказать ее невиновность. Она этого не делала.

— Сделаем все, что в наших силах, — сказал отец Матео.

Хидэтаро встал. Он двигался медленно, словно его раненая нога все еще болела.

— Спасибо за чай.

Хиро проводил гостя до двери. Когда они дошли до выхода, Хидэтаро сказал:

— Мне кажется, этот чужестранец хороший человек. Вы не находите странным тот факт, что служите ему?

— У него, как и у любого другого человека, есть хорошие и плохие качества, — ответил Хиро, пока Хидэтаро надевал сандалии.

Хиро кивнул на обувь:

— От вчерашнего дождя осталось много грязи.

— Правда? — спросил Хидэтаро. — Я спал дома.

— Действительно. — Хиро поклонился. — Спасибо, что почтили нас своим визитом.

Хидэтаро вернул поклон и удалился, шагая медленно, чтобы никто не заметил его хромоты.

— Полагаю, мы можем исключить его из нашего списка подозреваемых, — сказал отец Матео, пока они наблюдали за тем, как самурай идет по узенькой дорожке.

— Совсем наоборот, — ответил Хиро. — Он только что прочно там обосновался.

— Ты правда думаешь, что Хидэтаро убил брата? — спросил отец Матео.

— Я думаю, он был не совсем честен, — сказал Хиро, — что заслуживает отдельного расследования. Кстати, а где Луис?

— Наверное, лег подремать, — ответил отец Матео. — Думаю, он закончил свои дела на сегодня.

— Именно их нам и надо обсудить. — Хиро пересек гостиную и постучал по двери, ведущей в комнату торговца. — Луис, ты не спишь?

Хиро услышал шорох и стон, сопровождающиеся звуком шагов, направляющихся к двери. Она с грохотом открылась, на пороге возник Луис. Его глаза были затуманенными ото сна, а длинные волосы топорщились вокруг лица.

— Сплю. Чего тебе надо?

— Информацию о торговце рисом, которому ты этим утром продал оружие. Он случайно не из Нагои?

Луис моргнул и сонное выражение исчезло с его лица.

— Откуда ты узнал?

— Я думаю, что ты вел дела с убийцей.

— Все мои клиенты убийцы. А кто из японцев не убивал?

— Луис. — К двери подошел отец Матео. — Мне кажется, я понимаю, о чем говорит Хиро. Простой ночью торговец из Нагои посетил Чайный дом Сакуры. Мы думаем, он мог убить Акеши Хидэёши. Если это один и тот же человек, мы надеемся, ты сможешь нам его найти.

Дверь отъехала до конца, и Луис вышел в гостиную. На нем была все та же рубашка, что и утром, и чистые темные бриджи. Перед сном он снял свою куртку, поэтому подол рубашки свободно свисал с его обширного живота. Хиро редко видел такой неподобающий костюм.

— Акеши? — повторил Луис. — Это имя покойного?

— Да, — ответил отец Матео. — Ты его знаешь?

— Это может быть простым совпадением. У этих японцев в ходу всего фамилий двадцать.

— Любая информация может помочь, — сказал отец Матео.

Луис задумавшись почесал грудь.

— Пару месяцев назад я продал сотню пищалей самураю, которого звали Акеши, но не Хидэёши. Его имя было другим. Мисо-как-то-там, мне кажется. В Киото он был проездом ехал, чтобы встретиться с каким-то военачальником на юге.

Торговец рисом из Нагои упомянул имя Акеши, когда мы обсуждали условия. Вроде того, что они друзья. Он думал, что я дам ему скидку. — Луис выглядел весьма самодовольным. — Я взвинтил все цены на двадцать процентов, а потом сделал скидку в десять. Он так ничего и не понял.

Хиро не обратил внимания на растущее раздражение и вернулся к интересующей его теме разговора:

— Кто познакомил тебя с самураем? С тем, который был из клана Акеши.

— Не помню, — ответил Луис. — Я знаком со многими торговцами, и большинство из них с кем-нибудь меня знакомили. Все дело в глупом самурайском обычае сначала

знакомиться с человеком, а потом уже вести с ним дела. Нормальные люди просто находят то, что им нужно, и покупают.

— Это важно, — настаивал Хиро. — Кто вас познакомил?

Луис на мгновение задумался.

— Это, наверное, был портной. Ясо. — Помолчав, он продолжил: — Точно Ясо. И сегодняшнюю встречу тоже устроил он.

— Кто-нибудь из мужчин говорил, где остановился? — спросил Хиро. — Есть ли у них родные в Киото?

Луис усмехнулся и покачал головой:

— Мы говорили только о мушкетах. Мне нет дела до личной жизни покупателей.

— Записи о сделке есть?

— Я подробно веду учетные книги, но в них ты не найдешь того, что ищешь. Список имен, но никаких адресов или другой информации о покупателе.

— Этого достаточно, — сказал Хиро. — Книги здесь?

Луис вернулся в свою комнату и минуту спустя вынес учетную книгу в кожаном переплете. На португальский манер. Он листал страницы, пока не нашел ту сделку, которую искал.

— Вот. — Он показал на страницу. — Это он, самурай.

Хиро потребовалось некоторое время, чтобы найти запись, и не только потому, что записи были на португальском языке. Ни в столбцах, ни в строках не было никакого смысла, пока он не понял, что торговец все записывает по горизонтали, а не по вертикали, как делают это японцы.

Хиро посмотрел на строчку, указанную Луисом. Все, за исключением имени покупателя, было написано на португальском, даже расписка. Хиро было трудно это прочитать, но он сделал над собой усилие. Несмотря на отвратительный характер, почерк у Луиса был красивым.

Имя заказчика было легко разобрать, потому что написано оно было не от руки. У самурая и многих торговцев были личные печати, или инкан, которые исключали вероятность подделки и необходимость носить с собой перо и чернила. Достаточно было прижать ее к пастообразным чернилам, а потом поставить на документ или страницу. В результате на бумаге оставалась фамилия и имя человека.

В данном случае на листе было написано: «Акеши Мицухидэ».

— А другой? — спросил Хиро. — Человек, с которым ты встречался утром?

Торговец перевернул две страницы и пробежал пальцем по списку, пока не дошел до конца записи.

— Это странно.

Он перевернул книгу к Хиро и отцу Матео. На месте имени заказчика красовалось смазанное пятно.

— Он, наверное, сильно торопился.

— Или намеренно это сделал, чтобы скрыть свое имя, — сказал Хиро.

Луис пожал плечами:

— Будет сложно отследить его, вряд ли он все еще здесь. Он собирался уехать из Киото, как только купит оружие, и хотел выехать как можно раньше, чтобы на дорогах было свободнее. Поэтому я поднялся ни свет ни заря. Думаете этот Акеши связан с вашим мертвым самураем?

— Меня бы удивило, если бы это было не так, — сказал Хиро.

— Интересно, что никто не говорил о своих связях с господином Одой, — задумавшись, сказал отец Матео.

— Но не удивительно, — отозвался Хиро. — Это также означает, что Ёсико ошиблась или солгала. И у господина Оды, и у сёгуна есть причины желать Хидэёши смерти.

— Матео, тебе нужно уехать из Киото. — Лицо Луиса покраснело. — Не стоит приносить себя в жертву ради проститутки.

— Я стал священником, потому что верую в истину, — ответил отец Матео. — Я не стану убегать ради спасения своей шкуры и не брошу невинную женщину умирать. Божьего Суда я боюсь гораздо больше смерти.

Хиро извинился и направился в свою комнату. Священник не уедет из Киото, пока факты не заговорят в пользу Саюри или пока ее не осудят. И неважно, что говорит Луис. Но учетная книга торговца напомнила ему о страницах, спрятанных в рукаве. Хиро решил посмотреть, какие подсказки в них прячутся.

Хиро опустился на колени возле расположенной в южной стене комнаты ниши с письменными принадлежностями. Он вытащил из рукава полусгоревшие листы и выложил их в ряд на низком деревянном столике. Некоторое время он внимательно их изучал, а потом потянулся к узкой коробочке, стоящей на противоположном конце стола.

В кедровом ящичке было несколько отделений. В одном лежал пергамент, в другом — палочки для чернил. В третьем находились разного рода документы, включая обрывок, который он вытащил из кимоно Маюри. Хиро достал бумажку и положил ее к остальным на столе.

Листы выглядели одинаковыми по толщине, но учетные книги все были типовыми, а из-за подпалин нельзя было сказать наверняка.

В комнату вошел отец Матео и сел рядом с Хиро.

— Не понимаю, — сказал он. — Зачем вырывать одну страницу, а вторую сжигать?

— Она скорее всего попыталась вырвать компрометирующие страницы, а потом поняла, что учетная книга будет выглядеть подозрительно.

— Так это все-таки книга?

— Несколько. — И Хиро рассказал, что видел в растопочной.

— Но что Маюри пыталась скрыть? — спросил отец Матео. Пару секунд спустя он от удивления открыл рот. — А ты не думаешь, что она использует смерть одного брата, чтобы одурачить другого?

— Что? — Хиро оторвал взгляд от обрывков бумаги. — Ты о чем?

— Разве Маюри не должна будет вернуть ему деньги, если Саюри казнят? Но если не будет никаких записей о платеже...

— Неплохая теория, — сказал Хиро. — Однако, если ты прав, значит Хидэтаро знаком с Саюри гораздо дольше, чем они заявляют.

Обычно в первый день нового года делец начинает вести новую учетную книгу. Что бы Маюри ни пыталась скрыть, оно имело место в последние три года.

— А Саюри дебютировала лишь этой весной, — сказал отец Матео.

— Вот именно, — сказал Хиро, продолжив размышлять вслух: — Ученица тратит по меньшей мере четыре года на обучение, так что вполне возможно, что Хидэтаро был знаком с Саюри еще до ее дебюта. Я не подумал о том, чтобы спросить у Хидэтаро, не ходил ли он к другой девушке до того, как Саюри попала ему на глаза.

Отец Матео взял в руки одну из страниц. Он рассмотрел ее с обеих сторон и передал Хиро.

— Видишь здесь что-нибудь полезное? Мне ничего не знакомо, кроме цифр.

И с той, и с другой стороны вертикальными линиями бежала безупречная каллиграфия. Из-за огня и пепла большинство цифр стали неразборчивы, но Хиро мог с уверенностью сказать, что числа были весьма большими. Кедровые полы и модные кимоно стоили недешево.

Все страницы имели заголовки в верхней части столбцов, но сверху и по бокам страницы были сожжены. Все остальные листы выглядели так же.

Хиро положил страницу на стол.

— Слишком сильно обгорели. Без заголовков я не смогу узнать, чьи это счета или что

обозначают цифры. Ну, в любом случае, шанс был невелик. Сами по себе эти счета не расскажут, что скрывает Маюри.

Отец Матео показал на уцелевшую страницу:

— Теперь, когда мы знаем, что это из учетной книги, ты можешь что-нибудь сказать об этом листе?

Хиро взял в руки неровный кусок. Он был оторван от верхней части страницы и содержал один неповрежденный заголовок столбца и часть записей с обратной стороны.

— В центральном столбце содержится имя, — показал Хиро. — Танака Ичиро.

— Ты его знаешь?

Хиро приподнял бровь, глядя на священника.

— Танака — очень популярное в Киото клановое имя, Ичиро означает «первый сын». В Киото тысяча людей с таким именем.

Он продолжил:

— Но что еще важнее, только дворяне могут иметь два имени. Кодекс Бусидо не одобряет, если самурай становится покровителем чайного дома. Даже если мы найдем правильного Танаку Ичиро, он этого не признает.

Священник выглядел разочарованным.

— Это все равно не поможет, — сказал Хиро. — Мы не сможем отслеживать каждого, кто посещал Сакуру, в надежде, что кто-нибудь знает, что скрывает Маюри. Ее тайна может вообще не иметь к убийству никакого отношения. Скорее всего наоборот... это просто был удобный предлог, чтобы скрыть конфуз.

— Или другое преступление, — сказал отец Матео. — Еще можешь что-нибудь там прочесть?

Хиро посмотрел на обрывок.

— Цифры начинаются с нуля, что говорит о начале отсчета. Они большие, но это вполне ожидаемо. — Он покосился на оторванный столбец справа от имени Ичиро. — Похоже, следующий заголовок — это «Акешши», но он разорван. Вторая часть отсутствует.

— Значит это либо Хидэёши, либо Хидэтаро.

— Или кто-то еще. Без второго имени мы не можем знать наверняка.

— А мог Хидэтаро убить брата, чтобы понизить репутацию чайного дома и сбить цену на контракт Саюри?

Хиро удивленно посмотрел на иезуита:

— Для священника ты строишь поразительно замысловатые схемы.

— До того как стать священником, я был обычным человеком. А в Библии рассказывается о некоторых весьма наивных грешниках. Если бы ты прочитал ее, она и тебя бы чему-нибудь научила.

Как и обычно, Хиро проигнорировал призыв.

— Хидэтаро не убил бы брата в чайном доме. — Он задумчиво повертел в руке оторванную страницу. — Слишком велика вероятность, что обвинят Саюри.

— Может, это все-таки был синоби?

Хиро положил обрывок на стол.

— Возможно, наемный убийца. Но не синоби и не куноичи... или же, по крайней мере, неопытный.

— Почему нет?

— Раны. Горло Хидэёши было перерезано сзади, что предполагает наемного убийцу, но

выдает существенный недостаток мастерства. Его горло было не только разрезано, но и разорвано, значит убийца был очень сильным. Наверное, это сделал мужчина, хотя и женщина на такое тоже способна. Такие раны нож не оставляет, что говорит о применении неко-те. Но острота порезов указывает на неопытного пользователя.

Хиро поднял руку и согнул пальцы таким образом, чтобы они были похожи на когти.

— Куноичи, используя неко-те, или колют, или режут, но очень редко все вместе. — Он изобразил укол в сердце, а потом провел пальцами по горлу. — Это занимает очень много времени. Профессионал бы это знал.

— Может, убийца хотел быть уверенным, что самурай точно мертв?

— Что опять же указывает на новичка, — сказал Хиро. — Колотые раны едва кровоточили, а это значит, что Хидэёши был уже мертв или близок к этому. Так что в них уже не было никакого смысла.

— Как ты все это понял? — В голосе иезуита сквозило подозрение.

— Я тебе покажу. — Хиро поднялся на ноги и встал позади священника. — Ты Хидэёши, стоишь на коленях перед токонома.

Отец Матео с заинтересованным лицом повернулся к Хиро:

— Подожди минуту.

Хиро махнул в сторону стола:

— Доверься мне. Смотри прямо туда.

Он подождал, пока священник не вернулся в исходное положение.

— Итак, — продолжил Хиро. — Пока ты смотришь на посредственную цветочную композицию... которая выглядит приятно в силу того, что ты пьян... убийца подкрадывается сзади и перерезает тебе горло при помощи неко-те.

Правая рука Хиро зависла над шевелюрой священника, в то время как левой он провел возле шеи иезуита и быстро отстранился. Отец Матео дернулся, вздрогнув от неожиданности, хотя синоби к нему даже не прикоснулся.

— Твоя кровь брызжет на стену, а убийца нападает на тебя снова. — Хиро с помощью жестов медленно разрывает священнику горло. — И еще раз. Вот когда появляются разрывы. Лезвия застревают в канавках от предыдущего разреза. А одно и вовсе ломается.

— Но как? — спросил отец Матео. — Разве они не вшиты?

— Да, но очень сложно вышить лезвие в кожу. Именно поэтому оружие обычно используется как колющее, а не как режущее. Лезвия, должно быть, попали в ключицу Хидэёши или в сухожилие. В любом случае, во время нападения оно расшаталось.

Хиро опустил руки священнику на плечи:

— Вернемся к убийству. Ты, почти мертвый, падаешь вперед, но убийца не останавливается, как сделал бы синоби или куноичи. Он, или она, заваливает тебя на спину, чтобы завершить начатое.

Отец Матео позволил Хиро опустить себя на пол. Синоби все еще держал руки как когти.

— Убийца выкалывает тебе глаза, а потом ударяет в грудь, где и застревает лезвие. Опытный убийца заметил бы его и убрал из раны, но убийца оставляет его там.

— Вот почему ты считаешь, что это не синоби. — Отец Матео сел обратно.

Хиро кивнул:

— А еще синоби и куноичи редко выкалывают жертве глаза. Осквернение мертвых несет возмездие клану убийц.

Отец Матео выглядел удивленным:

— Божественное возмездие? Я думал, вы не суеверны.

— Не у всякого возмездия божественные корни.

— То есть синоби никогда бы не осквернил тело?

— Профессионал сделал бы все, что угодно, если бы его устраивала цена, — сказал

Хиро, — но, синоби или нет, тот, кто убивал, ненавидел Хидзёши.

— Или же он не мог смотреть покойному в глаза, — сказал отец Матео.

Хиро с удивлением повернулся к священнику:

— Я не думал об этом, но, пожалуй, ты прав. Синоби учат не обращать внимания на глаза мертвых, но это занимает время. Нужна определенная стойкость. Когда я впервые увидел глаза мертвеца, мне стало не по себе.

Если это не профессионал, которому заказали осквернение, значит наш убийца, вероятно, никогда прежде не сталкивался с только что убитым человеком.

Хиро бросил взгляд на бумаги, пытаюсь понять, что же скрывала Маюри. Пока он смотрел на обрывки и жаждал получить ответ, сбоку стола появилась черно-оранжевая лапка, потянувшаяся к листам учетной книги.

Хиро заглянул под стол. У края ниши сидела маленькая кошечка. Ее уши были прижаты, а передняя лапа вытянута, словно она пыталась дотянуться до бумаг. Увидев лицо Хиро, она замерла, одернула лапку и удрала из комнаты.

Хиро покачал головой:

— Вот вам и пауки.

— Не думаю, что Саюри могла бы это сделать, — сказал отец Матео, слишком погруженный в решение загадки, чтобы заметить выходку котенка. — Она чересчур мягкая, чтобы выколоть мужчине глаза. Кроме того, она приняла христианство.

— Я слышал, как ты говорил о тех своих героях из Библии — Давиде и Иисусе. И об остальных. Священное Писание доказывает, что того, кто принял твою веру, от убийства это не остановит. — Прежде чем священник успел ответить, Хиро продолжил: — Тем не менее, чтобы напасть на самурая, Саюри должна быть сильнее, чем выглядит.

Отец Матео глубоко втянул воздух и с силой выдохнул.

— Наконец-то ты согласен, что она невиновна.

— Я согласен с тем, что она, вероятно, не держала неко-те, — поправил его Хиро. — Но до невинности еще далеко.

Отец Матео почесал нос, а потом покачал головой:

— Поверить не могу, что вы делаете из женщин наемных убийц.

— Почему это тебя удивляет? — поинтересовался Хиро. — Женщины злее мужчин.

— Да я просто не могу представить, как женщина бродит по окрестностям с кинжалом в руке.

— Куноичи не бродят. Они выдают себя за жриц, проституток... или за гейш. Я не уверен, что это была куноичи или вообще женщина. Мы не можем строить гипотезы. Только факты дадут ответы.

Хиро бросил взгляд на раздвижную дверь на западной стене, ведущей на крыльцо и во двор. Панели светились алым от заходящего солнца.

Он встал и поправил кимоно:

— Пожалуй, схожу пропущу стаканчик.

Отец Матео постарался не хмуриться:

— Сакэ?

— Думаешь, я сдался?

Иезуит пожал плечами, как бы говоря: «Да».

— Ана вылила содержимое последней бутылки в пруд с кои, надеясь отучить меня приносить выпивку домой, — сказал Хиро. — Но вы оба должны отбросить мысль о том, что я не стану пить где-нибудь в другом месте. Разве в Португалии мужчины вместе не выпивают?

— Существует много других напитков.

— Все верно, — ответил Хиро. — Но в них всех есть одна проблема. Это не сакэ.

Отец Матео проводил синоби до двери.

Хиро направился к дороге, обернулся и спросил:

— Не хочешь пойти со мной? Обещаю пить достаточно, чтобы Гиндзиро не возражал против того, что ты себя не ублажаешь.

— Нет, спасибо. — Губы отца Матео скривились. — У меня сегодня служба.

Хиро скрыл свое веселье за кивком. Иезуит не смог бы обмануть и пятилетнего ребенка, не говоря уже о тренированном синоби, умевшем считывать лица. Но он все же уважал его старания. Священник пытался поступать как самурай и друг.

Пока Хиро шел к реке, он представлял, как удивился бы иезуит, если бы узнал, что Хиро ненавидит сакэ. Пивная и предлог выпить служили совершенно другим целям.

* * *

Хиро дошел до реки Камо в тот самый момент, когда с противоположной стороны моста появился всадник на темно-коричневой лошади. Шкура кобылы пылала алым в лучах закатного солнца, а ее копыта, казалось, исчезали в тени дороги.

Только самураи имели право ездить верхом, так что два меча наездника не удивили Хиро, хотя темные штаны и такого же цвета сюрко заставили присмотреться поближе. Мужчины обычно носили одежду контрастных цветов.

Наездником была женщина, хоть и одетая как самурай. Даже через реку Хиро узнал ее.

Акеши Ёсико осадилась на лошадь, повернув направо, и устремилась на юг по узкой грязной дороге вдоль реки. Она пригнулась, чтобы не врезаться в ветку, которая нависла над дорогой, и пришпорила лошадь. Когда Ёсико проскакала какое-то расстояние, она обернулась, словно желая убедиться, что за ней никто не следит.

Если бы не ее жест, Хиро подумал бы, что Ёсико решила совершить вечернюю прогулку, но ее волнение было подозрительным. Он решил немного изменить свои планы и повернул на юг, направившись по параллельной дороге вдоль восточного берега. Хиро очень хотелось, чтобы на нем была одежда синоби, а не громоздкое кимоно и мечи, соответствующие требуемому статусу. Было сложно бежать в кимоно, не привлекая к себе внимания, но еще труднее было бы передвигаться по крышам и залезать на деревья, чтобы оттуда вести скрытое наблюдение. Хиро утешал себя тем, что, в случае если Ёсико заметит, что он за ней следит, кимоно поможет ему избежать объяснений. Он мог бы сказать, что отправился поразвлечься, тем более, что рядом находился район Понто-тё.

Солнце скользнуло за горизонт, а небо потемнело от красного и золотистого до лавандового и синего. Кучевые облака сияли как не потухшие угольки, но потом погасли.

В сумерках Хиро потерял лошадь из вида. Стук копыт затих. Он замедлил шаг и от отчаяния сжал кулаки, хоть и сомневался, что упустил какую-то полезную подсказку. Женщина верхом на лошади привлечет много внимания, даже в многолюдном Киото. Хиро не сомневался, что ради какой-нибудь подозрительной миссии Ёсико не стала бы брать лошадь.

Однако на мгновение он снова почувствовал себя синоби. Он не испытывал этого ощущения с момента своего приезда в Киото. Скрытые тренировки позволяли оттачивать свои навыки, но не позволяли испытывать волнения от выслеживания настоящей добычи.

Несколько минут спустя Хиро добрался до моста на дороге Сандзё. Вокруг стало темно, но сверкающие фонарики манили с противоположного берега. Когда Хиро ступил на мост, чтобы перейти на другую сторону, до него откуда-то сзади донеслось приглушенное лошадиное ржание.

Он обернулся и посмотрел вниз на дорогу, ведущую к Чайному дому Сакуры.

Рассмотреть заведение оказалось несложно. Фонарики, свисающие с карнизов, давали так много света, что было светло как днем. Хиро увидел во дворе фигуры и, словно по наитию, отправился к чайному дому.

Напротив Сакуры виднелась тень. На дороге стояла лошадь. Темная фигура держала поводья, но не была похожа на Ёсико. Скорее всего досин караулил лошадь, а женщина встречалась с кем-то внутри. Люди Нобухидэ не откажут в просьбе сестре ёрики, даже если это означало опуститься до уровня конюших. По крайней мере те, что постарше, не отказались бы. Хиро сомневался, что высокомерный юнец принесет свою гордость в жертву ради любой из женщин.

Когда Хиро дошел до второго дома, он поборол свое любопытство и остановился. Подойти ближе значило поставить себя в невыгодное положение. Досин все равно, даже если и знает, не расскажет о причинах визита Ёсико, а красться по крышам в кимоно и при мечях было бы крайне неудобно. Хиро мог бы подождать женщину на выходе, но у нее не было причин рассказывать ему правду или вообще отвечать на его вопрос. Присутствие Хиро лишь скажет ей о том, что он знает о ее действиях, а синоби не любил, когда обмен информацией был неравным и складывался не в его пользу.

Он отступил к мосту и поискал место, где можно спрятаться. Хиро не хотел столкнуться с Ёсико, но не имел ни малейшего намерения уходить раньше нее. Он хотел знать, как долго продлится ее визит и уйдет ли она одна.

Деревья сакуры не давали стоящему на земле никакого укрытия. Листья и ветки смогли бы замаскировать забравшегося на дерево, если бы он был в маске, но без нее лицо будет слишком выделяться, как снег на вершине горы.

Широкие веранды опоясывали дома по обе стороны от дороги. Портики скрывались в тени, их затемняли карнизы, но за стенными панелями мерцали свечи, и Хиро не хотел бы объясняться с посетителем, вышедшим подышать свежим воздухом.

Он развернулся к мосту. Арочная деревянная конструкция стояла на сваях из дерева и камня и изгибаясь проходила над рекой. Спуск к реке был достаточно крутым, но пространство в том месте, где мост встречался с насыпью, образовывало некое подобие искусственной пещеры. Она была достаточно большой, чтобы укрыть там человека. Хиро подошел к краю моста и опустился к нижней части конструкции.

Он почти добрался до темного места, когда раздался крик:

— Помогите! Убивают!

Хиро обернулся к дороге, но потом понял, что кричат из-под моста.

Из темноты под сваями появилась тень. До Хиро донесся резкий запах мочи, сопровождавшийся прогорклым дыханием. Тень снова закричала:

— Помогите! Помогите! Убивают!

— Ш-ш-ш, — попытался заставить фигуру замолчать Хиро. Он поднял ладони, показывая, что в руках нет меча. — Я не причиню вам вреда.

Он прислушался, не раздадутся ли шаги по дороге, но ничего не услышал. Досина вопли пока не насторожили.

— Помогите! — крикнула тень, но на этот раз уже тише. Фигура-вонючка покосилась на другую сторону, словно разглядывая Хиро с иного ракурса. Но больше не кричала. Вместо этого раздался вопрос: — Ты полицейский или душегуб, который пришел меня убить?

— Ни то, ни другое, — прошипел Хиро. — Я... заблудился. Мне нужно место, где можно переночевать.

— Заблудился? С такими-то мечами? — Тень закудаhtала от смеха. — Придумай что получше.

До ноздрей Хиро донесся запах дохлой рыбы и гниющих зубов.

— Ладно, — признался Хиро, опустившись на корточки и понизив голос до шепота. Тень присела рядом в нескольких сантиметрах и заговорщицки наклонилась вперед. Запах пота и немых волос присоединился к тому, что уже ощущал Хиро. Он попытался подавить приступ кашля, вызванный омерзением.

— Там моя жена, — прошептал Хиро. — С другим мужчиной. Я не хочу, чтобы она узнала, что я за ней слежу.

Тень снова хохотнула, но в этот раз уже тише.

— Собираешься убить его? Хочешь, я помогу? А я помогу, ну, знаешь, за серебряную монету.

— Не сегодня. — Хиро думал очень быстро. — Мне кажется, у нее есть еще и второй любовник. Хочу выследить и его тоже.

— Тогда все равно дай монету. Или снова закричу.

— Если дам, будешь сидеть тихо, пока я не уйду?

Голова бродяги качалась из стороны в сторону, пока он обдумывал предложение.

— Хорошо.

Хиро вытащил монету из кошелька во внутреннем кармане кимоно и положил ее в протянутую ладонь нищего. Он даже не задумался на тем, чтобы искать в темноте руку бродяги. Тот чуть не ткнул Хиро в глаз в стремлении схватить монету.

Как только металл коснулся ладони, бродяга хохотнул и полез обратно под мост. Хиро опустил на корточки рядом со сваей и принялся ждать. Носом он старался не дышать.

Несколькими минутами позже со стороны чайного дома к мосту приблизилась лошадь. По доскам застучали копыта. Решив, что всадник уже успел доехать до середины реки, Хиро выполз из-под моста и посмотрел наезднику вслед. Фонарики в торговой палатке освещали только лошадь, но Хиро мог с уверенностью сказать, что всадник был одет как самурай, а волосы покрывали голову полностью.

Ёсико пробыла в чайном доме около получаса. Это слишком много для того, чтобы

забрать вещи отца, но слишком мало, чтобы кого-то успеть допросить. Хиро решил было последовать за ней, но передумал. В темноте и пешком будет сложно следить за всадником.

Вместо этого, перейдя на другой берег, он направился на запад по дороге Сандзё. Бренчащая музыка и женский смех разлетался по Понто-тё, наряду с приглушенными разговорами мужчин и женщин, прогуливающих по узкому переулку. Хиро бросил взгляд в сторону дома Плавающих Слив, но из-за других ярко освещенных домов, строения Умехи он не увидел. Синоби ощутил аромат рисовой лепешки и жареного мяса из близлежащего магазина и уловил запах сакэ от проходившего мимо мужчины.

Он прошел мимо переулка и направился дальше по дороге. На следующем перекрестке Хиро повернул налево и попал на торговую улочку, переполненную ресторанами и лавками, торговавшими сакэ. Он подумал, что их знакомые огни меньше слепили глаза и были более приветливыми, чем огни Понто-тё.

Немного вниз по улице напротив лавки сакэ стояла палатка по продаже лапши. Возле палатки рядом с припасами стоял лишь древесный мангал, но от запаха лапши и густого рыбного соуса у Хиро заурчало в животе. Он остановился и заказал себе самую большую миску.

Продавец достал из коробки свежей лапши и опустил ее чуть больше, чем на минуту, в кипящую воду. Потом, закрутив лапшу спиральями, положил ее в миску, а сверху вылил половник рыбного соевого соуса. Завершающим штрихом стала посыпанная сверху сушеная скумбрия. Хиро протянул торговцу медную монету, а взамен получил полную миску и палочки. Синоби, стоя прямо на дороге, со скоростью, которая удивила даже продавца, съел лапшу и протянул пустую миску обратно.

— Благодарю, — сказал Хиро. — Очень вкусно.

Продавец поклонился и продолжал кланяться до тех пор, пока Хиро не свернул с дороги на юг.

Несколько минут спустя Хиро добрался до сакэварни Гиндзиро. Как в большинстве других подобных заведений, на первом этаже отсутствовала выходящая на улицу стена, а пол был приподнят так, что доходил прохожему до пояса. Посетители усаживались на колени у входа, а оказавшись внутри могли сидеть, попивать сакэ и наблюдать за дорогой. Хиро нравилось у Гиндзиро, потому что сакэварня была небольшой. А еще здесь подавали лучшую еду по сравнению с другими заведениями.

Гиндзиро открывался в полдень, а закрывался с уходом последнего клиента или с восходом солнца, то есть заведение оставалось открытым до самого рассвета. Сакэ Гиндзиро разливал сам из бочек, которые держал за деревянным прилавком, пробегавшем вдоль всей стены в задней части сакэварни. Пол в зоне обслуживания был одного уровня с землей, так что из-за прилавка виднелась только половина Гиндзиро.

Подойдя, Хиро посмотрел на витрину. Слева от бара сидели два самурая и пили сакэ из маленьких чашечек размером с половину яичной скорлупы. Перед ними на татами стояла глиняная бутылка с печатью Гиндзиро. Она была точно такой же, как бутылка Хиро, которой он пользовался в качестве прикрытия до тех пор, пока возмущенная Ана не избавилась от нее. У большинства посетителей были собственные бутылки, в которых напиток можно было отнести домой. Хиро был рад, что у него есть отговорка.

Посетитель поднял бутылку и наполнил чашку своего спутника и свою собственную. Они отсалютовали друг другу и продолжили разговор.

На противоположной стороне сакэварни в одиночестве сидел старый монах. Сложив

ноги по-турецки, он балансировал на краю, как будто собираясь выпасть на улицу. Его лысеющую голову покрывали пигментные пятна, почти идеально совпадавшие по цвету с его драной рясой, которая сама по себе хранила пятна от еды и всяких других вещей, о которых лучше было не вспоминать.

Когда монах увидел Хиро, его влажные губы растянулись в улыбке, обнажив единственный зуб снизу.

— Хай! Хиро!

Монах махнул рукой. От этого жеста он упал бы на дорогу, если бы Хиро не подошел и не поддержал его.

— Добрый вечер, Сукэ. — Хиро привел монаха в устойчивое положение и аккуратно убрал руки, удостоверившись, что пожилой священнослужитель не упадет.

Когда монах уселся, Хиро вытащил катану из ножен и положил ее на фальшпол, снял сандалии и забрался внутрь. От отнес меч к бару. Поклонившись, Гиндзиро принял оружие и убрал в деревянную стойку в дальнем конце комнаты рядом с тремя другими катанами. Две принадлежали другим посетителям. Третья, должно быть, была оставлена пьяным по ошибке.

Хиро показал Гиндзиро два пальца.

Хозяин нахмурился:

— Не покупай ему сакэ. Ты знаешь, мне не нравится, что он здесь.

— Так прогони его, — ответил Хиро, зная, что тот этого не сделает.

— Ты знаешь, я не могу. Не рискуя при этом подпортить карму.

— И не получив жалобу судье от настоятеля храма, — добавил Хиро. Гиндзиро боялся судью гораздо больше, чем любого из богов.

— Он плохо влияет на дело, — пожаловался Гиндзиро.

— Я не люблю пить в одиночестве, — возразил Хиро. — Так что, на мой взгляд, он не помеха твоему делу... если ты хочешь хоть что-то с меня получить.

Гиндзиро нахмурился, подошел к стойке и со стуком поставил на деревянную столешницу две керамические чашки. Потом вздохнул и отошел за бутылкой сакэ.

Когда торговец вернулся, Хиро взял чашки и бутылку и направился к Сукэ.

— Очень любезно с твоей стороны, очень любезно, — сказал монах, когда Хиро опустился на колени и поставил чашки с бутылкой на пол перед ними. — Амида Будда сохрани твою душу.

Хиро наполнил чашу Сукэ, а потом и свою.

Монах поднял ее обеими руками.

— Да снизойдет на тебя бесконечное благословение.

Он выпил сакэ одним глотком и опустил чашку. Язык Сукэ пробежал по губам, дабы не оставить ни единой капли. Он посмотрел на бутылку взглядом, каким собака смотрит на мясника.

Хиро заново наполнил чашку Сукэ, но бутылку на пол не поставил. Священник выпил еще дважды, но после четвертой чашки он всего лишь сделал глоток, вместо того чтобы выпить напиток залпом.

Хиро поставил бутылку и поднес свою чашку к губам. Они пили молча. Всякий раз, когда синоби наливал монаху сакэ, тот осыпал его благословениями, которые каждый раз звучали искренне, словно Сукэ не помнил, насколько часто повторялся этот ритуал.

Хиро слабо верил, что его доброта дарует ему вечное достоинство, как заявлял Сукэ, но

синоби нравилось видеть старика счастливым. У Хиро при этом был отличный повод покупать сакэ, но еще лучший повод, чтобы самому не пить.

Наполнив чашку Сукэ в седьмой раз и жестом показав Гиндзиро принести еще бутылку, Хиро спросил:

— Казу давно видел?

— Не так уж и давно. — Сукэ покачал в руках чашку, осушил ее одним глотком и поставил на пол, чтобы заново наполнить. Хиро опорожнил бутылку.

Сукэ вздохнул и с тревогой посмотрел в сторону барной стойки, словно сомневаясь, что Гиндзиро принесет им еще сакэ. Только после того, как прибыла вторая бутылка и наполнились чашки, монах, казалось, вспомнил, что Хиро задал ему вопрос.

— Не сегодня. Вчера он купил мне чашечку сакэ.

Зная монаха, это скорее всего была бутылка.

— Казу хороший человек, — сказал Сукэ. — Хоть и не такой хороший как ты, Хиро. Да благословит тебя Амида Будда.

Как только слова вылетели из его рта, к магазинчику сакэ подошел самурай. Он был одет в дороге черное кимоно с гербом сёгуна, а его мечи стоили больше, чем большинство владельцев магазинчиков зарабатывали за год. Его волосы были собраны в идеальный пучок. Смазанные маслом, они сияли, словно лунный свет на глади ночного озера. Узкое лицо самурая и его черные миндалевидные глаза останавливали женщин на улице, но выражали лишь смирение, которое было нехарактерно для двадцатилетнего молодого человека. Его осторожные движения и доброжелательное поведение располагали к себе. Люди доверяли ему и не считали его угрозой.

Большинство, по крайней мере.

Хиро же был не настолько глуп.

Самурай достал катану, забрался в магазинчик и отдал меч хозяину. Вернувшись от стойки с чашкой и бутылкой сакэ, он заметил Хиро в обществе монаха. На лице молодого человека появилась улыбка. Он изящно поклонился.

— Хиро, — сказал он с акцентом, привнесенным обществом сёгуна и императорским двором. — Что привело тебя к Гиндзиро? Сбежал с проповеди своего чужеземного священника?

Хиро улыбнулся, услышав его идеальную манеру речи. Казу же, пока учил подобное произношение, только и делал что жаловался. Однако много лет спустя уже никто не догадался бы, что вежливый молодой человек вырос в диком районе Ига.

— Ему нужно молиться и за кого-то, кроме тебя, Казу, — с усмешкой возразил Хиро.

Казу рассмеялся и уселся между Хиро и монахом. Он огляделся, пока устраивался поудобнее. Самурай открыл было рот, чтобы задать вопрос, но Хиро его опередил:

— Я не видел ее.

На лице Казу появилось разочарование. И Хиро знал, в чем причина. Казу приглянулась дочь Гиндзиро, Томико, которая иногда по ночам помогала отцу.

Самурай не рождался с торговцами, но это правило вряд ли могло обуздать нрав Казу. Хотя Хиро и не сомневался, что молодой человек не станет поддаваться эмоциям, он делал все, чтобы помешать его возможному краху.

— Тебе это прекрасно известно, — сказал Хиро.

— Мы здесь одни, — протестующе ответил Казу, не понимая, почему Хиро против. Он поднял с пола пустую бутылку и демонстративно ею потряс. — Завтра Сукэ ничего не вспомнит.

— Вашу щедрость я запомню навсегда, — невнятно пробормотал Сукэ, наливая себе из бутылки Казу. — Тысяча благословений Амида на ваш дом.

Он осушил чашу и хитро улыбнулся, глядя на Казу поверх нее.

— Видишь? — сказал Казу.

Гиндзиро принес третью бутылку сакэ для Хиро и тарелку с маринованными овощами. Когда монах потянулся за редисом, торговец отодвинул тарелку и поставил ее между самураями вне досягаемости Сукэ. Прежде чем вернуться за прилавок, он глянул на Хиро, словно предупреждая того, чтобы он не смел кормить монаха.

С умоляющим выражением лица Сукэ перевел взгляд с самурая на еду. Когда Хиро пододвинул тарелку в направлении монаха, на лице Сукэ снова появилась пьяная ухмылка. Овощи исчезли меньше, чем за две минуты, следом за большинством выпивки из бутылки Хиро.

Казу покачал головой:

— Он пьет слишком много сакэ.

— Когда это ты обзавелся совестью?

Казу опустил голову и одарил Хиро опытным взглядом.

— Если ты хочешь, чтобы он здесь пил, тебе придется позаботиться о его благополучии.

Хиро кивнул, соглашаясь с наказанием, и обратился к Сукэ:

— Ты сегодня ел рис?

— Рис? — На рясу Сукэ посыпался маринованный редис. Казу отклонился, чтобы на

него ничего не попало. Монах решительно покачал головой: — Не сегодня.

Хиро поймал взгляд Гиндзиро, сложил руки наподобие миски и произнес слово «рис».

Гиндзиро отрицательно покачал головой, но когда Хиро вытащил две серебряные монеты, торговец вздохнул и исчез на занавеской, отделявшей лавку от жилых помещений и сакэварни за ними.

Хиро отпил сакэ из своей чашки, которая была все еще наполовину полной с того момента, как он налил в нее из первой бутылки. Ферментированный рис был сладким, но обжигал горло, словно яд. Мало что было для Хиро более неприятным, чем необходимость притворяться, что ему нравится сакэ.

Хиро с Казу потягивали сакэ из своих чашек, в то время как монах, прикончив выпивку Хиро, перешел на бутылку Казу. Когда рис был готов, Хиро отдал Гиндзиро две серебряные монеты и еще одну за сакэ. Это было двойной переплатой, но Хиро не возражал. Излишек денег обеспечивал Сукэ местом, где он мог бы поспать после всего выпитого.

Пока монах ел рис, Казу спросил:

— Тяжелая была неделя?

— Тяжелее, чем обычно, — ответил Хиро. — Но мне уже пора. Стоит ли рассказывать наспех?

Казу согласно кивнул в ответ на завуалированную просьбу.

— Можем пройтись вместе.

Они попрощались с Сукэ, забрали мечи и обули свои сандалии. Хиро вышел на середину улицы и направился на север.

Казу подождал, пока они не отошли от сакэварни на некоторое расстояние.

— Что тебе нужно?

Он говорил тихо, чтобы быть уверенным, что их никто не подслушает, но свой отполированный акцент сохранил. Казу никогда не снимал маску, отточенную для сёгуната.

— Слышал об убийстве в Понто-тё, которое произошло сегодня утром? — спросил Хиро.

Казу покачал головой:

— Я так полагаю, это не твоих рук дело.

— И не твоих? — спросил Хиро.

— Ты же знаешь, я не беру подобных заказов. Мое место в окружении сёгуна слишком ценно. — Помолчав, Казу добавил: — Что случилось?

— Самурай, убит в чайном доме.

— А почему ты мне задаешь вопросы?

— Имя убитого Акеши Хидзэши.

Удивленное выражение на красивом лице Казу говорило о том, что следующий вопрос, который собрался задать Хиро, уже не нужен.

— Генерал? — уточнил Казу. — Кузен Акеши Мицухидэ?

Пришла очередь удивляться Хиро.

— Откуда тебе известно это имя?

— Любому человеку из сёгуната оно известно, — ответил Казу. — Я был бы плохим писарем, если бы забыл его, учитывая, что я писал приказ, обрекающий его на смертный приговор, если его нога ступит на земли Киото. По распоряжению сёгуна, конечно. Он был просто в ярости, когда Мицухидэ сбежал под командование господина Оды.

— Смертный приговор распространяется и на остальных членов семьи? — спросил

Хиро.

— Конечно, нет. Последнее, что нужно сёгуну, — кровная вражда с кланом Акеши, особенно учитывая, что господин Ода угрожает захватом сёгуната.

— Он публично угрожал сёгуну?

— Пока нет, — сказал Казу. — Но это лишь вопрос времени. А когда битва начнется, сёгуну понадобится каждый преданный ему меч.

— А он верит, что Акеши ему преданы? — спросил Хиро. — Я слышал, что Акеши Мицухидэ был в Киото проездом по пути в Нагою.

— Чтобы купить оружие, если я не ошибаюсь, — понимающе улыбнулся Казу. — Сто пятьдесят пищалей для армии господина Оды. Как ты думаешь, почему сёгун так рассердился?

— Ладно, всезнайка, давай-ка поглядим, как ты справишься с такой загадкой, — сказал Хиро. — Сколько торговцев из Нагои на этой неделе продали рис сёгуну?

Улыбка Казу моментально испарилась.

— Если это шутка, то не смешно.

— Пройдой ночью человек, утверждавший, что он торговец рисом из Нагои, посетил чайный дом Сакуры.

Изящные брови Казу сошлись у переносицы.

— Шпион?

— И я бы хотел это знать, — ответил Хиро. — Если он убил Хидэёши, возможно, господин Ода проверяет сёгуна на прочность.

Казу кивнул:

— Погляжу, что получится разузнать.

— Сегодня. Ответ нужен мне к утру.

— К чему такая спешка? Труп же не станет от этого холоднее.

— Если я за два дня не найду убийцу, сын Хидэёши убьет иезуитского священника.

Казу уставился на Хиро таким взглядом, словно синоби только что предложил убить чужеземца самим.

— Ты не можешь этого допустить.

— Вряд ли нужно говорить, что моя собственная жизнь зависит от жизни священника. Ханзо дал это четко понять, когда отправлял меня сюда.

— Не о твоей жизни речь. — Казу выглядел так, словно его пнули в живот. — Шпионы сёгуна в Нагое докладывают, что господин Ода объявил, будто португальцам небезопасно находиться в Киото. Он разрешил им строить церкви в своей столице и гарантировал безопасность каждому торговцу, который разместит свой склад там.

Однако пока португальцы остаются в Киото и других городах. Они понимают, чем больше городов, тем лучше для бизнеса. Но если твой священник умрет... — Казу замолчал.

— Ода получит все склады и все огнестрельное оружие, — сказал Хиро.

Казу покачал головой:

— Гораздо хуже. Господин Ода пойдет на Киото, а португальцы ему в этом помогут.

— Отец Матео не умрет, — сказал Хиро с уверенностью, которой не ощущал. — Но мне необходимо знать, кому была нужна смерть Акеши Хидэёши. Если это не господин Ода и не сёгун, жаждущий отмщения, тогда я буду искать кого-то другого.

— Не думаю, что сёгун имеет к этому отношение, — сказал Казу. — Но я проверю записи. Встретимся завтра вечером у Гиндзиро.

— Это слишком поздно, — сказал Хиро. — У меня времени до полудня послезавтра.

— Проверю сегодня вечером, а встретимся завтра утром. Через час после восхода солнца в нашем обычном месте для тренировок на севере от Тофуку-дзи.

— Отлично, — ответил Хиро. — Уже много времени прошло с тех пор, как я в последний раз преподавал тебе пару уроков.

Они дошли до дороги Сидзё. Хиро повернул направо к реке, но остановился.

— Еще кое-что.

Казу выгнул бровь.

— Не делай так, — сказал Хиро. — Люди могут решить, что мы связаны.

— Но так и есть.

— Но только не на публике, — проворчал Хиро.

Вторая бровь Казу присоединилась к первой.

— Почему сын Хидэёши не вступил в армию сёгуна вслед за отцом? — спросил Хиро. — Разве генеральский сын не получает патент на офицерский чин?

— Как правило, — ответил Казу. А потом добавил: — У Акеши Хидэёши был сын?

— Есть сын. Ёрики по имени Нобухидэ.

— Неудачный выбор, — сказал Казу. — Он не попадет в милость сёгуна с именем столь близким к имени Нобунага.

— Как думаешь, это может повлиять на его общественный статус?

— Сомневаюсь, но проверю. Если насчет него есть какая-то запись, то она будет рядом с именем отца.

Они разошлись во второй раз, но Хиро снова обернулся:

— Казу.

Молодой человек оглянулся, посмотрев на синоби через плечо.

— Будь осторожен, — предупредил его Хиро. — Я сомневаюсь, что его убийство заказал сёгун, но если это так, то человек, который начнет задавать вопросы, окажется в большой опасности.

* * *

Хиро проснулся прямо перед рассветом. Не сильный, но неожиданный вес давил ему на ступни и лодыжки. Он поднял голову и увидел пестрого котенка, который свернулся клубком в самом конце футона, прямо у Хиро на ногах. Ее хвост доходил до самого носика, а глаза были закрыты. Кошечка спала. Когда Хиро зашевелился, она подняла голову и одарила его сонным взглядом. Закрыв глаза и вздохнув, она опустила голову.

Хиро выскользнул из-под котенка и облачился в свою тренировочную одежду: темно-синюю куртку, сюрко, подвязанный поясом на талии, и мешковатые хакама, которые

доставали почти до земли. Он натянул носки с перемычкой между пальцами и специальной подошвой, чтобы можно было не надевать сандалии. Хиро открыл дверь, ведущую в сад, вышел на веранду и опустился на колени.

Он провел несколько минут в безмолвной медитации, закрыв глаза и прислушиваясь к окружающим звукам. Хиро услышал, как ветер теребит вишневое дерево, а на поверхности пруда плещутся рыбки кои. Зашуршали листья, заскрипели ставни, вдалеке, у задней стены сада, сонно защебетала птица. Синоби отделил каждый звук и запечатлел его в своей памяти.

Закончив, Хиро вернулся обратно в дом и воспроизвел несколько движений ката. Подобная практика помогала поддерживать тело в тонусе, а мышцам не забывать боевую стойку. Обычно по утрам он тренировался во дворе или на крыше, но этим утром Хиро решил позаниматься в доме, где скрипели полы. Синоби закончил свои упражнения, и за все время его тренировки не раздалось ни звука.

Он даже котенка не разбудил.

За полчаса до восхода солнца, Хиро переоделся в свое обычное серое кимоно, закрепил мечи на поясе оби и вышел из комнаты. Котенка он оставил дремать на футоне.

В комнате отца Матео мерцали свечи. На фоне бумажных панелей Хиро увидел тень иезуита. Как он и думал, священник молился.

Специальным шагом нуки-аши, скрытым передвижением, препятствующим скрипу половиц, Хиро скользнул к входной двери. Сегодня ему нужно было успеть сделать несколько дел и завершить их он должен был сам.

Хиро направился на запад к реке, перешел мост и пошел дальше в сторону района Нисидзин, который лежал в северо-западном углу города. Когда начало подниматься солнце, он добрался до района магазинчиков шелковых тканей и лавок вышивальщиц.

Хиро не спеша шел по немощеной узкой улице, по обе стороны от которой стояли двухэтажные здания. На втором этаже, над своими мастерскими и магазинами, жили торговцы. Хиро всегда удивлялся, как можно жить в такой тесноте. Он и представить себе не мог, что значит жить рядом с соседями, которые легко могут заглянуть в твое окно.

Через час или два улицу заполняют покупатели и звон голосов торговцев, представляющих свои драгоценные изделия. Но сейчас предрассветная дорога была пуста, а магазины плотно закрыты. То тут, то там на дорогу выскакивали дикие голуби. Своей походкой вразвалочку и качающимися головками птички напоминали пьяных самураев, бредущих домой после ночного запоя.

Магазинчик, который нужен был Хиро, стоял на углу рядом со знаменитой лавкой, торгующей шелком. Синоби не ожидал, что магазин будет открыт, но, подойдя к углу, он увидел синие занавески на двери, говорящие о том, что торговец уже открылся.

Белые буквы на вывеске цвета индиго гласили: «Кимоно и шелка Ясо».

Девчушка лет восьми-девяти стояла напротив двери и подметала улицу самодельной метлой. Косичка девочки свисала ниже пояса, а черные лоснящиеся волосы блестели в лучах утреннего солнца. На ней было розовое кимоно, точно такого же оттенка, как цветы сакуры в самом своем расцвете. Несмотря на то, что этот цвет был сейчас не в моде, покрой и фасон соответствовали последнему писку сезона. Оби контрастного цвета был повязан вокруг ее талии, а концы пояса волочились по земле.

Услышав шаги Хиро, девочка подняла голову. Ее лицо засветилось. Она поклонилась, но не поздоровалась. Хорошо воспитанные девочки из торгового сословия не начинали

разговор, пока с ними не заговорят, особенно, если это касалось самурая.

Хиро поклонился в ответ. Девчушка покраснела от подобного комплимента.

— Доброе утро, Акико, — сказал он. — Твой отец внутри?

Она кивнула.

— Не могла бы ты спросить, может ли он со мной встретиться? Пожалуйста, скажи, что я прошу прощения за столь ранний визит.

Акико поклонилась и исчезла в магазине. Пару минут спустя на улицу вышел мужчина в коричневом кимоно. Мечей у него не было, а за ухом торчал кусочек шелка. Отблеск металла в ткани предполагал, что внутри есть игла, а то и не одна. Усы делали мужчину старше своих тридцати трех лет. Его глаза немного косили из-за шитья при недостатке света.

Он поклонился Хиро со смесью узнавания и любопытства.

Хиро поклонился в ответ.

— Доброе утро, Ясо. Надеюсь, я не побеспокоил вас.

Портной улыбнулся.

— Только самураи спят допоздна. — Он оценивающе посмотрел на кимоно Хиро. — Есть какая-то проблема с вашим кимоно? Я не вижу никаких разрывов или пятен.

— Боюсь, нет. У меня есть вопрос насчет одного из ваших клиентов.

Ясо нетерпеливо наклонился вперед:

— Фасон, который вы хотели бы скопировать?

— Не совсем. Человек умер.

Ясо кивнул:

— Акеши Хидэёши. Этот фасон может принести несчастья.

— Откуда вы узнали, кого я имел в виду? — спросил Хиро.

— Ну, мои клиенты не каждый день умирают. Его сын, Нобухидэ, приходил вчера. — Потом портной добавил: — Не в моих привычках разглашать частную информацию. Это не очень хорошо для бизнеса.

— Вообще-то речь идет о брате Хидэёши.

Ясо погрузился и ничего не ответил.

— Я знаю, в чем вы ему помогли, — сказал Хиро. — Но, если вы поможете мне, я забуду упомянуть это при сёгуне.

Хиро блефовал. Он помнил, что Луис не был уверен, кто познакомил его с торговцем. Но порой блеф срабатывал.

Ясо сжал губы так сильно, что они побледнели. Спустя некоторое время он сказал:

— Я знаю, кого вы имеете в виду. Какого рода помощь вам нужна?

— Как вы познакомились с Акеши Мицухидэ? — спросил Хиро.

— Я никогда не встречался с ним лично. Он хотел купить товар у иностранного торговца, Луиса. Хидэёши знал, что я шью для португальца одежду, и хотел, чтобы я их познакомил.

В ответ на подобную ложь бровь Хиро поползла вверх.

— Ну, я же шью кимоно для священника. Возможно, я допустил, чтобы некоторые думали, будто я шью одежду и для Луиса. Вы же знаете, я занимаюсь и починкой одежды.

Хиро сомневался, что Луис стал бы носить одежду в заплатках, но, в силу своей воспитанности, промолчал.

— Значит вы их свели? — спросил Хиро.

— Я организовал встречу, — сказал Ясо. — Но, клянусь, я думал, что мушкеты предназначены для сёгуна. Я не знал, что Мицухидэ покупал их для господина Оды. Клянусь.

— Я верю вам, — ответил Хиро. Он и правда верил. Портной смотрел ему прямо в глаза и не ерзал. Его движения не указывали на то, что он врал. Хиро сомневался, что портного специально учили лгать или он умел это по своей природе.

— А вы еще что-нибудь слышали о брате Хидэёши? Или о ком-то еще из окружения господина Оды? — спросил Хиро.

— Нет, — медленно сказал Ясо. — Но два дня назад ко мне в магазин пришел незнакомец и попросил представить его португальскому торговцу. Он сказал, что приехал из другой провинции, где бандиты совершали набеги на его товары во время перевозок и на склады. Он торговал рисом, и ему нужно было оружие, чтобы защищать товар.

Сначала я отказался. Я его не знал, и у меня не было причин их знакомить. Но потом он сказал, что он друг Акеши Хидэёши. Заявил, что они встречались вечером в чайном доме и Хидэёши сказал, что я могу познакомить его с португальским торговцем.

— И вы познакомили.

Ясо кивнул.

— Я договорился о встрече. — Он помолчал. — Я что, помог одному из шпионов господина Оды?

— Возможно, — ответил Хиро. — Вы рассказали об этом Нобухидэ?

Ясо уставился в землю.

— Я испугался. Он мог возложить ответственность на меня.

— Здесь нет вашей вины, — сказал Хиро. — Но я понимаю вашу обеспокоенность и сохраню разговор в тайне.

Хиро покинул вздохнувшего с облегчением портного и направился до самого Хигашиодзи Дори, где свернул на юг и пошел по дороге в сторону Тофуку-дзи. Храм находился примерно в часе ходьбы, на самой южной окраине Киото, но Хиро не возражал против подобной прогулки. Он бодро шагал по пустой улице, задумавшись над тем, какова вероятность, что торговец из Нагои убил Хидэёши. Либо по приказу господина Оды, либо по какой-то другой причине.

В некотором отношении это имело смысл, но с другой стороны, смысла не было никакого. Если господин Ода отправил в Киото шпиона в надежде на сотрудничество отставного генерала, но тот отказался, «торговец рисом» мог убить его только затем, чтобы

он не проговорился. С другой стороны, даймё уровня господина Оды должен понимать, на чью помощь он может рассчитывать. Мужчина не действует на основании одних только предположений. Хиро очень хотелось бы узнать о незнакомце до того, как тот уехал из Киото, но синоби выбросил эту мысль из головы. Человек, который заикливается на прошлом, обычно упускает то, что находится у него перед самым носом.

Когда Хиро дошел до входа в земли Тофуку-дзи, он увидел Казу, стоящего посреди дороги. На юном самурае была одежда из черного, как смоль, шелка с эмблемой сёгуна — кругом с пятью черно-белыми полосами. Казу хмуро смотрел на Хиро, словно демон-тэнгу из детской сказки. Когда синоби приблизился, он поклонился. Как только Хиро поклонился в ответ, Казу выхватил катану и бросился вперед с криком, от которого с соседней сосны разлетелись все птицы.

Катана Хиро с легким шипением вышла из ножен и встретила с клинком Казу. Сталь ударила о сталь. Добрые десять минут они сражались, наступая и отступая вдоль дороги, а звон мечей в утреннем воздухе был похож на звяканье тарелок. С того момента как Казу бросился в атаку, все мысли Хиро были только о мечах. Да и о них он думал не особо. Хиро сражался, следуя своему инстинкту и воле, его мир сосредоточился только на небольшом участке земли, воздухе и стали.

Медленно, но верно, Хиро оттеснил своего противника к реке, которая граничила с северной частью церковных земель. Казу сместился в сторону, чтобы не сорваться с обрыва, но не заметил под ногами камень размером с кулак. Его гета скользнули по камню, и Казу упал.

Хиро кинулся, чтобы проткнуть того мечом, но Казу откатился в сторону и вскочил на ноги. Его меч со звоном встретил клинок синоби, но Хиро моментально, со скоростью нападающей змеи, изменил направление. Лезвие его меча остановилось в дюйме от бока Казу.

Казу изменился в лице. Он покачал головой, поднял клинок в направлении своего противника, а потом опустил его и поклонился... низко, со всем уважением. Хиро ответил чуть менее низким поклоном и опустил меч.

Бой закончился. Как всегда, Хиро победил.

На ближайшем мосту стояла группа монахов, собравшихся посмотреть на битву. Хиро бросил взгляд в их направлении. Старший монах уважительно кивнул, а младший даже поклонился. Потом, один за другим, они развернулись и поплелись в сторону разных зданий, стоящих на храмовых землях.

Хиро с Казу зашагали на юг по одной из многочисленных тропинок, которые соединяли разные здания и двадцать четыре храма, входившие в храмовый комплекс. То тут, то там прогуливались монахи. Некоторые преклонили колени в медитации. На берегу реки небольшая группка тренировалась, используя деревянные мечи. В буддизме направление Риндзай не имело никаких возражений насчет боевых искусств.

Хиро повел Казу через Цутен-кё, крытый деревянный мост, который был перекинут через глубокий естественный овраг между северным входом и кварталом настоятеля на юге. В середине моста Хиро посмотрел на верхушки бесконечных кленов, закрывавших ущелье. Перообразные листья покрывали всю дорожку. Осенью, когда листья изменят цвет, будет казаться, что мост перекинут через огненное море.

Чуть южнее от моста, Казу замедлил шаг и сказал:

— Я посмотрел записи и не нашел ни одного упоминания о том, что сёгун желал смерти

Акеши Хидэёши. Он не стал обвинять Хидэёши за дезертирство его брата. В частности, в деле Хидэёши есть приписка, что сёгун не возлагает на него никакой ответственности.

— Я думаю, Нобунага послал шпиона. — Хиро пересказал свой разговор с Ясо.

Казу нахмурился:

— Ты должен увезти священника из Киото. Этим же утром, если сможешь.

— Сомневаюсь, что он уедет, — сказал Хиро.

— Убеди его, — настаивал на своем Казу.

Хиро прищурившись посмотрел на молодого человека.

— Прими мои извинения. — Казу покраснел, вспомнив, что Хиро выше него по рангу. — Но многие жизни будут в опасности, если священник умрет.

— Узнал что-нибудь еще интересного? — сменил тему Хиро, чтобы Казу понял, что прощен.

— Ты знал, что у Хидэёши был брат?

— Хидэтаро? — Хиро остановился и огляделся. В поле его зрения никого не было. За его спиной расположился дом настоятеля, стоящий перед Казу и мостом. — В сёгунате есть о нем запись?

Казу тоже остановился.

— Он был курьером высокого ранга. Доставлял тайные послания для сёгуна.

— Шпион? — Хиро вспомнил выцветшую одежду Хидэтаро и его хромоту.

— Не синоби, — сказал Казу, — просто доверенный курьер. Слегка обученный скрытой маскировке и кое-какой ловкости рук. Это помогло бы ему безопасно пройти по вражеской территории. Он вышел в отставку...

— После того как получил травму, — закончил Хиро.

Казу сморщил нос.

— Он никогда не был ранен. Он вышел в отставку после смерти отца.

Хиро уловил взглядом какое-то движение. Кто-то свернул на мост и, несмотря на расстояние, которое их разделяло, Хиро решил, что узнал приближавшегося самурая. Он схватил Казу за плечо и потащил его под сосны и клены, растущие у дороги.

— Эй! — начал было Казу, но увидев лицо Хиро, замолчал.

Хиро присел позади ствола древней сосны. Казу сделал тоже самое. Завеса из низко висящих ветвей между соснами и тропинкой завершали камуфляж.

Несколько мгновений спустя они услышали шаги на мосту. Из крытого перехода появился самурай в выцветшем кимоно, он направился дальше на юг к резиденции настоятеля. Его грязные гета скрипели по гравию.

Ровная походка заставила Хиро задуматься, не ошибся ли он. Синоби выглянул из-за дерева, когда самурай проходил мимо.

Это был Акеши Хидэтаро, и он не хромал.

Хиро подождал, пока самурай не дошел до дома настоятеля, потом прошептал:

— Это Хидэтаро. Мне надо проследить за ним.

— Зачем? — спросил Казу. — Ясно же, что Хидэёши убил торговец.

— Никогда не полагайся на предположения, — сказал Хиро. — Они тебя обязательно прикончат.

— Если твоей душе так угодно, следи за ним, — сказал Казу. — Но, пожалуйста, постарайся заставить священника уехать. Нобухидэ не слишком разумен и убьет иезуита при первой возможности.

Хиро вышел на дорогу, но обернулся, услышав слова Казу.

— Ты же говорил, что не знаешь сына Хидэёши?

Казу выпрямился.

— О Нобухидэ в сёгунате тоже есть запись. Он хотел вступить на службу к сёгуну, но генерал, рассматривавший его кандидатуру, назвал его идиотом и недалёковидным типом, не подходящим для службы.

— Так написано в бумагах? — Правая бровь Хиро поднялась достаточно, чтобы показать недоверие.

— В официальном отчете написано: «больше подходит для службы ёрики». Читай между строк. Ни одного достаточно компетентного человека не отправят служить в полицию. Это служба последней инстанции. В пояснительных комментариях указано, что Нобухидэ не способен следовать инструкциям и признавать свои ошибки. Если он решит, что священник должен умереть, ты не сможешь его переубедить.

Хиро последовал за Хидэтаро.

— Значит мне придется убедить его в том, что кто-то другой заслуживает смерти больше, чем иезуит.

Хиро дошел до гравийной дорожки сразу, как только Хидэтаро скрылся за резиденцией настоятеля. Синоби пошел следом, но слишком не торопился. Дальше лежало огромное открытое пространство, и он не хотел, чтобы Хидэтаро его заметил.

Выбеленный кирпич и деревянные стены окружали изысканные сады, которые со всех сторон обступали дом настоятеля. Хиро сошел с тропинки и пошел вдоль стены, чтобы свести к минимуму вероятность быть обнаруженным.

Квадратный двор был засыпан гравием. Длинная стена южного сада обозначала северную границу двора. С восточной стороны стояла кури — храмовая кухня. Здание было четырехэтажным, с покатой крышей, но вся высота скрывалась за гигантскими карнизами, которые бежали от конька крыши до первого этажа. Аккуратный изгиб карниза был гарантом того, что снег зимой не задержится на крыше.

На первом этаже в самом центре западной стены находилась входная дверь, к которой вели три широкие деревянные ступеньки. В кури больше не было ни окон, ни дверей, которые Хиро мог бы увидеть со своего конца двора, да и времени на разглядывания не было. Хидэтаро только что исчез за углом кури. Дорожка вела к небольшому храму Рёгин-ан.

Хиро подождал, пока Хидэтаро не пропал из вида, прежде чем пересечь двор. Рёгин-ан находился по другую сторону еще одного крытого моста, который был перекинут через такой же овраг, что и Цутэн-кё. Только этот овраг был мельче и не такой широкий.

Деревянные стены и высокие деревья окружали храм и его сады. Эта дорожка была единственным входом и выходом.

Хиро не спеша перешел деревянный мост. На ветвях кленов клекотали и щебетали птицы. В овраге переговаривались белки. Воздух был наполнен приятными ароматами новых растений и сухой листвы. Это напомнило Хиро об Ига. О доме.

С другой стороны моста пожилой монах деревянными граблями сгребал листья. Хиро подошел к нему и поклонился.

Монах вежливо поклонился в ответ.

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Мне показалось, что я видел, как мой друг идет по двору. Его зовут Акеши Хидэтаро.

Хиро не ждал, что монаху знакомо это имя. Тысячи самураев посещают храм и медитируют в садах.

К его удивлению, мужчина кивнул:

— Хидэтаро прошел минуту назад.

Морщинистым пальцем он показал на деревянную стену, окружавшую храм и его сады.

Хиро благодарно поклонился и продолжил свой путь по гравийной дорожке. Он заметил Хидэтаро стоящим на коленях перед сухим садом с восточной стороны от храма.

Как и в большинстве ландшафтов дзен, восточный сад был покрыт гравием, усыпанным небольшими камнями и валунами различных форм и размеров. Некоторые были установлены прямо, а некоторые под углом к земле. Гравий был очищен от мусора, на нем были выведены геометрические узоры. Прямые линии проходили вдоль гряды, а круги расходились вокруг самых больших валунов.

Взгляд Хидэтаро сосредоточился на склоненном камне, стоящем почти в самом центре сада. Он не поднял глаз, даже когда Хиро приблизился. Синоби этого от него и не ждал.

Дзен-буддизм учил такой форме медитации, когда человек полностью отгораживался от мира, сосредоточившись исключительно на объекте, пространстве или мысли. Остальной мир возвращался лишь тогда, когда практикующий решал, что он может вернуться в сознание.

Хиро опустился на колени слева от Хидэтаро и погрузился в свою собственную медитацию, открывая разум и мысли окружающему миру, что обычно игнорировали другие формы медитации. Глаза и уши синоби отыскивали в кленах каждую певчую птицу. Падающий лист ударился о стену сада и, оцарапав дерево, упал на землю. Пробежавшись по всем звукам, Хиро принялся считать расстояние между валунами. Его навыки синоби и учение дзен сочетались друг с другом, хотя Хиро пытался извлечь из всего некую пользу, а не просто познание сущего.

Когда Хидэтаро закончил медитацию, он посмотрел налево и вздрогнул. Хиро не отвел глаз от сада, притворившись, что ничего не заметил. Хидэтаро встал и пошел прочь.

— Доброе утро, — сказал Хиро.

Хидэтаро обернулся.

— Доброе утро. Прощу прощения, если прервал вашу медитацию.

Хиро предложил мужчине присесть, а потом перевел взгляд на камни.

— Вообще-то, я пришел, чтобы поговорить с вами.

Хидэтаро опустился на колени рядом с синоби и повернулся лицом к саду.

— Чужеземный священник нашел убийцу моего брата?

— Возможно.

Оба мужчины снова посмотрели на камни. В отсутствие отца Матео, Хиро должен был соблюдать самурайские традиции, запрещавшие прямой разговор.

— Очень умиротворяющий сад, — сказал Хиро. — Часто приходите сюда?

— Вам нравится? — Задумчивая улыбка Хидэтаро содержала в себе некоторую вежливость, но ни грамма искренности. — Не многие люди могут оценить эти сухие пейзажи, но ведь и не все способны понять суть медитации дзен.

— Давно занимаетесь этим учением? — спросил Хиро.

Взгляд Хидэтаро перебежал с камня на камень.

— Я хотел стать монахом.

Необычное желание для сына самурая.

— Ваш отец не согласился? — догадался Хиро.

— Естественно, он ожидал, что старший сын станет воином, а не священником.

— И вы стали.

— Конечно. По его стопам я поступил на службу клану Асикага и практиковал дзен уже сам по себе. В основном здесь, в Тофуку-дзи. Я предпочитаю это место... Рёгин-ан... Сюда мало кто приходит. Меньше шансов, что кто-нибудь расскажет моему отцу, что я не отказался от своей духовной жизни.

Тонкая ухмылка прокралась на лицо Хидэтаро. Воспоминание было не из приятных.

— Но ваш отец все равно узнал, — предположил Хиро.

Казалось, Хидэтаро не удивился.

— Да, и он лишил меня наследства. Я не знал об этом, пока отец не умер.

— Но вы все же не стали монахом.

Этикет не позволял Хиро спросить о причине, но это не помешало ему говорить об очевидных вещах.

— Не от недостатка усилий. Я подал прошение о том, чтобы оставить службу, отказался от жалованья, но монастырь не позволил мне вступить в орден. — На его губах снова промелькнула тонкая улыбка. — Настоятель был уверен, что сёгун послал меня следить за деятельностью монахов.

— Как странно, — сказал Хиро. На самом деле это не казалось странным, учитывая обученность Хидэтаро и бунт монахов, когда те были недовольны сёгунатом.

— До сего дня настоятель отказывается принять мой обет, хоть и дал разрешение приходить сюда и медитировать так часто, как захочу.

Хидэтаро рассказывал свою историю без каких-либо эмоций, словно человек, говорящий про города, в которых бывал, и о еде, которую пробовал. Хиро никак не мог сопоставить сегодняшнюю отрешенность с вчерашней озабоченностью. К сожалению, он плохо знал Хидэтаро, чтобы судить, когда он был искренним, а когда надел маску. Синоби решил обязательно это выяснить.

— Кстати, — сказал Хиро, — вы сегодня почти не хромаете.

Хиро наблюдал за Хидэтаро. Хидэтаро смотрел на валуны. Правая рука самурая сжалась в кулак, потом постепенно расслабилась, но больше он никак не двигался.

Спустя почти две минуты, он повернулся к Хиро и сказал:

— Хромота была притворной, чтобы вы поверили, что я не мог убить брата.

Хиро прищурился.

— Зачем для этого имитировать хромоту?

— Волочение ноги оставляет совсем другие следы, — сказал Хидэтаро.

Хиро удивился, откуда тот мог узнать о следах, если не видел Саюри, но решил пойти другим путем, чтобы получить ответ на этот вопрос.

— Почему вы решили, что вас будут подозревать?

— Я старший брат, но большего успеха добился Хидэёши. Я зависел от его доброй воли во всем: от одежды до еды на моем столе. Мне посчастливилось полюбить замечательную женщину и совершенно не повезло в том, что моему брату она нравилась тоже. Разве это не мотив для убийства. Только дурак бы не стал считать меня подозреваемым, особенно, когда никто другой на ум не приходит.

Хиро повернулся лицом к Хидэтаро.

— Могу я задать очевидный вопрос или вы ответите на него и без этого?

— Я его не убивал. — Глаза самурая смотрели на камни, его поза не изменилась.

— А еще один вопрос? Тоже очевидный, — сказал Хиро.

— Я не знаю, кто убил. Наш брат Мицухидэ недавно поклялся в верности господину Оде, но я сомневаюсь, что сёгун убил бы друга за поступки дальнего родственника. Кроме того, мы-то с Нобухидэ все еще живы. Если бы сёгун хотел отмщения, он не остановился бы на Ёши.

Упоминание о Нобухидэ, подтолкнуло Хиро к другому вопросу:

— Вы виделись с семьей брата после его смерти?

— Вчера утром. Я попытался убедить Нобухидэ в невинности Саюри, но он мне не поверил. Потому я и пришел к Матто-сан.

Хиро не обратил внимание на то, как было произнесено имя отца Матео.

— Как давно вы знакомы с Саюри?

— Ёши пригласил меня в Сакуру во время цветения вишневых деревьев, чтобы посмотреть на дебют Саюри. Я много не ожидал. Мой брат часто хвастался красотой Сакуры. Но они редко чего-то добивались. Саюри была исключением. Никогда не думал, что когда-нибудь мне захочется ухаживать за женщиной. — Резкость в глазах Хидэтаро сменилась волнением. — Но Саюри не похожа на любую другую женщину.

Хидэтаро замолчал, словно борясь с желанием продолжить объяснение. Наконец, он сказал:

— Она смеется над моими глупыми шутками. А когда она улыбается, она делает это от души.

Станный комплимент, но он был искренним. Хиро бы провел сравнение с песней птицы или с луной, но простенькая фраза Хидэтаро была очень настоящей.

А еще она дала Хиро возможность больше узнать о самурае.

— Что вы имеете в виду?

Хидэтаро поднял руку к лицу.

— Когда большинство женщин улыбаются, их лица превращаются в маску. В их глазах нет улыбки.

Он показал на своем примере. Его губы растянулись, глаза блеснули, но в их уголках не было радости. А потом он улыбнулся во второй раз, но уже искренне.

— Видите? — спросил он. — Настоящая улыбка начинается в глазах.

— Никогда ничего подобного не замечал, — солгал Хиро. — Поэтому вы решили жениться на ней?

Это был не совсем обычный выбор. Самураи в основном никогда не женились на простолюдниках, не говоря уже о женщинах, работающих в сфере развлечений. Еще больше это выглядело странным из-за желания Хидэтаро стать монахом. Не многие мужчины позволят женщине сбить себя с пути аскетичной жизни.

— Поэтому. А еще потому, что она ответила мне взаимностью. — Хидэтаро улыбнулся, испытывая неловкость. — Вы можете подумать о нашей разнице в возрасте, но для Саюри это неважно.

Хиро и это нашел весьма удивительным, учитывая, что девушка обладала талантами под стать своей красоте. Молодая, красивая женщина редко влюблялась в мужчину значительно старше себя.

В отличие от Хидэтаро, синоби копал глубже. Вероятно, дело было в деньгах. Ему было интересно, где самурай нашел деньги, чтобы выкупить контракт, и верит ли Саюри, что в кошельке Хидэтаро столько же серебра, сколько седых волос на его голове. Традиции запрещали задавать подобные вопросы.

— Маюри уступила хоть немного при разговоре о контракте? — размышлял вслух Хиро.

У Хидэтаро дернулась щека.

— Не так много, как мне хотелось бы.

— Возможно, она скинет еще из-за всей этой крови.

Хиро слишком поздно понял, что его усилия получить ответ перешли допустимую границу.

Хидэтаро встал:

— Боюсь, что у меня встреча. Пожалуйста, прошу извинить меня за грубость, но я должен уйти.

Хиро поднялся на ноги и поклонился.

— Спасибо, что поговорили со мной. Прошу прощения, если мои слова вас обидели.

Храм они покидали вместе. Дойдя до дома настоятеля, Хидэтаро остановился и поклонился, чтобы поправить катану.

Он виновато улыбнулся Хиро:

— Идите без меня. Это займет минуту.

Хиро направился к Цутэн-кё, пытаясь спрятать улыбку в ответ на топорную попытку обмануть его. Подобное неуклюжее старание могло бы обмануть охранника где-нибудь на дальнем полустанке, но синоби в заблуждение уж точно бы не ввели.

У Хиро было предположение, куда Хидэтаро собрался. Ему хотелось проследить за ним и проверить, не к Саюри ли тот отправился, но подобное знание никак не продвинуло бы его в расследовании, так что вместо этого он решил проверить, как там отец Матео.

* * *

Войдя в церковь, Хиро увидел Ану, стоящую на карачках, натирающую полы и

ворчащую себе под нос. Когда от стоящего в дверном проеме синоби упала тень, она подняла глаза. Ее старое лицо нахмурилось.

— Ах, уж эти кошки, — сказала она, водя тряпкой туда-сюда. — Я должна была знать, что ты притащишь какую-нибудь дефектную.

Хиро остановился.

— Что?

Ана махнула в сторону двери отца Матео. Раздвижные створки были открыты. Хиро услышал шелест, словно о татами трется шелк.

Ана встала на колени и уперла руки в бока.

— Эта кошка съела Библию отца Матео!

Хиро направился в комнату. Ана вернулась к своей работе.

— Хм, — шмыгнула она, — в Киото тысячи кошек. А он притащил именно ту, которая жрет бумагу вместо мышей.

Хиро остановился на пороге маленькой комнаты. Отец Матео, скрестив ноги, сидел на татами и протирает темное пятно. Его мокрая тряпка была вымазана в пятнах, очень похожих на чернильные.

Сбоку от иезуита лежал чистый лист пергамента, на котором стояла грязная, но пустая чернильница. На дне поблескивали остатки блестящей жидкости, а черные потеки по бокам говорили о том, что ее опрокинули.

Любимая, в кожаном переплете, Библия священника лежала открытой в письменной нише. Правый угол с печатными буквами на открытой странице полностью отсутствовал. С некоторого расстояния лист мог показаться всего лишь разорванным, но Хиро понимал, что винить надо кошку.

Он почувствовал себя ужасно неловко, не знал, что сказать. Перебрав в уме несколько вариантов, он остановился на самом очевидном.

— Это моя кошка натворила?

Впервые за все время Хиро назвал котенка своим, и сделал он это намеренно. Это Хиро принес животное в дом. Он стал его владельцем, и он нес за него ответственность.

Отец Матео кивнул и положил тряпку на пятно.

— Я пошел на кухню, чтобы немного разбавить чернила водой, а когда вернулся, она поела письмо Павла к римлянам. Ну, и выронил чернильницу, когда пытался ее прогнать.

— Мне очень жаль. Книгу можно починить?

— Выдран всего один стих, — сказал отец Матео. — В сложившихся обстоятельствах я вряд ли его забуду. — Он помолчал, а потом произнес: — Потому что все согрешили и лишены славы Божией... включая и котенка.

Хиро мог бы почувствовать облегчение, но улыбка иезуита была натянутой.

— Мне очень жаль, — повторил Хиро.

— Бог простит котенка, а нам с тобой не стоит держать обиду, — сказал отец Матео. — К тому же у нас есть куда более серьезные проблемы. Луис пропал.

— Что значит пропал? — спросил Хиро.

— Когда я проснулся этим утром, Луиса уже не было, — объяснил отец Матео. — Сначала я подумал, что он спит, но, когда он не вышел к завтраку, я проверил его комнату. Его там не было, как и лошади в конюшне.

— Мог он уехать на склад? — Хиро не стал бы седлать лошадь, чтобы добраться до нужного места, которое находилось в десяти минутах ходьбы. Но Луис никогда не ходил пешком, если можно было доехать.

— Проездные бумаги тоже исчезли. Императорские, которые разрешают выезжать за пределы Киото.

— Твой пропуск? — Желудок Хиро сжался в тугой узел.

— Просто пропуск, — поправил его отец Матео. — Император дал только один пропуск — для моего дома. Думаю, он считал, что мы всегда будем передвигаться все вместе.

— Скорее всего, он хотел, чтобы у вас не было возможности посетить одновременно два разных места, — сказал Хиро. — Так легче отследить твои передвижения. Если Луис забрал пропуск, значит, ты не можешь уехать из Киото.

Отец Матео нахмурился, услышав определенный подтекст в его словах.

— Я никуда и не собирался. Я больше беспокоюсь за то, что Луис пропал.

— Разве это не очевидно? — Хиро был в ярости. — Он трусливо сбежал, чтобы спасти свою жизнь ценой наших с тобой.

Отец Матео хотел было возразить, но лишь вздохнул.

— Похоже на то. Он никогда прежде не уезжал из города, не предупредив меня.

Хиро вернулся в общую комнату.

— Ана!

— И не надо так кричать, — заявила экономка. Она отложила тряпку и встала. — Я старая, но не глухая.

— Ты знаешь, когда уехал Луис или куда он направился?

— Вчера, когда стемнело, я услышала лошадь, — ответила она. — Полагаю, это был Луис, поскольку вы не ездите верхом, а у отца Матео уже собирались люди для молитвы.

— Четырнадцать часов, — сказал Хиро. — Нам никогда его не поймать. Он уже миновал вторую баррикаду сёгуна, в каком бы направлении ни поехал.

Сёгун и большинство военачальников возводили баррикады на определенном расстоянии вдоль границ и дорог на территориях, которые контролировали. Там платили налоги, проверяли груз и дорожные документы. Никто без пропуска или без уважительной причины не смог бы проехать, но императорская печать гарантировала Луису беспрепятственный проезд.

— Может, он сам вернется, — предположил отец Матео.

— Для него же было бы лучше, — сказал Хиро. — Потому что, если он не вернется, а Нобухидэ тебя убьет, я найду этого португальского предателя и заставлю его молить о смерти.

— Хиро, не говори так. Я не желаю Луису смерти и не хочу, чтобы ты его убивал. Возмездие находится только в руках божьих. Пообещай, что ты ничего не сделаешь с Луисом, что бы ни случилось.

Хиро молчал.

— Хиро, — предупреждающе сказал отец Матео.

— Возможно, в этом и не будет такой уж необходимости. У меня есть новые доказательства того, что господин Ода причастен к смерти Хидэёши.

— Правда? — Отец Матео поднялся на ноги и вытер руки о свое кимоно.

Увидев тряпку на татами, Ана поспешила в комнату священника. Она опустилась на колени и покачала головой, глядя на чернильное пятно.

— Хм.

Отец Матео предостерегающе посмотрел на Хиро и вышел из комнаты. Синоби последовал за ним.

— Итак, — сказал иезуит. — Кто убил Акеши Хидэёши?

Хиро направился к двери.

— Давай я расскажу тебе свою теорию по дороге.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

* * *

Пока они шли, Хиро рассказал о том, что узнал от портного, но имени Ясо не упоминал. Не стал он также говорить и о Казу с сёгунатом.

— Так значит, тот человек из Нагои действительно был шпионом, убившим Хидэёши, чтобы его не раскрыли, — сказал отец Матео. — Как думаешь, Нобухидэ в это поверит?

— Нет, — ответил Хиро. — Этот вывод строится на двух предположениях, а я не могу раскрыть имена своих информаторов. Что важнее, я не уверен, что убийство произошло по этой причине.

— Тогда зачем мы идем к Нобухидэ? — спросил отец Матео.

— А вот это еще одно предположение, — улыбнувшись, сказал Хиро.

— Беспроигрышное по причине того, что его дом прямо перед нами. — Отец Матео показал на дом Акеши, стоящий перед ними с левой стороны от дороги.

— И неправильное, — сказал Хиро. — Мы идем к Акеши Сато. Мне нужно больше времени, чтобы раскрыть это убийство. Нобухидэ не согласится, моя теория его не убедит, но она может оказаться достаточно убедительной для его матери.

— Или для его сестры, — согласился отец Матео.

Хиро недоверчиво посмотрел на священника:

— Ёсико? У нас больше шансов научить мою кошку песни петь.

— Она же женщина.

— Всего лишь телом, — сказал Хиро. — Пожалуй, это и все. Нет, у нас больше шансов убедить жену Хидэёши.

Мужчины свернули на тропинку, ведущую к дому. У входа стояло три пары сандалий: крошечные, принадлежащие Акеши Сато, пара гета, забрызганных грязью, и изношенные, принадлежавшие, как успел заметить Хиро во время своего предыдущего визита, слуге.

Синоби постучал в дверь. Внутри послышались шаркающие шаги, дверь распахнулась, являя пожилого слугу. На нем было коричневое кимоно без герба и поношенные таби, нуждающиеся в починке. Он склонился и ждал, когда самурай заговорит.

— Доброе утро, — сказал Хиро. — Мы пришли увидеться с Акеши Сато.

Слуга кивнул:

— Пойду посмотрю, дома ли госпожа.

Он исчез в доме.

Хиро наклонился к отцу Матео и прошептал:

— Соглашайся со всем, что я скажу.

Мягкие шаги возвестили о том, что пришла Сато. Она была в черном кимоно без каких-либо украшений с таким же оби. В вырезе виднелось нижнее кимоно. Вопреки традициям, оно тоже было черного цвета. На лице Сато не было никакого макияжа, она не носила никаких драгоценностей, за исключением серебряных булавок в волосах. В ее глазах не было ни красноты, ни отечности, но сегодня она выглядела старше, чем вчера, и склонилась, будто лилия после грозы. Хиро подозревал, что, как и у лилии, ее надломленность была лишь временной. Сильную духом женщину не так-то просто сломать.

Хиро и отец Матео поклонились. Когда они выпрямились, рядом с матерью уже стояла Ёсико. Хиро удивленно моргнул. Он не слышал, как она приблизилась.

Как и мать, Ёсико предпочла цветному кимоно черное, но покрой у ее одежды был мужским, как и оби. Женский пояс был шире мужского. Волосы Ёсико были намазаны свежим маслом и собраны в пучок. Даже в трауре Ёсико оставалась самураем.

Женщины вежливо, но не очень глубоко поклонились.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спросила Ёсико.

— Мы установили личность человека, убившего вашего отца, — сказал Хиро. — Саюри невиновна.

— Я вам не верю. — Ёсико прищурилась. — Нобухидэ рассказал мне о том, что случилось. Женщина все время была с отцом наедине, а утром он оказался мертв. Никто больше в комнату не заходил. Мой отец сам себя не убивал. Никто больше этого сделать не мог.

В голове Хиро прозвенел предупреждающий звоночек. Не пригласить гостей в дом — нарушить кодекс самурая, а вчера Ёсико впустила их сразу. По какой-то причине от ее гостеприимства не осталось и следа.

Сато осторожно выглянула из-за спины дочери. Она тоскливо посмотрела на отца Матео, словно очень хотела пригласить его в дом.

Хиро решил рискнуть.

— В Киото, чтобы купить оружие у португальца, приехал один из шпионов господина Оды. Нам кажется, что он обратился к вашему отцу за сотрудничеством, а потом убил Хидэёши, когда тот отказался.

— Шпион, который так кстати исчез и его теперь невозможно поймать? — с презрением сказала Ёсико. — Вы позорите себя самих, пытаетесь обмануть мою мать. Уходите.

Она отступила в дом и захлопнула дверь перед носом Хиро.

Мгновение спустя дверь снова распахнулась.

— Вы все еще здесь? — спросила Ёсико.

— У нас не было времени, чтобы уйти, — сказал Хиро.

Ёсико вздохнула и открыла дверь:

— Мама решила предложить вам чай. Она хочет услышать ваше объяснение, но я предупреждаю вас, что не прошу попытки ее обмануть.

Она махнула, приглашая внутрь.

— Заходите.

Сато стояла в дальнем конце коридора. Когда посетители вошли в дом, она поклонилась и повела их в общий зал.

В воздухе висела бледно-голубая дымка, а запах благовоний из сандалового дерева перебивал даже запах кедра, исходящий от балок. Хиро ненавидел этот приторный аромат, хотя в домах скорби он был весьма распространен. Помимо своего религиозного значения, он помогал маскировать трупный запах.

Синоби увидел и другие признаки траура. В очаге общей комнаты не горел огонь, ниша токонома была пустой в знак уважения к смерти главы семьи. Пустая ниша напомнила Хиро его собственную, хотя в его случае это был осознанный выбор.

Когда они расселись, а слуга принес чай, Ёсико сказала:

— Почему мы должны верить в ваши сказки? У господина Оды нет причин убивать моего отца.

— Разве он не был таким же предателем, как и его брат Мицухидэ? — Хиро задал вопрос в лоб, в нарушение всех социальных норм и правил, зная, что Ёсико не может чувствовать себя оскорбленной в силу того, что и сама прежде была груба. Он надеялся, что его резкость спровоцирует их на ответную реакцию.

Отец Матео выглядел шокированным. Акеши Сато ахнула и закрыла руками рот. Ёсико прищурилась и сжала челюсть, но восстановила контроль над собой гораздо быстрее, чем Хиро ожидал. Мгновение спустя ее лицо стало непроницаемым.

— Я вижу, вы узнали о позоре нашей семьи, — сказала она. — Мой отец не был предателем. Он попытался убедить Мицухидэ изменить свое решение, но этот дурак не внял его просьбе. Однако, если вы знаете про Мицухидэ, значит, вы должны понимать, почему господин Ода не стал бы нападать ни на моего отца, ни на любого члена нашего клана.

— Напротив, — ответил Хиро. — Убийство вашего отца стало бы доказательством предательства.

Как только слова сорвались с губ Хиро, на него внезапно снизошло озарение. Он открыл было рот, но тут же его захлопнул, так ничего и не сказав. Это было лишь предположение, а не достоверный факт. По крайней мере пока он не найдет подтверждения своим мыслям.

— Убийство моего отца достаточно трудно осуществимое мероприятие, — сказала Ёсико.

Отец Матео встревоженно посмотрел на Хиро, синоби понял, что священник принял слова Ёсико за признание. Хиро слегка качнул головой, и иезуит расслабился, хотя и выглядел при этом нервным и смущенным.

— Я вам уже рассказывала о том, как мой отец убил куноичи, — продолжила Ёсико. —

Не только ту, которая пыталась убить сёгуна, но и другую, что была подослана к моему отцу. Это случилось пять лет назад в чайном доме, где он погиб. Отец разоружил ее и убил ее же собственным отравленным кинжалом. С этим убийцей он поступил бы так же.

Это наводит меня на мысль о том, что отец знал своего убийцу.

— У вас есть доказательства? — спросил Хиро.

— Кто-то перерезал отцу горло, пока он ждал, когда Саюри вернется из уборной, — сказала Ёсико. — Он бы услышал приближение убийцы, однако позволил человеку подойти к себе сзади. Он либо узнал голос убийцы, либо ее походку.

Странный блеск появился у Ёсико в глазах, когда она посмотрела на Хиро.

— Вы бы наверняка смогли отличить женскую походку от мужской.

Хиро проигнорировал ее комментарий и его неожиданный подтекст.

— Значит, вы верите, что Нобухидэ прав и это Саюри убила вашего отца?

— Даже если женщина не сама это сделала, она замешана в этом. Как бы иначе убийца вошел в комнату, убил его и ушел никем не замеченный?

— А вы с этим согласны? — спросил отец Матео у Сато.

Та печально улыбнулась:

— Я не знаю, кто убил моего мужа, и не беспокоюсь о мертвых. Это я могу к нему присоединиться, а вот он ко мне уже не вернется.

— Вы знаете о царе Давиде? — спросил отец Матео.

— Почему нет? В конце концов, я же христианка.

Лицо иезуита от восторга расплылось в улыбке.

— И как вы стали христианкой?

Сато покачала головой и опустила глаза на руки, лежащие на коленях.

— Не хочу утомлять вас старческими разговорами.

— Пожалуйста, — попросил отец Матео. — Я бы хотел послушать.

Хиро же слушать не хотел. Он хотел уйти и отыскать подтверждение своей теории, причем желательно получив на это еще пару лишних дней.

Хиро пытался поймать взгляд священника, но тот не смотрел в его сторону. Синоби с разочарованием понял, что его друг невероятно туп.

— Я вышла замуж очень молодой, — начала Сато. — Но у меня долгое время не было детей. Это казалось странным. У жены самурая одна обязанность — подарить мужу наследника. Ёши был терпелив и не отсылал меня, но мое отчаяние росло. Я молилась буддистским богам, синтоистским ками и каждому божеству, которое было мне известно. В основном я молилась Каннон, богине милосердия. Я дала слово, если у меня появится ребенок, я поставлю в своем доме в ее честь статую и буду молиться ей каждый день до конца своей жизни.

— Но Каннон вам не помогла, — понимающим тоном сказал отец Матео.

— Нет, помогла. — На лице Сато появилась озорная улыбка. Ее глаза заблестели от того, что ей удалось обмануть чужеземного священника. — Каннон подарила мне дочь. Ёсико.

Мать с дочерью обменялись улыбками. Это была первая искренняя эмоция, которую Хиро увидел на лице Ёсико, но это выражение исчезло почти сразу.

— Ваш муж должен был быть доволен, — сказал отец Матео.

— Большинство мужчин предпочли бы сына, — сказала Сато, — но Каннон и здесь мне помогла. Ёши полюбил Ёсико с того самого момента, как она родилась. Он вырастил ее как

самурая. Вообще-то, как мальчишку. — Женщина помолчала. — Сначала мне это не слишком нравилось, но они казались такими счастливыми, что и я со временем стала счастлива. Сейчас я очень рада, что все обернулось именно так.

Она посмотрела на Ёсико, словно ребенок, выдавший тайну своей семьи и не понимающий, что делать дальше. Хиро было интересно, о чем из сказанного Сато предпочла бы умолчать.

Прежде чем молчание переросло в неловкость, Ёсико сказала:

— Ты говорила про чужеземного бога.

Сато кивнула.

— В год, когда Ёсико исполнилось тринадцать, она приняла гэмпуку. — Она озабоченно сморщила лоб и посмотрела на священника. — Вам знакомо это слово?

— Церемония, в результате которой самурай становится мужчиной. — Отец Матео посмотрел на Ёсико и добавил: — Человек становится достаточно зрелым, чтобы носить два меча.

Сато кивнула, радуясь тому, что не придется ничего объяснять.

— Ёсико... до гэмпуку ее звали Чико... училась очень быстро. Ее церемония произошла в тринадцать лет. Отец вручил ей пару фамильных мечей.

— Значит, он не возражал, что у него дочь, а не сын, — сказал отец Матео.

— Он был доволен, — согласилась Сато. — Но я считала себя несостоятельной. Незадолго до гэмпуку, я услышала, что в Японию из-за моря привезли нового бога. Я подумала: возможно, этот чужеземный бог поможет мне с еще одним ребенком. Поэтому я попросила Хидэёши устроить мне встречу с чужеземцами.

Он не верил, что ваш Бог услышит меня. Что он вообще понимает японский, но согласился, потому что ему очень хотелось заполучить в коллекцию иноземное оружие.

— Вы встречались с Франциском Ксавьером? — спросил отец Матео.

— Нет, иноземца звали Пинто-сан, — ответила Сато. — Он не был священником, однако говорил, что намерен стать им, когда вернется. Он был высоким, с такой бледной кожей, как у призрака. А нос его был размером с рисовый шарик. Мне стало плохо рядом с ним, потому что от него ужасно воняло, а от этой вони его нос весь покраснел и из него текло.

Хиро подозревал, что с носом были проблемы не из-за вони, а из-за алкоголя, но если бы он прервал Сато, уйти они смогли бы еще позже.

— Пинто-сан рассказал мне, что Иисус ходил по земле, как обычный человек. Это подарило мне надежду. Бог, у которого была мать, наверняка пожалел бы женщину, которая хотела сына. Пинто-сан научил меня одной молитве и сказал, что я могу попросить у его бога Иисуса все, что пожелаю, но получу это только в том случае, если его отец, Всевышний, захочет, чтобы я это получила. Он много раз мне повторил, что Иисус слышит мои молитвы только тогда, когда отец ему позволяет.

— Да, — подтвердил отец Матео. — Такова религия Иисуса.

— Ничем не отличается от японских kami, — сказала Сато. — Вот только kami слышат только тогда, когда сами этого захотят.

Ноги Хиро начали затекать. Обычно от раздражения в них всего лишь появлялось покалывание, но его терпение из-за рассказа Сато начало подходить к концу. Он сначала пошевелил ступней, а потом и ногой, надеясь, что вдова заметит и завершит свое изложение.

Ёсико посмотрела на него взглядом, в котором одновременно читалось и сомнение, и

понимание. Хиро в ответ приподнял брови. Ёсико хотела было заговорить, но Сато продолжила рассказ.

— Я пообещала Иисусу то же самое, что обещала Каннон. Через месяц я забеременела Таромару... Это Нобухидэ. — Сато виновато улыбнулась. — В младенчестве мы звали его Таромару.

Ёсико наклонилась вперед и хмуро посмотрела на мать. Сато ничего не заметила либо ей было все равно. Хиро подозревал последнее.

— Когда я забеременела, — продолжила Сато, — я постаралась поставить статую в честь Бога, но потом узнала, что Он предпочитает, чтобы его почитали крестом.

— Не совсем так, — сказал отец Матео. — Крест — это символ, напоминающий нам о Его жертве. Самому изображению креста мы не поклоняемся.

— Тоже самое, что и с ками, — сказала Сато. — Бог существует в дереве, за исключением того, что ками — это дерево, а Иисус — это не воплощение креста.

Хиро подавил улыбку. Он видел, как внутри отца Матео теология борется с прагматизмом. Последний победил.

— Я рад, что вы узнали Иисуса, — сказал священник. — Надеюсь, вы продолжите ему молиться.

Сато выглядела обиженной.

— Я же обещала, не так ли?

Ёсико встала и поклонилась.

— Спасибо, что пришли.

— Спасибо, что выслушали нас, — сказал Хиро.

— Пожалуйста, скажите Акеши-сама, нам жаль, что мы его не застали, — добавил отец Матео.

Хиро уже был готов озвучить свою просьбу насчет дополнительных дней, когда Ёсико сказала:

— К моему брату вам следует обращаться Акеши-сан, а не «сама».

— Я прошу прощения за свой несовершенный японский, — сказал отец Матео. — Я думал, что к наследнику стоит обращаться с самым высоким почтением.

— И ваш японский, и ваше понимание совершенно верны, — вмешалась Сато. — Но Нобухидэ не является наследником моего мужа. Это Ёсико.

Хиро было трудно скрыть удивление.

— Наследница — Ёсико?

— Да, — сказала Ёсико. — Еще до рождения Нобухидэ.

— А закон признает наследника женского пола? — поинтересовался отец Матео.

— Только если глава семьи оставляет специальное завещание, в котором и указывает ее имя, — сказал Хиро.

— Что мой муж и сделал, — сказала Сато. — Он написал завещание много лет назад.

— До рождения Нобухидэ? — спросил Хиро.

— Нет, — ответила Сато. — К счастью, после. Так что никто не может назвать это случайностью или оплошностью.

Хиро бы очень хотел взглянуть на это завещание, но ему нужна была причина, которая не вызвала бы никаких подозрений. Он посмотрел на отца Матео и немного склонил голову, надеясь, что иезуит поймет его намек и найдет причину.

— Как интересно, — сказал отец Матео. — Я никогда раньше не видел японского завещания. Мне интересно, насколько они отличаются от португальских.

Месяцы обучения тому, как понимать шифрованные взгляды и молчаливые сигналы, наконец дали свои плоды.

— Хотите посмотреть? — спросила Ёсико.

— Почту за честь.

— Пожалуйста, присаживайтесь, — сказала Ёсико. — Я принесу его.

Она вышла из комнаты, пока гости рассаживались на свои места у очага. Сато вежливо им улыбалась, хотя на ее лбу собрались печальные морщинки.

Вернулась Ёсико. В руках она несла облупившийся, но дорогой бамбуковый тубус. Она опустила на колени у очага, открыла крышку и перевернула тубус вертикально. Оттуда выпал свернутый пергамент. Свиток сохранил свою форму, развернувшись лишь слегка.

Ёсико двумя руками протянула пергамент отцу Матео. Он принял его таким же образом и аккуратно развернул.

— Могу я попросить Хиро перевести? — спросил священник. — Я не очень хорошо читаю на вашем языке, чтобы понять суть столь важного документа.

Ёсико согласно кивнула:

— Конечно.

Хиро взял свиток и быстро его прочитал. Он был исписан крошечными иероглифами изысканным и аккуратным почерком. Каллиграфия говорила о мастерстве и многолетнем опыте. Ни одна клякса не омрачила свиток.

Внизу, подтверждая все написанное, стояла алая печать Акеши Хидэёши. Пастообразные чернила были глянцевыми, немного приподнятыми над бумагой, как того и требовала печать. Хиро не разглядел никаких дефектов ни в сборке печати, ни в ее исполнении.

Ведя пальцем по строчкам, синоби начал читать вслух.

— «Я, Акеши Хидэёши, записал эти слова на пергамент в седьмой год правления сёгуна Асикаги Ёшифудзи». — Хиро замолчал и посмотрел на священника. — Ёшифудзи — это детское имя сёгуна. Повзрослев он взял имя Ёситеру.

— Спасибо, — издал смешок отец Матео. — Это объясняет, когда было написано завещание? Я пока не сильно хорошо разбираюсь в японском летоисчислении.

— Это значит, что написано оно было двенадцать лет назад. — Хиро опустил глаза и начал читать дальше. — «Моя воля такова: после моей смерти моя дочь, Акеши Ёсико, наследует все мое имущество, включая деньги, земли и все, чем я владею или на что имею права. Если мое пособие сохранится и после моей смерти, оно в полном объеме должно перейти к ней.

Я желаю, чтобы Ёсико полностью обеспечивала свою мать, Акеши Сато, и моего брата, Акеши Хидэтато, вплоть до их смерти. Она должна разрешить моему сыну, Акеши Нобухидэ продолжать жить в нашем семейном доме. Во всех вопросах, касающихся клана, последнее слово должно принадлежать Ёсико. Я доверяю ее решениям, как если бы она была моим сыном.

Жизнь коротка и печальна. Мудрый самурай проводит свою, готовясь к смерти. Когда я уйду из этой жизни, знайте, я был к этому готов».

Палец Хиро коснулся печати.

— Акеши Хидэёши.

Он потер между собой указательный и большой пальцы. Печать не была ни мягкой, ни влажной.

— Оно очень хорошо составлено, — сказал отец Матео.

Ёсико рассмеялась:

— Согласна, но мой брат считает иначе.

— Он разозлился? — спросил священник.

— Не то слово. Нобухидэ ожидал, что отец назовет своим наследником его.

— А он может оспорить завещание? — поинтересовался отец Матео.

— Нет, — твердым голосом ответила Сато. — Таково желание моего мужа. Я знаю, когда именно он его написал и где хранил. Я забрала завещание после его смерти.

— Свидетельство жены является окончательным подтверждением, если она видела завещание и знала о его содержании до смерти супруга, — объяснил Хиро.

Сато кивнула:

— Я знала. Такова воля Хидэёши.

Хиро вернул свиток Ёсико. Она туго его свернула и засунула обратно в тубус. Положив бамбуковый цилиндр на татами, она спросила:

— У вас есть еще вопросы?

— Мы пришли в надежде убедить Нобухидэ дать нам еще немного дней на поиски убийцы Хидэёши, — ответил Хиро Ёсико, но говоря это, он перевел взгляд на Сато. — Было бы крайне прискорбно, если бы невинная девушка умерла из-за элементарной нехватки времени.

Сато согласно кивнула. Синоби посмотрел на Ёсико, вскинув брови в молчаливом вопросе.

— Мне очень жаль, — ответила женщина, — но я не могу удовлетворить вашу просьбу. Без каких-либо дополнительных улик. Если к завтрашнему дню вы сможете найти того шпиона или доказать, что это именно он убил моего отца, я повторно рассмотрю вашу просьбу.

— Спасибо. — Это был единственный ответ, который Хиро мог дать на данный момент.

— Могу я задать вам еще один вопрос? — спросил отец Матео.

Ёсико заинтересованно посмотрела на священника.

— Прошу прощения за свою бесцеремонность, но мне крайне любопытно японские законы и обычаи. После смерти отца будет ли вам и дальше выплачиваться его пособие?

— Как правило, такого не бывает, — ответила Ёсико.

— А у вашего отца были какие-либо другие доходы? — спросил иезуит. — Какое-то свое дело или наследство?

Ёсико и Сато переглянулись.

— Хидэёши был наследником своего отца, но тех денег уже давно нет, — ответила пожилая женщина. — Мы надеемся, что сёгун проявит милость и будет дальше платить нам пособие.

— А как в Японии решают вопросы с кредиторами? — спросил отец Матео.

Ёсико склонила голову на бок.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Есть ли у вашего отца какие-нибудь денежные обязательства? Перед торговцами рисом или портным? Или вот чайный дом, например. Каким образом будет оплачен его последний счет? Будет ли ему вообще этот счет выставлен, если он там умер?

Хиро был впечатлен неожиданно тонким замечанием отца Матео. Синоби было интересно, на какие средства Хидэёши мог позволить себе посещение Сакуры, если ему платили только пособие. Но этикет запрещал ему задавать подобные вопросы. Дело было не в том, что можно было задать их, опираясь на юридические законы. Только чужеземец мог быть таким назойливым и не нанести при этом серьезного оскорбления.

— Я буду очень... разочарована, если Маюри ожидает платы за ту ночь, когда погиб мой отец.

— А других долгов у него не было? — продолжал расспрашивать отец Матео. — Каким образом они будут оплачены?

— У нас есть немного сбережений, — сказала Сато. — И жалование Нобухидэ.

— В завещании написано, что вы должны оказывать поддержку Акеши Хидэтаро, — сказал священник. — Вы по-прежнему будете ее оказывать, даже если перестанут платить пособие?

— Такова воля моего отца, — сказала Ёсико.

— А при жизни ваш отец оказывал брату такую поддержку?

— Это был его долг, как наследника Акеши.

— Часто Хидэтаро просил денег в последнее время? — спросил Хиро.

Похоже, Ёсико поняла, что разговор перешел в некое подобие допроса. Прежде чем ответить, она долгое время думала.

— Да, просил. Он не сказал зачем, но в ночь смерти моего отца он приходил и просил денег. Отец ему отказал.

— Не знаете, зачем они ему? — задал очередной вопрос Хиро.

Глядя ему в глаза, Ёсико отрицательно покачала головой.

— Они спорили?

— Нет. Если нет денег, нет предмета для спора. — Ёсико немного отклонилась назад. — Но ваши вопросы говорят о том, что, наряду с неизвестным шпионом, вы подозреваете и моего брата.

— Я прошу прощения, если в моем вопросе вы услышали подобный подтекст. — Хиро смиренно склонил голову. — У меня не было таких намерений.

Ёсико кивнула, принимая его извинения, но в ее прищуренных глазах сквозила подозрительность.

Отец Матео встал и поклонился.

— Благодарю вас за то, что рассказали мне о ваших традициях. Могу я еще раз помолиться за вашего отца перед уходом?

— Мне бы этого хотелось, — быстро сказала Сато. Ёсико, словно возражая, поджала губы, но промолчала.

Сато подвела их к раздвижной двери, ведущей в оружейную Хидэёши, и отодвинула створку. Комната выглядела почти так же, как и день назад, за исключением того, что рядом с гробом у головы Хидэёши стояла миска отваренного риса. Когда Хиро вошел внутрь, он заметил еще один предмет, стоящий рядом с миской. Это была тонкая ваза с одним цветком гортензии того же сорта и цвета, что были в той комнате, где умер Хидэёши.

Совпадение казалось большим, чем простая случайность. Версия про шпиона засияла в голове Хиро новыми красками.

Отец Матео опустился на колени рядом с телом Хидэёши и склонил голову в молитве. Хиро в комнату не вошел. Он стоял в дверном проеме и изучающе разглядывал ее на предмет каких-то новых зацепок. Но синоби не увидел никаких изменений.

Его взгляд задержался на токонома. Казалось, неко-те издевательски поглядывают на него со своих колышков. Хиро никак не мог расстаться с мыслью, что именно эти когти убили своего хозяина, несмотря на все объяснения Сато насчет сломанного лезвия.

Священник закончил молиться. Пока Ёсико вела их к выходу, Хиро сказал:

— Ваша мать сделала прекрасный выбор погребальных доспехов.

Женщина-самурай посмотрела на него, почти не повернув головы.

— Это не мама выбирала доспехи. Нобухидэ.

— Ну, вы сделали отличную работу, подготовив тело к... — отец Матео растерянно замолчал.

— К кремации, — сказала Ёсико. — Моя мать просила о христианском захоронении, но Нобухидэ настоял на том, что отец не должен гнить в земле. Я согласилась с этим решением, хотя не согласна с облачением.

Она помолчала, словно внутри нее шла какая-то борьба. Хиро гадал, о чем она хотела сказать, но чувствовала, что не должна об этом говорить.

— На отце должны быть его боевые доспехи, — наконец, сказала Ёсико. — А не тот церемониальный нагрудник, который выбрал брат.

Хиро все понял. Самураи не критикуют членов своей семьи, но Ёсико хотела, чтобы он знал: столь неподходящие доспехи — это не ее выбор. Хиро было интересно, почему она решила, что ему есть до этого дело. Учитывая ее недавний комментарий насчет женской походки, Хиро был твердо уверен, что ей абсолютно безразлично его расследование.

— К тому времени, когда я вернулась со своей утренней прогулки и узнала о смерти отца, Нобухидэ уже омыл тело и облачил его в одежды, — продолжила Ёсико. — Было слишком поздно что-то менять.

Хиро кивнул. Не было никакого смысла высказывать банальности или ложные заверения. Они оба понимали, что Нобухидэ сделал неправильный выбор, и дальнейшее обсуждение не прибавит умершему чести. Некоторые вещи изменить невозможно.

У входной двери они обменялись поклонами.

— Если позволите, могу ли я уточнить, кому было известно о завещании вашего отца до его смерти? — спросил Хиро.

— Только матери, — ответила Ёсико. — Она была рядом, когда он его писал. Я впервые увидела его вчера.

— Но вы все же знали, кто будет наследником?

Ёсико улыбнулась:

— Отец всегда благоволил ко мне. Так что мне не нужно было завещание, чтобы сказать, каковы его намерения.

— А кто сейчас знает о нем?

— Нобухидэ, конечно, и мой дядя Хидэтаро.

— А кто рассказал Хидэтаро?

— Я. Вчера, когда он пришел, чтобы засвидетельствовать свое почтение и помолиться за душу отца. Я сама не верующая, хотя и понимаю, что многие находят утешение в религии.

— И как долго он молился?

Она задумавшись посмотрела на дверь.

— Наверное, около получаса. Возможно, он не все время молился. Я оставила его с отцом наедине. Потом я увидела его, когда он уже уходил.

Хиро поклонился.

— Еще раз благодарю вас за вашу любезность.

* * *

Когда мужчины подошли к реке Камо, к ним на сером мерине подъехал Нобухидэ. Он, похоже, направлялся домой, но, увидев чужеземца, остановил коня.

— Что вы здесь делаете? — требовательно спросил Нобухидэ.

— Это общественная дорога, — ответил Хиро. — По ней мы и идем.

— Вы идете от моего дома, — обвинительным тоном сказал Нобухидэ. — Распоряжение судьи запрещает вам преследовать мою мать.

— Или вашу сестру, — согласился Хиро.

Нобухидэ фыркнул.

— Эта хитрая лиса и сама о себе может позаботиться. Я полагаю, она рассказала вам, как обманула меня, лишив наследства.

— Она показала завещание вашего отца, — сказал Хиро. — У вас есть причины подозревать ее в обмане?

— Ничего нового, — нахмурился Нобухидэ. — Она всегда была его любимицей, но я и подумать не мог, что он оставит ей все. Не удивительно, что свое завещание он держал в секрете.

Он показал на священника.

— Но у меня все же есть право на отмщение, и я намерен им воспользоваться. Завтра твоя голова скатится с плеч.

— Не скатится, если мы найдем убийцу, — сказал Хиро.

— А я вам в этом помогу, — ответил Нобухидэ. — Убийца находится в чайном доме под охраной.

— Возможно, да, — сказал Хиро. — А возможно, и нет. Вы знакомы с человеком из Нагои, который посещал Сакуру в ночь смерти вашего отца?

Нобухидэ выглядел удивленным.

— О чем вы говорите?

— И когда в последний раз вы видели брата вашего отца?

— Хидэтаро? — Нобухдэ, словно от вони, сморщил нос. — Вы считаете, что он причастен к смерти отца?

— Мы рассматриваем разные варианты. Но дело в том, что ответы пока еще далеко.

— Для меня они достаточно близко.

— А как насчет вашей сестры? — спросил Хиро. — Где она была в ночь смерти отца, не знаете?

— Дома, как обычно. — Нобухидэ помолчал. — Она говорила, что сказала вам об этом вчера.

— Так и есть. Просто я хотел убедиться, что вам нечего добавить на этот счет, тем более, что ее нет рядом.

— Вы полагаете, я боюсь женщину? — Нобухидэ нахмурился еще сильнее. — У меня нет проблем с тем, чтобы назвать ее лгуньей. И я назвал бы, если бы она солгала.

— А где именно были вы два дня назад?

Левая рука Нобухидэ выпустила поводья и легла на рукоять катаны.

— Я — ёрики, помощник судьи Ишимаки и слуга сёгуна. Как вы смеете подозревать меня в намерении убить собственного отца.

— Я просто спросил о том, где вы были. В вопросе не было никакого подтекста.

Нобухидэ фыркнул:

— Если хотите знать, я всю ночь был в Доме Плавающих Слив. С девушкой, которую зовут Умеха. Поговорите с ней, если есть такое желание.

Хиро поклонился.

— В этом нет необходимости.

Нобухидэ улыбнулся, но в его улыбке не было ни веселья, ни доброты.

— Убедитесь, что завтра священник будет в чайном доме. Если мне придется его искать, я убью вас обоих.

Как только Нобухидэ ускакал, Хиро повернул на юг и пошел вдоль реки Камо.

— Я так понимаю, домой мы не идем? — спросил отец Матео.

— Нет времени, — ответил Хиро. — Мне нужно поговорить с Саюри.

— Саюри? Зачем?

— Я хочу узнать больше о ее отношениях с Хидэтаро. Вполне возможно, что наш шпион из Нагои так и не уехал из города.

— По-твоему, Хидэтаро шпион? — недоверчиво спросил отец Матео. — Что заставило тебя так подумать?

— Я не совсем уверен в том, что думаю, но это убийство не такое уж простое, каким кажется, — сказал Хиро. — Ёсико заявляет, что всю ночь была дома, но ее гета все в грязи. У Хидэтаро тоже все сандалии в грязи, как и кимоно. Человек из Нагой появляется и исчезает, а Маюри на следующее утро сжигает свои учетные книги. Я бы сказал, что-то здесь не то, чем кажется, но это нисколько не помогает понять, в чем дело.

Они прошли немного вдоль реки, и отец Матео спросил:

— Ты знал, что Сато христианка?

Хиро кивнул:

— Поэтому я и подумал, что она даст нам еще немного времени.

— А откуда ты узнал? Я и подумать об этом не мог.

— Ее одежда дала первую подсказку. Некоторые японцы носят черные траурные кимоно, но ни одна женщина не станет носить кимоно и оби одного цвета. Цвета всегда отличаются, а нижнее вообще должно быть третьего цвета. Вчера, как и сегодня, Акеши Сато полностью одета в черное, как ворона... или христианка, находящаяся в трауре.

Ее реакция на твое появление лишь усилила мое первое впечатление. Она не испугалась и не удивилась. Она не вздрогнула, она не пялилась на тебя и не стала возражать против твоего присутствия под предлогом того, что ты можешь осквернить тело ее мужа. Наоборот, она поблагодарила тебя за твои молитвы.

Только женщина, которая уже видела чужеземцев, отреагирует на тебя подобным образом. А поскольку жены самураев не ведут никакого бизнеса, значит, она уже встречалась со священниками.

— Она могла увидеть меня где-нибудь на дороге, — сказал отец Матео. — Или слышала обо мне от Нобухидэ.

— Который несомненно одарил тебя кучей превосходных эпитетов.

Отец Матео рассмеялся:

— Пожалуй, ты прав. Тем не менее, с твоей стороны это было отличное предположение, коими, как я думал, ты не занимаешься.

— Не занимаюсь. У Сато на цепочке на шее висит крест. Я увидел его, когда она поклонилась.

Отец Матео приподнял голову, словно ему на ум пришла интересная мысль.

— А что, если это Сато убила Хидэёши?

Хиро аж заморгал от неожиданности.

— Ты не веришь, что Саюри убийца, основываясь на том, что она христианка, но предполагаешь, что пожилая женщина может убить? И как ты это увязываешь вместе?

— Христиане придают большое значение моногамии. Сато могла ревновать мужа к Саюри. К тому же ей вовсе не обязательно было самой братья за нож.

— Неко-те, — поправил его Хиро. — Я уверен, именно этим оружием его убили.

— Сато могла бы дать эти когти тому, кто изображал шпиона.

— Возможно, но весьма сомнительно. Исходя из того, что мне известно, она верит в богов и не станет их злить. К тому же, если я правильно помню, твой Иисус тоже не в

особом восторге от убийств.

— Но ее муж связался с другой женщиной!

Хиро рассмеялся.

— Ты совсем ничего не знаешь о японских женах.

Отец Матео выглядел обиженным.

— Я достаточно хорошо знаю женщин, чтобы сказать, что они не любят, когда им находят замену.

— Гейши не являются заменой женам. Жена вынашивает ребенка и следит за домом. Никто не ожидает того, что она владеет такими навыками, как пение или умение поддержать разговор. Жены обеспечивают тыл. Гейши же обеспечивают светское общение. Они выполняют совершенно разные роли.

— Все женщины умеют поддержать разговор, — принялся спорить отец Матео. — Японские мужчины просто их не слушают.

Хиро приподнял бровь, глядя на иезуита.

— Ты меня, конечно, прости, но мне трудно представить священника, который дал обед безбрачия, но при этом ценит мнение женщины.

Сато не виновна в смерти мужа. У нее не хватило бы сил проскакать на лошади до Сакуры или пройти туда пешком. На ее гета нет и следа грязи, так что на улицу, где шел дождь, она не выходила. И оружием она не смогла бы воспользоваться. Неко-те требует такой силы, которой у нее в руках уже нет.

Священник вздохнул с облегчением.

— Я рад, что ты так думаешь. У меня тоже были такие же мыли, но я принял другую сторону, поскольку хотел услышать о ее невинности от тебя.

* * *

Четыре досина все еще охраняли Чайный дом Сакуры, но все четверо, вместо того чтобы следить за дорогой, сидели на корточках под деревом, образовав круг. Когда Хиро с отцом Матео приблизились, младший из них вздрогнул и что-то спрятал в рукав кимоно. Кости или, возможно, игральные палочки. Что-то, чтобы можно было скоротать время, поскольку первоначальное волнение угасло, оставив лишь рутинное ожидание.

Из дома доносилось пение. Оно шло со стороны сада, скорее всего из-за открытой двери веранды.

— Священники все еще здесь? — спросил отец Матео.

Хиро кивнул.

— Очищение займет примерно неделю. Саюри не сможет пользоваться комнатой, пока все не закончится.

— Это, должно быть, дорого, — сказал священник.

— Ты даже не представляешь.

Хиро постучал в дверь. Когда Маюри открыла, пение усилилось. Женщина выглядела раздраженной. То ли от их присутствия, то ли она всегда была такой, когда ее беспокоили.

— Мы пришли, чтобы увидеться с Саюри, — сказал Хиро.

Маюри холодно им улыбнулась.

— Ничего нового вы здесь не узнаете, а ваше присутствие заставляет девушек нервничать.

— Вы отказываете нам в приеме? — поинтересовался Хиро.

Улыбка Маюри стала шире, женщина распахнула дверь.

— Конечно, нет. Сакура рада оказать помощь в вашем расследовании. Пожалуйста, входите.

Саюри была все в той же комнате, и кимоно на ней было то, в которое она переделалась вчера. Вероятно, из-за бессонной ночи ее глаза ввалились, но девушка улыбнулась, увидев священника.

Отец Матео уселся на пол.

Хиро повернулся к Маюри.

— Благодарю вас. Мы дадим вам знать, когда закончим.

Она кивнула и закрыла дверь, не сказав ни слова.

Саюри перевела взгляд с отца Матео на Хиро.

— Вы нашли убийцу? Нобухидэ меня отпустит?

— Пока нет, — ответил Хиро — Могу я посмотреть на ваш кинжал?

Она удивленно на него посмотрела.

— Я не ношу танто.

Хиро не был дураком, да и игры закончились.

— Если вы действительно гейша, а не проститутка, под кимоно у вас есть оружие. Покажите добровольно или я найду его сам.

Саюри долго смотрела на Хиро, потом правой рукой достала из левого рукава кимоно тонкие черные ножны. Она открыла их и вытащила разрисованный веер с металлическими ребрами, которые соединялись между собой бумагой с изображением сценки из городской жизни.

С легким щелчком Саюри сложила веер и положила его в левую руку. Правой рукой из нижней части ножен она вытащила кинжал. Пятидюймовое лезвие плотно прилегало к самому большому ребру веера. Длина и размер в поперечнике больше соответствовали метательному клинку нежели танто. Скорее даже он был похож на менхари-гата, поскольку был спрятан в веере. Саюри развернула клинок таким образом, что лезвие лежало у нее на ладони, а рукоять была направлена в сторону Хиро.

Он принял оружие и внимательно его рассмотрел, уделив особое внимание тем пазам, где лезвие соединялось с рукоятью, а рукоять в свою очередь с ножнами. Ни крови, ни каких-либо других подозрительных отметин синоби не заметил. Отполированный металл сверкал, словно новый, хотя клинок был выкован давно.

— Замечательно, — сказал Хиро и вернул клинок. — Семейная реликвия?

Убрав кинжал в ножны и спрятав его под кимоно, Саюри покачала головой.

— Это подарок Маюри. Она носила его, когда была гейшей.

— Расскажите нам, что случилось той ночью, когда умер Хидэёши, — сказал Хиро. — И на этот раз расскажите нам правду.

— Всю правду я рассказала вам еще вчера.

Хиро махнул отцу Матео.

— Пойдем. К вечеру мы будем на полпути к Нагасаки. — Он посмотрел на Саюри и направился к двери. — Желаю удачи. Она вам понадобится завтра при встрече с Нобухидэ. Уверен, отец Матео помолится за вашу душу.

Когда иезуит начал подниматься с колен, Саюри схватила его за руку.

— Нет, подождите. Я все вам расскажу.

— Акеши-сан приходил почти каждую ночь со времени моего дебюта, — сказала Саюри. — Но он и так был постоянным клиентом этом чайного дома задолго до того, как я стала ученицей.

Две ночи назад он приехал незадолго до захода солнца. Я подал ему ужин и сакэ, а потом спела и станцевала. Он был очень пьян и остался допоздна. Я хотела, чтобы он ушел, но он отказался. Он начал говорить мне о том, что хочет стать моим единственным покровителем. — Саюри искоса посмотрела на отца Матео.

— У единоличного покровителя есть права, которые недоступны простым людям, — объяснил Хиро.

Отец Матео пробежал рукой по волосам.

— Я надеялась, что он обманул меня, — сказала Саюри. — Маюри ничего такого не говорила. Он стал настойчив, попытался дотронуться до меня, и я испугалась. Тогда я сказала ему, что мне нужно в уборную, и пошла к Маюри. Но она велела мне вернуться в комнату и развлекать гостя. Она решила не вмешиваться.

Я ушла в уборную и пробыла там достаточно долго. Хидэёши был пьян, я решила, что он не продержится долго и уснет. Когда я вернулась в комнату, так и получилось — он спал. Я осталась с ним, потому что знала: Маюри разозлится, если я оставлю гостя одного. Я тоже легла спать, а когда проснулась, он был уже мертв.

За исключением упоминания о покровительстве, когда Хиро решил, что она говорит честно, всю остальную историю Саюри рассказывала без единой эмоции.

— Это вы переместили тело Хидэёши? — спросил он.

Она покачала головой и уставилась в пол.

— Я бы не осквернила себя подобным образом.

— Я думал, христиане не верят в осквернение, — сказал Хиро.

Саюри подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Я такая же японка, как и христианка. Мои клиенты моей веры не разделяют. Я не стала бы разрушать свою карьеру, прикасаясь к трупу.

— Тогда почему все ваше кимоно было выпачкано кровью? — Поскольку Саюри не ответила, Хиро добавил: — Вероятно, я все объяснил недостаточно четко. Если вы будете лгать, мы со священником уедем в Нагасаки, а вы предстанете перед Нобухидэ лицом к лицу. Одна.

Саюри поморщилась:

— Я дотронулась до него, но не двигала.

Она показала в сторону очага в центре комнаты, словно до сих пор видела лежащий труп. На этот раз ужас на ее лице был вполне настоящим.

— Я увидела, что Акеши-сан лежит там весь покрытый кровью. Сначала я даже и не поняла, что он мертв. Я потрясла его, чтобы он пришел в себя. Клянусь, что не двигала его.

— Когда в последний раз вы видели Акеши Хидэтаро? — спросил Хиро.

Саюри покраснела и опустила взгляд на свои руки.

— Я не помню. Несколько недель назад.

— Как вы думаете, сколько еще лжи я должен выслушать? — требовательно спросил Хиро. — Я знаю, что он собирался выкупить ваш контракт. Он был здесь вчера... вы его

видели?

— Вчера? — От неожиданности Саюри подняла голову. Ее губы дрожали. — Маюри мне не говорила.

— Так когда вы видели его в последний раз?

Ее плечи поникли.

— Утром два дня назад. Он спорил с Маюри, а потом, тайком обойдя вокруг дома, рассказал мне, что случилось. — Она прикусила нижнюю губу. — Маюри изменила цену. Она запросила больше денег, а он не мог заплатить такую сумму, поэтому она попросила его уйти.

— Что заставило ее изменить цену? — спросил Хиро.

Саюри сцепила руки и потерла пальцы.

— Не знаю. Могу лишь догадываться.

Девушка выглядела совершенно несчастной.

— Значит, послушаем вашу догадку, — сказал Хиро.

— Я думаю, Хидэёши захотел стать моим покровителем и предложил Маюри деньги, чтобы она разорвала договоренность с Хидэтаро. Хидэёши был богат. — Девушка подняла глаза, в которых вспыхнул внезапный огонь. — Но Хидэтаро хороший человек. Я лучше стану его женой и буду жить в бедности, чем ходить в любовницах у богача.

— А Акеши Хидэёши знал о ваших чувствах к его брату? — спросил Хиро.

— Да, но мне неизвестно, откуда он узнал. Я ему не говорила. Весь тот вечер он дразнил меня. Сказал, что мне лучше быть милой с ним, чем с Хидэтаро.

Саюри сдвинула брови и поджала губы. Она слегка содрогнулась, словно пытаюсь забыть то, что уже не могла видеть.

— Думаете, это Хидэтаро прокрался сюда и убил брата, пока вы спали?

Саюри так сильно сжала руки, что побелели костяшки пальцев.

— Нет.

— Вы же понимаете, что из-за вашего рассказа он выглядит виновным, — сказал Хиро.

— Нет, — повторила Саюри. Ее грудь тяжело вздымалась — Он бы этого не сделал. Хидэтаро невиновен. Что гораздо важнее, он не стал бы убивать брата, понимая, что подозрение падет на меня.

— А кто-нибудь еще приходил в комнату к Хидэёши той ночью, когда его убили? — спросил Хиро.

— Кто-нибудь еще? — повторила Саюри. — Что вы имеете в виду?

— Посетители, другие клиенты, гейши... хоть кто-нибудь.

— Нет. — Она отрицательно покачала головой. — Были только мы вдвоем.

— А он выходил из комнаты? Может, в уборную?

Саюри подняла взгляд.

— Он выходил в уборную. Рано вечером. Он выходил дважды. Один раз вернулся быстро, а во второй раз его не было дольше. — Она помолчала. — Второй раз он выходил после ужина.

— Когда он вернулся, не был ли он ранен? — спросил отец Матео. Ему не терпелось услышать ответ, словно он представлял важную часть головоломки.

Хиро бы хотелось, чтобы священник не выказывал такого отчаянного желания услышать ответ, особенно, если задавал важный вопрос.

— Ничего такого, что я не заметила бы, — ответила Саюри. — Точно не так, как он

выглядел в итоге. Это произошло не в уборной.

Судя по ее тону, ей бы очень хотелось обратного.

— Уверен, вам хотелось бы немного помолиться, — сказал Хиро.

Отец Матео выглядел обиженным.

— Это я собирался предложить, — на португальском сказал он. — Но моя религия не может быть прикрытием каких-либо деяний.

— Не твоих, — так же на португальском ответил Хиро. — Но прикрытие необходимо мне. Десяти минут будет достаточно.

Когда священник с Саюри начали молиться, он выскользнул из комнаты. Общая комната была пуста, как и маленькая семейная комнатка рядом. Женщины, вероятно, находились наверху: спали или делали что-то, чем они обычно занимались по утрам.

Хиро пересек общую комнату и вышел в узкий коридор, ведущий к лестнице и во двор. Маленькая раздвижная дверь манила Хиро, как и во время его прежних визитов. Если синоби не ошибался, эта дверь вела в кабинет Маюри. По крайней мере он надеялся, что дверь ведет в кабинет, а не в чулан или еще в какое-то бесполезное место. Его задача станет гораздо труднее, если ему придется пробираться на второй этаж.

Хиро очень хотелось побывать в кабинете Маюри с тех самых пор, как он узнал, что она сожгла свои учетные книги. Женщина могла уничтожить все доказательства того, что она так отчаянно пыталась скрыть. Но он не мог быть уверен до тех пор, пока сам в этом не убедится.

Хиро прокрался до противоположного конца коридора и прислушался. Наверху он слышал голоса, по крайней мере, четырех женщин. Они разговаривали слишком тихо, чтобы он мог хоть что-то расслышать, но тон их голосов предполагал, что разговор сейчас в самом разгаре.

Хиро вернулся обратно и приложил ухо к двери. Он ничего не услышал. Синоби закрыл глаза и открыл рот, чтобы улучшить слух и сфокусироваться.

Опять ничего.

Хиро глубоко вздохнул и открыл бумажную дверь. Раздался едва различимый шипящий звук.

Едва он переступил порог, раздался холодный женский голос:

— Что вы здесь делаете?

Хиро расправил плечи.

— Ищу вас, Маюри.

Женщина сидела за низким передвижным столом в центре комнаты. Несмотря на то что кабинет был немного меньше, чем общая комната, на полу лежал белый татами высшего сорта, а стены были обиты кедровыми панелями. В токонома справа от входа стояла дорогая ваза. За нишей были видны кедровые двери, за которыми, по всей вероятности, располагался шкаф от пола до потолка. Справа от стола стоял кедровый ларь, в котором, скорее всего, хранились деньги и учетные книги. Но он был закрыт, скрывая свое содержимое.

Маюри нахмурилась:

— Этой мой личный кабинет. У вас нет права здесь находиться.

Хиро вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Он посмотрел на одинокий стебель орхидеи, стоящий в вазе.

— Прекрасное расположение, — сказал он.

Маюри фыркнула.

— Рико может достичь чего-нибудь, если постарается, но ей лучше не заниматься цветочными композициями. В этой вазе должно стоять два цветка, а не один. — Она слегка склонила голову. — Но мы здесь не цветы обсуждаем. Что вам нужно? Мое сотрудничество не предполагает, что вы будете ходить по чайному дому и подслушивать под дверью.

— Оно распространяется на ваше объяснение о том, что вы делали в ночь убийства Хидэёши? — Хиро помолчал. — Я хотел поговорить с вами лично, чтобы защитить ваш статус хозяйки этого заведения. Если вы возражаете, мы можем поговорить при всех.

Маюри подняла руку и пригладила и так тщательно уложенные волосы. Она выдавила смущенную улыбку.

— Я не возражаю, спасибо. Но все же считаю ваш вопрос неприятным и глупым. Зачем мне в моем чайном доме убитый мужчина?

— Я вас не обвинял, — сказал Хиро. — Я лишь спросил, где вы были той ночью.

— Как мне кажется, я уже говорила вчера, что всю ночь провела в своем кабинете. В середине месяца я всегда подвожу счета за предыдущий период. Следующей ночью я могла быть где угодно, но поскольку та ночь, о которой вы спрашиваете, пришлась на середину месяца, я была здесь и всю ночь работала с учетными книгами.

Хиро решил, что это звучит как-то слишком убедительно.

— Вы всегда проводите свои подсчеты здесь? — спросил он.

— Да. — Маюри показала на ящик, стоящий рядом с письменным столом. — Все свои записи я храню в одном месте.

— И вы всю ночь были одна?

— Окия принесла мне чай и рис, перед тем как пошла наверх. Она может подтвердить, что я была здесь всю ночь. Единственный раз, когда я покинула кабинет, это когда Саюри попросила меня поговорить с Хидэёши.

— И вы поговорили с ним? — Хиро было интересно, какую часть рассказа гейши Маюри подтвердит.

— Нет. — Женщина помолчала. — Когда Саюри пришла ко мне, я сказала ей, что мы не можем заставить посетителя уйти. Я решила, что она должна справиться сама, но услышала,

как она плачет, проходя мимо моего окна в уборную.

Маюри махнула в сторону окна, находящегося под крышей.

— Я все-таки решила поговорить с Хидэёши, но, чтобы не потерять место в учетной книге, предпочла сначала закончить расчеты. У меня на это ушло несколько больше времени, чем я думала. Когда я подошла к комнате Саюри, я разглядела несколько силуэтов, тенью падающих на дверь.

Она пошевелила пальцами, имитируя мерцающие тени, появляющиеся от пламени свечи.

— Хидэёши лежал на полу, а Саюри стояла на коленях рядом с ним. Она не сопротивлялась и не жаловалась, а он... стонал. — Маюри понимающе кивнула головой. — Я тут же ушла, даже не открывая дверь. Не хотела их беспокоить.

— Хидэёши был покровителем Саюри? — спросил Хиро. — Она сама это отрицает.

Маюри уставилась на него.

— А вы вообще представляете, сколько стоит контракт высококлассной гейши? — По ее лицу медленно пробежала улыбка. — А если покровительство не обговорено заранее, цена становится еще выше.

Ее жадная улыбка усилила у Хиро впечатление о ее характере. У синоби никогда не возникало проблем с отношением к оплате сексуальных услуг. Чайные дома и работающие там женщины играли важную социальную роль. Но женщина, которая относится к своим гейшам, как к товару, которая осознанно бросает девушку возраста Саюри в объятия развратного покровителя, в то время как другой мужчина желает взять ее в жены... подобная женщина легко может совершить убийство. Хотя Хиро сомневался, что она сама держала в руках клинок. Для синоби ее черствость была самым низким преступлением. Низким, потому что преступления в этом не было никакого.

— Вижу ваше недовольство, — сказала Маюри, — но вы просто не знаете всей изнанки нашего мира. Хидэёши был отличным гостем, и у него были деньги, чтобы он мог заполучить все, что пожелает.

— А его брат? — спросил Хиро.

— Я думаю, Хидэтаро смог бы выступить в свою защиту перед вами, — сказала Маюри. — Это будет не первый раз, когда бедный человек не получает того, что не может себе позволить.

— Да, действительно, это не впервые. — Хиро склонил голову. — Спасибо, что уделили мне время.

* * *

— Что дальше? — спросил отец Матео, когда они вышли из чайного дома. — Всякий раз, когда мы пытаемся исключить кого-нибудь из списка потенциальных убийц, в него добавляется кто-то еще.

— Еще два, — сказал Хиро. — Я поговорил с Маюри.

Когда они подошли к мосту, Хиро направился на другой берег. Отец Матео пошел следом.

— Мы не пойдем домой? — спросил иезуит.

— Нет. Мы попытаемся выяснить, почему Хидэтаро обманул нас, сказав, что в ночь смерти брата все время был дома.

Отец Матео, казалось, запутался.

— Он сказал, что всю ночь был дома один, но Ёсико говорит, что он приходил к ее отцу

вечером, а грязь на его сандалиях подтверждает тот факт, что он выходил на улицу, когда шел дождь.

— Он мог вляпаться в грязь и утром, — сказал священник.

— В полночь дождь был сильным, но непродолжительным. На утро вся вода впиталась, а большинство луж высохли. Хидэтаро нужно было найти очень глубокую лужу, чтобы так извозить свои сандалии. Но ведь и его одежда была испачкана грязью. Подобное могло случиться только ночью, когда на улицах было мокро.

— А почему ты у него об этом не спросил?

— По нескольким причинам. До недавнего времени я думал, что убийцей был шпион господина Оды. А сейчас я гадаю, существовал ли этот шпион вообще?

— Многие его видели, — сказал отец Матео. — Включая гейш, которые знают Хидэтаро в лицо.

— Если только он не замаскировался, — отметил Хиро. — Хидэтаро служил у сёгуна курьером. Его обучение включало и использование маскировки.

— Но шпион купил у Луиса оружие. Где Хидэтаро взял деньги?

— Над этим вопросом я пока не думал, — признался Хиро.

— Кроме того, убийство брата пустит Хидэтаро по миру. Он станет нищим.

— Так ли это? Ёсико намерена выполнить волю своего отца и продолжать оказывать его брату поддержку.

— Но он влюблен в Саюри, — продолжал упорствовать отец Матео. — Даже если ты прав насчет всего остального, зачем Хидэтаро убивать брата там, где подозрение падет на девушку?

— А что, если это не так? — спросил Хиро. — Что, если мы ошиблись со временем?

— Я не понимаю. — Отец Матео покачал головой и пожал плечами.

— Я думаю, Хидэёши был уже мертв, когда Саюри вернулась из уборной.

— Но Саюри сказала, что Хидэёши был жив, когда она вернулась в комнату, — запротестовал отец Матео. — Зачем ей лгать?

— Потому что она знает, что его убил Хидэтаро, — объяснил Хиро.

— Но зачем Хидэтаро убивать брата? — спросил отец Матео.

— Ёсико говорила, что тем вечером они ругались из-за денег. Я думаю, так и было, ведь они оба боролись за Саюри. Хидэтаро попросил у брата денег, чтобы выкупить ее контракт, не понимая, что Маюри подняла стоимость по причине того, что Саюри нужна была и Хидэёши тоже. Когда Хидэёши отказал брату, он еще и рассказал ему о том, что собирается сделать с девушкой, в которую влюблен Хидэтаро.

— Значит Хидэтаро пошел следом за ним в чайный дом и там убил.

— Да, очень похоже на то.

* * *

Монах из Тофуку-дзи объяснил им, как найти дом Хидэтаро, который находился к северу от храмовых земель и к востоку от реки Камо, в самом конце грунтовой дороги, усыпанной камнями размером с кулак.

На высоком фундаменте стоял крошечный деревянный домик с бамбуковой верандой, которая уже давным-давно потеряла свой блеск. Стены были чистыми, но старыми. Там, где древесина подгнила, были приколочены свежие доски, которые неестественно ярко выделялись на фоне своих престарелых соседей.

Дома по бокам тоже были маленькими, но выглядели при этом гораздо хуже. Скорее всего, это были дома слуг, которые так усердно работали на хозяев, что на свои собственные жилища времени уже не оставалось. Это был не совсем тот район, в котором Хиро ожидал найти самураю. Учитывая обучение Хидэтаро профессии курьера, синоби в очередной раз напомнил себе, что никогда не стоит строить всякого рода предположений.

Во дворе дома росла пара красиво подстриженных вишневых деревьев, которые своими ветвями обрамляли ступеньки крыльца. К дому вела истоптанная грязная дорожка, а вместо лужайки или сада весь передний двор зарос высоким чертополохом и сорняками.

Хиро удивил окружающий беспорядок. Он ожидал, что несостоявшийся монах будет содержать двор в чистоте и порядке.

Священник и синоби прошли по дорожке к дому и постучали в дверь. Хидэтаро открыл ее почти мгновенно. Вероятно, он увидел, как они подходили.

— Вы уже определили убийцу Ёши? — спросил он.

— Мы на это надеемся, но нам нужна ваша помощь, — ответил Хиро.

Хидэтаро отступил в дом.

— Конечно. Пожалуйста, входите.

Как только они зашли, мужчина спросил:

— Могу я предложить вам чай?

— Нет, благодарю, — ответил Хиро. — Мы не надолго.

Дом был слишком мал, чтобы в нем был отдельный коридор. Входная дверь открывалась прямоком в главную и единственную комнату. Всю нишу в восточном углу занимал огромный деревянный сундук, в котором, вероятно, хранились спальные принадлежности. Футон, скорее всего, был сложен и убран во встроенный шкаф,

находящийся сразу с правой стороны. Ниша на северной стене сочетала в себе место для письменных принадлежностей и токонома. Очаг располагался в самом центре комнаты. В целом, весь дом измерялся шестью матами, что было немногим больше спальни Хиро.

В доме пахло сосновыми досками и сгоревшей древесиной. В воздухе витал легкий запах ладана, который, вероятно, исходил от одежды Хидэтаро, вернувшегося с медитации. Хиро сделал глубокий вдох, но не уловил ни запаха еды, ни топленого жира, ни разложения. Вообще никакой неприятной вони.

Запах в доме напомнил Хиро то, как пахло в тренировочном помещении в школе Ига, где синоби обучался скрытности и проникновению. В том доме никто не жил, он не был пронизан запахом человека. Хиро частенько прокрадывался внутрь, когда был ребенком, и спал там, окруженный успокаивающим ароматом кедра, бумаги и сосны.

Не таким он представлял запах в доме убийцы.

Хидэтаро провел их к очагу. Хиро пропустил вперед отца Матео, поэтому священнику пришлось занять почетное место справа от Хидэтаро. Сам же Хиро уселся напротив иезуита.

— Чем я могу вам помочь? — спросил Хидэтаро.

От его прямолинейности брови Хиро поползли вверх.

— Время Саюри на исходе, — сказал Хидэтаро. — Нет времени на хорошие манеры.

— Очень хорошо, — сказал Хиро. — Когда вы узнали, что Хидэтаро хочет стать покровителем Саюри?

Хидэтаро заморгал:

— Я не знаю, о чем вы говорите.

Хиро понимал, что в данном случае вопросы не помогут докопаться до правды. В сёгунате Хидэтаро научили врать, если его жизни грозит опасность. Самурай ждал вежливого к себе обращения. Хиро решил поступить иначе.

— Я думаю, знаете, — сказал Хиро. — Я знаю, что вы поругались с Хидэёши той ночью, когда его убили. Ваша испачканная одежда говорит о том, что вы побывали под дождем, а не спали дома, как утверждали ранее. Я знаю, что вы хотели сделать Саюри своей женой, а Маюри изменила цену контракта в тот самый день. Она сделала это по той простой причине, что Саюри захотел заполучить себе Хидэёши, но не в качестве жены... у него уже есть одна. Он хотел сделать ее своей собственной шлюхой. Это привело вас в бешенство еще и потому, что он намеренно сделал вам больно.

Хидэтаро сжал челюсть, глубоко вдохнул, а потом вместе с выдохом выпустил и напряжение.

— Какие еще доказательства потребуются Нобухидэ, чтобы признать вас виновным? — поинтересовался Хиро. — Или пусть он лучше во всем обвинит Саюри?

— Расскажите Нобухидэ обо всем, что узнали, — сказал Хидэтаро. Его голос был таким спокойным, словно он говорил о погоде. — Саюри останется жива. Я готов к смерти.

Хиро озарила победоносная вспышка, которая тут же сменилась сомнением. Хидэтаро намеревался взять ответственность на себя, но его признание нельзя воспринимать всерьез. Виновный человек вряд ли бы принял известие о скорой смерти настолько стоически, особенно будучи обвиненным в преступлении на почве страсти. Хидэтаро скорее выглядел, как один из мучеников отца Матео, взошедших на погребальный костер. Священник, вероятно, подумал точно так же.

— Я сомневаюсь в том, что это вы его убили, — сказал отец Матео. — Чем вы на самом деле занимались той ночью?

— Я убил брата, — сказал Хидэтаро. — Вы поймали меня. Утром я во всем признаюсь Нобухидэ, и Саюри останется жива. Сегодня мне больше нечего вам сказать.

Признание Хидэтаро спасет отца Матео, Сакуру и, возможно, сам сёгунат, но, вместо того чтобы принести удовлетворение, слова самурая лишь разозлили Хиро. Подозрение в невинности Хидэтаро грызло совесть Хиро, словно пес мясную кость. Впервые за всю свою жизнь в статусе синоби, Хиро понял, что правда для него важнее успеха.

В его груди разгоралось разочарование не только из-за Хидэтаро, но и из-за себя самого. Хиро хотелось принять признание и убраться отсюда, испытывая, как и всегда, ощущение успеха. Хиро не потерпел провала. Он преуспел. Любой ценой. Ни жизнь, ни издержки, ни принципы — ничего не стояло у него на пути... кроме одного.

Хиро не позволит невинному отдать свою жизнь за чье-то преступление.

Хиро с горечью осознал, что точно такой же выбор привел его в Киото, а в качестве наказания ему под защиту отдали чужеземного священника. В его блистательной карьере был только один провал... и тот провал тоже был весьма впечатляющим.

Хиро согласился помочь Саюри исключительно ради спасения жизни иезуита, но он также согласился и найти убийцу Хидэёши. Он дал слово. Эта цель была вторичной по отношению к защите священника, но, поскольку синоби взялся за это дело, он не допустит, чтобы его постигла неудача. Он не может просто найти человека, который возьмет всю вину на себя. Пока Хиро не найдет настоящего убийцу Хидэёши, его совесть не успокоится.

Но он все же надеялся, что инстинкты его подвели и Хидэтаро все-таки убил Хидэёши. Поскольку в противном случае у Хиро есть всего восемнадцать часов, чтобы понять, кто это сделал. И несмотря на благородное предложение Хидэтаро снять вину с Саюри и взять ее на себя, вряд ли Нобухидэ так просто примет заявление своего дяди.

На самом деле, Хиро полагал, что "признание" Хидэтаро, вероятно, лишь ускорит казнь, которую сей благородный жест был призван предотвратить.

— Расскажите, как вы убили Хидэёши, — попросил Хиро.

Отец Матео уставился на него.

— Разве ты не понимаешь, что он сознался только для того, чтобы спасти жизнь Саюри?

— Если он хочет признать вину, он должен объяснить, каким образом убивал. — Хиро посмотрел на Хидэтаро. — Или, если он хочет найти настоящего убийцу, он просто может рассказать, что делал той ночью, когда его брат умер.

Хидэтаро размеренно вдохнул и выдохнул. Хиро узнал технику дзен, помогающую снять стресс и привести в порядок мысли. Самурай не ерзал и даже не двигался, но дыхание выдало его внутреннее терзание.

Хиро дал ему некоторое время, чтобы принять решение.

В конце концов Хидэтаро кивнул.

— Сегодня я вам помогу. Завтра, если вы так и не найдете убийцу, я сделаю признание, чтобы спасти Саюри жизнь.

— Вы так сильно ее любите, что умрете ради нее?

Хиро гадал, каково это — ощущать подобное.

— Все когда-нибудь умрут, — сказал Хидэтаро. — Большинство без веской причины. По крайней мере эта смерть не будет напрасной.

— Но вам вообще не нужно умирать, — сказал отец Матео. — Расскажите, что случилось той ночью, когда убили вашего брата.

— Эта история началась за день до произошедшего, — начал Хидэтаро. — Позавчера утром я пришел в Чайный дом Сакуры, чтобы заплатить за контракт Саюри. Был средний день месяца, а я всегда оплачиваю счета в середине месяца и в последний день месяца.

Он смущенно улыбнулся, словно маленький мальчик, пойманный на лжи.

— Я говорил вам, что платил утром в день смерти брата, но я обманул вас, хотя в чайном доме тем утром я все же был. Маюри рассказала мне об убийстве... хотя не ее я желал видеть.

Он помолчал.

— Пожалуй, будет лучше, если я буду рассказывать по порядку. За день до смерти Хидэёши я был в чайном доме, чтобы внести плату. Маюри мое серебро не взяла. Она сказала, что другой мужчина предложил ей гораздо большую сумму за то, чтобы стать покровителем Саюри. В конце концов, Маюри просто хотела оставить девушку в своем чайном доме. Я потребовал, чтобы она назвала мне имя покровителя и сумму, которую он предложил. Она назвала астрономическую цифру — тысяча золотых кобанов.

Глаза Хиро распахнулись от удивления, а отец Матео выглядел смущенным. Синоби объяснил:

— Один кобан — это три коку риса. Тысяча кобанов способна кормить целую армию весь год.

— Маюри, вероятно, солгала, — сказал Хидэтаро. — Никто не способен заплатить такую цену только лишь за женское внимание.

— Согласен, — сказал Хиро. — Но зачем Маюри врать?

— Я полагаю, ей нужно было, чтобы сумма была настолько высока, чтобы я даже не

думал о выкупе. Но я решил попытаться. Проведя весь день в медитации и переступив через гордость, я пошел к Ёши. Мы разговаривали наедине в его личной оружейной. Я встал перед братом на колени и попросил выкупить контракт Саюри. Для меня. Я поклялся, что, если он выполнит мою просьбу, я никогда ни о чем его больше не попрошу. Даже зернышка риса просить не стану.

— Но у Хидэёши не было такого богатства, — сказал отец Матео.

Хидэтаро удивленно отклонился назад:

— Видимо, было. Он оказался тем покровителем, имя которого Маюри мне так и не сказала.

— Как вы это поняли? — спросил Хиро.

— Ёши не просто отказал мне в просьбе. Он рассмеялся мне в лицо и назвал дураком за то, что я влюбился в проститутку.

Хидэтаро тут же добавил:

— Это его слова, не мои.

Отец Матео понимающе кивнул, самурай же продолжил рассказ:

— Ёши сказал, что купил Саюри для себя. А еще он сказал, что будет думать обо мне, когда лишит ее девственности.

Кулаки Хидэтаро сжались. Он закрыл глаза, его дыхание снова замедлилось. Самурай молчал до тех пор, пока не успокоился.

— Отсмеявшись, он протянул мне кинжал из своей коллекции и предложил мне совершить сэппуку, поскольку этот клинок будет последним, что я получу из его рук.

— Вы нашли ему лучшее применение, чем ритуальное убийство? — поинтересовался Хиро.

— Я хотел. Если бы Ёши не был моим братом, я убил бы его на месте. Но я этого не сделал. Я отбросил нож как можно дальше. Клинок попал в токонома и сбил то, что там стояло. — От воспоминания Хидэтаро горько усмехнулся. — Неко-те рассыпались, а тессен упал на пол. Ёши начал ругаться. Я услышал смех Нобухидэ, но вышел из комнаты, даже не оглянувшись.

— Нобухидэ видел, как вы бросили кинжал? — спросил Хиро.

Хидэтаро кивнул:

— Он пришел в комнату, чтобы посмеяться над моим выбором жены. Наверное, подслушивал.

На какое-то время все замолчали. Хиро ждал, когда самурай продолжит, но торопить его не стал. Ему хотелось узнать, с какого места Хидэтаро продолжит.

— По дороге домой я думал о том, чтобы убить Ёши. Я хотел это сделать и почти решился, но потом мне на ум пришла идея получше. Она позволила бы нам с Саюри отомстить Ёши. — Он улыбнулся. — Я надумал предложить Саюри сбежать вместе со мной.

— Без гроша в кармане? — спросил Хиро.

Хидэтаро пожал плечами:

— У меня был пропуск, который остался с дней моей службы курьером у сёгуна. Многим даймё требуются слуги. Я подозреваю, вам хорошо известно, насколько легко ронин может найти себе работу, если переступит через гордость. Без обид.

Хиро кивнул:

— Никаких обид. Пожалуйста, продолжайте.

— Я посидел дома, пока не стемнело, и пошел в чайный дом. Прокрался мимо веранды

к комнате Саюри, но Хидэёши уже приехал. Я наблюдал за ними, спрятавшись в тени, и ждал подходящей возможности. Мне дважды приходилось прятаться за углом, когда Хидэёши ходил в уборную. Я подумывал о том, чтобы подойти к Саюри, но я не мог riskовать быть пойманным до того, как мы с Саюри сбежали бы.

Когда стало совсем поздно, Хидэёши напился и попытался уговорить Саюри раздеться. Ей не потребовалось много времени, чтобы понять, чего он хочет. Она была очень напугана... я готов был вбежать в комнату и прикончить его. Если бы он попытался взять ее силой, я бы так и сделал.

Хидэтаро замолчал. Отец Матео открыл было рот, но спохватился и ничего не сказал.

Мгновение спустя Хидэтаро продолжил:

— Я услышал, как Саюри упомянула уборную, так что пересек двор и спрятался за кабинкой, но ее очень долго не было.

Хиро хорошо понимал, в чем тут дело. Саюри разговаривала с Маюри, прежде чем пойти в уборную.

— Когда она наконец пришла, я раскрыл себя и попросил ее сбежать вместе со мной.

— Но она отказалась, — сказал Хиро.

— Вообще-то, она сказала, что согласна, но очень боится Ёши. Она боялась, что он бросится за нами в погоню и убьет. Еще Саюри сказала, что он заявил о покупке ее контракта. Я ответил ей, что этого не будет, потому что суд поддержит мой иск, поскольку я несколько месяцев вносил платежи. Я сказал, что немедленно пойду к Маюри и она будет вынуждена принять мои претензии.

— Но вы знали, что она их не примет, — сказал Хиро.

— Было поздно. Саюри плакала. Я должен был что-нибудь сделать. Саюри не позволила бы мне поговорить с Маюри. Она сказала, что уже пыталась, но у нее ничего не получилось. А потом она сказала кое-что странное. Якобы Ёши заявил, что может поиметь любую девушку из Сакуры в любое время. И так часто, когда захочет.

— Если Саюри была так напугана, почему не ушла вместе с вами? — спросил Хиро.

— Она боялась, что Ёши поднимет тревогу и нас поймают. К тому же ее кимоно принадлежало чайному дому, Маюри могла обвинить Саюри в воровстве, если бы она сбежала в нем. Мы решили, что будет лучше, если она подождет в уборной, пока Ёши не уснет, а потом сбежит со мной. Утром, после того как он уйдет.

— И куда вы пошли после этого? — спросил Хиро.

— Домой. Это заняло у меня примерно час. Почти сразу, как я отошел от Сакуры, начался дождь, поэтому я укрылся под деревом и ждал, когда он закончится.

— Кто-нибудь может подтвердить ваш рассказ? — спросил Хиро.

— Вообще-то, да, — ответил Хидэтаро. — До того как начался дождь, я заметил, что за мной следит какой-то самурай. Фигура держалась в тени, прилагая к тому немалые усилия, что только выдавало ее. Я притворился, что повернул за угол и нырнул к стене. Когда силуэт прошел мимо, я выпрыгнул и схватил его. Вернее, ее. Это была Ёсико.

— Ёсико? — переспросил Хиро.

— Она слышала, как я спорил с ее отцом, поэтому и пошла за мной, чтобы убедиться, что я ничего с ним не сделаю.

— Она слышала, о чем вы договаривались с Саюри? — спросил Хиро.

— Сначала я переживал на этот счет, — признался Хидэтаро, — но она сказала, что не слышала. Она, видимо, пряталась за садовой стеной. Ёсико видела, как я ждал возле

комнаты, а потом пошел к уборной, но она не знала, что я разговаривал с Саюри.

— И как такое возможно? — спросил Хиро.

Хидэтаро принялся размышлять вслух:

— Уборная частично находится за чайным домом, а Саюри подошла со стороны дома.

Она вышла из чайного дома через заднюю дверь, а не со стороны веранды. Я же прятался за уборной, где ко мне присоединилась и Саюри. Так что человек, стоящий у ворот сада, не мог нас видеть.

— Но этот человек мог видеть тени на стене комнаты Саюри. Или убийцу, вышедшего на веранду после убийства, — предположил отец Матео.

Хидэтаро покачал головой:

— Только если убийство произошло, когда мы с Саюри разговаривали. Я ушел сразу, как только Саюри зашла в уборную. Ёсико пошла следом за мной.

Хиро встал и поклонился:

— Спасибо за то, что уделили нам время. Благодарю за вашу честность.

— Когда я подумал, что мы с Саюри можем вместе сбежать, я был готов сказать что угодно, чтобы убедить вас в нашей невинности, — сказал Хидэтаро, провожая их до двери. — Если мы не сможем оба избежать гнева Нобухидэ, я скажу то, что должен. Ради ее спасения.

Отец Матео с Хиро прошли обратно в город, когда небо побледнело, а облака горели оранжевым в лучах заходящего солнца.

— Ну, я думаю, что Хидэтаро не маскировался под торговца рисом, — сказал отец Матео, а потом добавил: — Мы не можем позволить ему взять вино на себя, если он ни в чем не виноват.

— Не переживай, — ответил Хиро. — Нобухидэ ему не позволит. Хидэтаро хочет спасти Саюри, но Нобухидэ моментально все поймет. Только настоящий убийца отведет его меч в сторону.

Они перешли через мост Камо, выйдя на дорогу Сидзё, но Хиро не повернул на север, к церкви.

— Почему мы опять идем к чайному дому? — спросил отец Матео. — Маюри это не понравится.

Хиро улыбнулся:

— Я знаю.

Когда Маюри открыла дверь, она даже не пыталась скрыть свое раздражение.

— Это место, где ведут бизнес, а не путевая станция Токайдо! Как мне зарабатывать себе на жизнь, если вы ходите туда-сюда?

— Так или иначе, завтра все закончится, — сказал Хиро. — Нам еще раз надо поговорить с Саюри.

— Один раз, — сказала Маюри. — Последний.

Она провела их в дом.

Тонкий запах риса и жареного мяса долетел до носа Хиро, смешавшись с легким ароматом цветов и духов — запах чайного дома, готовящегося принять своих гостей.

По воздуху плыла мелодия сямисэна. Каждая нота выростала, колыхалась и умирала, словно опавший с дерева цветок. Хиро узнал эту песню. Она рассказывала о потере, смерти и завершении. Мелодия вызывала такие четкие и ясные мысли, что ему не надо было гадать, кто играл и что вдохновило его на этот выбор.

Саюри сидела спиной к двери. Она с любовью держала сямисэн в руках и даже не повернулась и не оглянулась, когда дверь с шумом отъехала в сторону. Хиро с отцом Матео подождали, пока она не закончила играть и бережно не положила инструмент на пол.

Потом она обернулась и от удивления открыла рот.

Маюри с мягким шелестом закрыла дверь, оставляя их одних.

— Акеши Хидэтаро передает привет, — сказал Хиро. — И шлет свои самые наилучшие пожелания.

Саюри нахмурилась:

— Зачем вы надо мной издеваетесь?

— Я не издеваюсь, — сказал Хиро. — Его смерть вас спасет. У вас больше нет причин бояться.

— Смерть? — сдавленным шепотом сказала девушка. — Нет. Он никого не убивал.

— Сомневаюсь, что Нобухидэ найдет ваши слова убедительными, — солгал Хиро. — Особенно, когда услышит признание Хидэтаро.

— Как он может признаться, если не убивал Хидэёши?

— А он заявляет, что убил, и его рассказ выглядит весьма убедительно. Он ненавидел Хидэёши, а Нобухидэ знает, что они спорили из-за вас.

Саюри поднесла руку к горлу:

— Он не убивал. И я могу это доказать.

— Я вам не верю, — сказал Хиро. — Женская ложь не поможет Хидэтаро сохранить свою жизнь.

Саюри опустила взгляд на колени. Когда она снова подняла глаза, они были полны слез. Лоб сморщился, а нос покраснел от попытки сдержать их, но слезинки катились по ее щекам, когда она заговорила.

— Той ночью Хидэёши хотел, чтобы я не только пела. Он хотел... всего. Права покровителя, даже еще не будучи им. Я не хотела. Так ему и сказала, но он был таким пьяным и таким сильным. Я знала, что не смогу его остановить. Поэтому я попросила Маюри вмешаться.

— Но она отказалась, — сказал Хиро.

Саюри подняла руку и вытерла щеку.

— Я боялась, что если Хидэёши сделает это со мной, то Хидэтаро я больше буду не нужна. Поскольку Маюри мне не помогла, я решила спрятаться в уборной, пока Хидэёши не уснет. Но там я увидела Хидэтаро. Он хотел, чтобы мы сбежали, но мне было очень страшно. Я подумала, что Хидэёши может последовать за нами и убить Хидэтаро. Я не могла позволить такому случиться. В конце концов мы решили, что я всю оставшуюся ночь буду прятаться в уборной, а утром мы сбежим.

— Как долго вы прятались? — спросил Хиро.

— Я точно не знаю. — Саюри покачала головой и вытерла щеку. Она почти перестала плакать. — Я оставалась там столько времени, сколько потребовалось луне, чтобы сдвинуться в небе примерно на ладонь. Я наблюдала, как она поднимается над окном, а потом подождала еще несколько минут.

Она глубоко вздохнула.

— Когда я вернулась в комнату, Хидэёши был мертв. Он все еще стоял на коленях, но голова и плечи лежали на полу. Было так много крови...

Она замолчала, но потом продолжила:

— Я не могла просто стоять и смотреть на его изломанное тело, поэтому перетащила его на тюфяк. Так его кровь и попала на мое кимоно. Я испугалась. Решила, что это Хидэтаро убил Хидэёши, пока я пряталась в уборной. Я вышла на веранду, но там никого не было. Когда я закрыла дверь, я поняла, что кровь Хидэёши пропитала все мои носки. Я сняла их и спрятала под кимоно. Не знаю почему. Я мыслила не очень здраво.

— Что вы сделали потом? — спросил Хиро.

— Я села в углу, подальше от тела, и принялась ждать утра. Я придумала историю, в которой я уснула и якобы поэтому не позвала на помощь.

— А почему вы не позвали?

— Хотела дать Хидэтаро время уйти подальше.

— И сейчас вы заявляете, что он невиновен, — сказал Хиро.

— У меня было время, чтобы все обдумать, пока я сидела у тела Хидэёши, — сказала Саюри. — Я поняла, что Хидэтаро этого не делал. Ну, не стал бы он этого делать. Зачем ему убивать собственного брата и рисковать тем, что меня обвинят в его смерти, когда утром мы собирались сбежать?

Прежде чем Хиро успел ответить, открылась дверь.

— Собираются гости, — сказала Маюри. — Я должна попросить вас уйти. Приношу извинения за неудобства.

В ее улыбке не было и намека на извинение, но Хиро и так уже закончил допрос Саюри.

Мужчины шли домой в молчании, а небо становилось все темнее, появились звезды. Когда они подошли к церкви, отец Матео спросил:

— А нам не нужно поговорить с Ёсико? Чтобы убедиться, что она может подтвердить рассказ Хидэтаро?

— Не сейчас, — сказал Хиро. — У нее несколько раз была возможность рассказать нам об этом, но она этого не сделала. А это значит, ей есть что скрывать.

Священник не успел ответить, как распахнулась дверь церкви. В дверном проеме стояла темная фигура в португальском дублете и лосинах. Фигура раздраженно уперла руки в бока.

— Вы вовремя, — заявил Луис. — Я нашел потерявшегося шпиона.

Луис провел их в дом и махнул в сторону очага.

На татами, скрестив ноги, сидел лысый человек с длинными усами. Он пил чай из фарфоровой чашки. Хиро не видел никаких признаков меча, а кимоно мужчины было провинциального фасона. Небольшая щетина покрывала его затылок и росла по бокам, но волосы на макушке были чуть длиннее, что означало, в этой области брили чаще.

Когда Хиро и отец Матео вошли, незнакомец не поднял взгляд и ничего не сказал, пока мужчины не присоединились к нему у очага.

Хиро аккуратно расправил кимоно таким образом, чтобы оно не помешало ему, если придется очень быстро вскочить на ноги. Шпиону господина Оды не было смысла возвращаться в Киото, если только он не хотел устранить свидетелей. Луис принял невероятно глупое решение, притащив незнакомца в дом.

В данной ситуации Хиро предпочел бы, чтобы торговец сбежал.

— Позвольте мне представить пропавшего шпиона из чайного дома, — с широким жестом сказал Луис.

Лысый незнакомец поднял голову:

— Я Акеши Мицухидэ.

Хиро был ошеломлен.

У отца Матео отвисла челюсть. Он открывал и закрывал рот, словно рыба, выброшенная на берег.

Первым пришел себя Хиро.

— Как такое возможно?

Луис самодовольно распрямил плечи. В другой день Хиро это показалось бы крайне неприятным.

— Я, конечно же, поехал за ним. Между Нагоей и Киото есть только одна дорога, а у него было четыре переполненных телеги с рисом и оружием. Было не трудно его догнать.

— Как ты понял, что это он? — спросил отец Матео.

— Ты на самом деле бросился в погоню за убийцей? — в один голос со священником спросил Хиро.

— Ну, я не знал, что это убийца, — сказал Луис. — Но даже если и так, я вряд ли мог пустить все на самотек, если на кону стоит жизнь Матео.

После короткого тягостного молчания, когда, казалось, Луис понял, что его поступок был несколько более храбрым, чем он сам предполагал, торговец добавил:

— Из-за этого могли возникнуть проблемы с моим бизнесом.

— Как ты убедил его вернуться? — спросил Хиро.

— Я сам предложил, — сказал Мицухидэ. — В конце концов, я в долгу перед братом.

— Вы его не убивали, — сказал Хиро. — Если бы убили, то не вернулись бы сюда.

— Вполне возможно, что я видел убийцу. Я расскажу вам все, что знаю, но на двух условиях.

Он замолчал. Отец Матео уже хотел было согласиться, но Хиро остановил его взглядом и уклончиво кивнул, не сказав ни слова.

Мицухидэ, по-видимому, нашел это вполне приемлемым.

— Я уехал из Киото несколько месяцев назад, чтобы присоединиться к другому

даймё, — сказал он. — Некоторые могут назвать меня предателем, но у меня на то были свои причины, которые к этому разговору отношения не имеют. Я не буду об это говорить, а вы не будете об этом спрашивать. Это мое первое условие.

В глазах Мицухидэ Хиро увидел вызов. Синоби слегка кивнул в знак согласия.

— Второе: я не останусь и не стану говорить с семьей брата. Как только расскажу, что знаю, сразу уеду. Что вы сделаете с той информацией, что я вам предоставлю, — это ваше дело. Но предупреждаю, то, что вы будете упоминать мое имя, друзей вам не прибавит, даже среди людей моего клана. И вы не станете меня преследовать или останавливать.

Это мое второе условие.

— Если вы расскажете всю правду и никому в этом доме не причините вреда, то ваши условия приняты, — сказал Хиро.

Мицухидэ кивнул.

— Я вернулся в Киото два дня назад, чтобы купить для господина Оды оружие. Побрил голову и замаскировался под купца, чтобы меня не узнали, но решил рискнуть и встретиться с Хидэёши ночью перед своим отъездом. Это было глупо, но кровь есть кровь. — Он помолчал. — Возможно, я выбрал не лучшее слово.

Я пришел в Чайный дом Сакуры, потому что знал: там Хидэёши проводит свои вечера. Я попросил себе девушку, ее имени я не спрашивал, дал ей золотой кобан, надеясь, что богатство ослепит ее и она обо мне не вспомнит.

— Это сработало, — с улыбкой сказал Хиро. — Она решила, что вы очень скучный.

Мицухидэ рассмеялся:

— Как я и хотел. Скучного человека весьма непросто вспомнить. Девушка развлекала меня в передней комнате с западной стороны чайного дома. Через стену была комната Хидэёши.

— Вы разговаривали с ним? — спросил Хиро.

— Да, — ответил Мицухидэ, — в уборной после ужина. Он не был рад меня увидеть. Сказал, чтобы я занимался тем, за чем приехал, но больше никогда не общался ни с ним, ни с его семьей.

— Неудивительно, — сказал отец Матео.

— Он понял, почему я встал на сторону господина Оды, — возразил Мицухидэ. — Он возражал лишь по той причине, что я хотел забрать с собой Нобухидэ. Мальчишка лишь впустую тратит время на посту ёрики. Я мог сделать из него настоящего самурая. Но Хидэёши отказался отпустить Нобухидэ, и я принял его решение. Сказал, что никогда не попрошу его об этом снова.

Я вернулся в комнату и допил сакэ. Я хотел уехать пораньше, но девушка была очень симпатичной и пела весьма неплохо, так что я остался чуть дольше, чем предполагал. Из чайного дома я ушел после полуночи и направился в Понто-тё, чтобы найти магазинчик сакэ, где можно было бы скоротать время до встречи с португальским торговцем.

— Луис, — подсказал ему Луис. — Луис Альварес.

— Когда я ушел из Сакуры, я заметил, что кто-то прячется в тени у ворот сада.

— Перед воротами или за ними? — спросил отец Матео.

Хиро одобрил его вопрос.

— Перед, — ответил Мицухидэ. — Я сделал вид, что не заметил, чтобы не ввязываться в драку.

Торговцы не носили мечей, но Хиро подозревал, что у Мицухидэ под одеждой

скрывается какое-то другое оружие. Синоби на его месте точно бы сделал именно так. И он тоже был бы против того, чтобы выставлять его напоказ или привлекать к нему внимание.

— Я прошел немного вниз по дороге, — продолжил Мицухидэ, — приглядывая за тенью на случай, если она пойдет за мной. Но как только я прошел, женщина вошла в чайный дом.

— Женщина? — спросил отец Матео. — Человек, который прятался в кустах оказался женщиной?

— Я видел ее только со спины, — сказал Мицухидэ. — Большинство фонарей уже не горело, так что я не смог ее разглядеть более детально, но ее оби на кимоно был завязан спереди.

— Проститутка? — уточнил Хиро.

— Никто больше таким образом оби не носит, — подтвердил Мицухидэ. — Потому и заметил. Тогда я подумал, что она крадется, чтобы никто не узнал, что она выходила. Но узнав о смерти Хидэёши, я задумался, может быть, это она была убийцей. Или, по крайней мере, еще одним свидетелем, который мог что-нибудь видеть. Если вы сможете найти ее.

— Вполне возможно, — сказал Хиро.

— Спасибо за то, что проделали весь этот путь, чтобы поговорить с нами, — сказал отец Матео. — Вы, возможно, спасли две жизни.

— У меня есть еще один вопрос, — сказал Хиро. — Был ли у Хидэёши другой источник доходов, помимо пособия, выплачиваемого сёгуном?

— Если и так, то мне об этом ничего не известно, — ответил Мицухидэ. — Хотя меня бы это не удивило. Чайные дома — удовольствие не из дешевых, а Хидэёши проводил там много времени. Однако мы не так хорошо друг друга знали, я не часто приходил к нему. Мы вряд ли стали бы обсуждать его дела.

Мицухидэ поднялся и выпрямил ноги.

— Благодарю за ваше гостеприимство. А сейчас, как мы и договаривались, мне пора уходить.

— Может, хотите отдохнуть? — спросил отец Матео. — Мы найдем место, где вы сможете поспать.

Мицухидэ снисходительно улыбнулся, словно родитель, который пытается не рассмеяться над ошибкой ребенка.

— Думаю, будет лучше, если я уйду. Вам не удастся спасти те жизни, да и несколько других, если приближенные сёгуна узнают, что я здесь.

Хиро проводил Мицухидэ до двери и вернулся к очагу как раз вовремя, чтобы услышать, как отец Матео говорит:

— Ты вообще представляешь себе, насколько рисковал?

— Вряд ли риск был, — хмыкнул Луис. — Эти японцы прекрасно знают, если они мне что-нибудь сделают, их император в мгновение ока срубит им головы. Кроме того, они все в курсе, что я вооружен. А я стреляю гораздо лучше, чем они.

Луис перевел взгляд со священника на очаг, его руки ерзали на коленях. Хиро был впечатлен необычным скромным поведением торговца.

Но на этом разговор не закончился.

— Даже ты сейчас уже вполне способен найти убийцу, — обратился к Хиро Луис. — Особенно, если учитывать, что кто-то самое трудное сделал за тебя.

— Возможно, и способен, — сухо ответил Хиро. — Однако у меня к тебе еще один вопрос. Откуда такая уверенность, что торговец не убийца? В противном случае, ты бы за ним в погоню не бросился.

Даже Луис не был настолько глуп. Но эту мысль Хиро оставил при себе.

— Он показался мне очень знакомым, — сказал Луис. — Он сказал, что мы раньше не встречались, но он не был напуган и не таранился на меня, как все остальные. Я просто считал его коварным и эгоистичным ублюдком, как и всех других торговцев его сорта, но, когда ты показал мне неразборчивую печать и рассказал об убийстве, я понял, что видел его прежде. Он выглядел иначе с по-другому стриженными волосами, и еще эта его поеденная молью одежда... но вчера вечером я понял, кто он такой. И догадался, что он не убивал своего брата. Даже нрав самурая имеет свои пределы.

— Почему ты ничего не сказал нам перед отъездом? — спросил отец Матео. — Я подумал...

Луис фыркнул.

— Ты подумал, что я сбежал, чтобы спасти свою шкуру. Неужели, Матео? Такие мысли я мог ожидать от него, — он махнул на Хиро, — но только не от тебя.

— Но ты забрал императорский пропуск.

— Без него я не смог бы миновать баррикады. Прости, что не сказал о своей поездке, но я не хотел, чтобы у тебя была надежда. Я мог и не найти его или вообще ошибиться на его счет.

Раздался стук в дверь. Из кухни появилась Ана, исчезла в фойе и вернулась мгновение спустя.

— Это рыбак, он пришел поговорить с отцом Матео. — Ана вздохнула, вскинула руки и направилась на кухню, бормоча себе под нос: — Хм... Вечно приходит молиться. Ходит в любое время, но хоть бы раз ради приличия принес рыбешку или две.

Отец Матео, извинившись, ушел. Хиро воспользовался возможностью и оставил самодовольного Луиса в одиночестве у очага. Торговец все еще не нравился синоби, но он умел признавать хорошие качества даже у неприятных ему людей. Теперь он не любил Луиса чуть меньше.

Хиро ушел в свою комнату и достал обрывки листов из чайного дома Сакуры. Он положил их на письменный стол и долго смотрел на них, думая о том, что он знает об

убийстве. Пока его мысли перескакивали с одного факта на другой, Хиро понял, что улыбается. Несмотря на риск для него самого и для отца Матео, расследование убийства позволило ему вспомнить те навыки, которые оказались не нужны ему с самого приезда в Киото. Навыки, которые когда-то спасли ему жизнь. Он каждое утро тренировался, чтобы не растерять своих способностей, но Хиро скучал по восторгу, который испытывал, когда рисковал жизнью.

Пока он сидел задумавшись, из-под стола показалась тоненькая черная лапка и схватила страницу учетной книги.

— Эй!

Эта дерзкая кража в мгновение ока вернула Хиро в настоящее. Крошечная кошечка пронеслась по полу, держа в зубах лист бумаги. За дверью она повернула, но ее занесло. Пушистые задние лапы поскользнулись на гладком полу, но она моментально восстановила равновесие и исчезла из вида.

Хиро вскочил на ноги и бросился в погоню.

Он добрался до двери в тот момент, когда котенок завернул за угол комнаты отца Матео. Дверь была открыта. Хиро едва успел осознать, что у священника может быть посетитель, когда сам уже оказался на пороге.

К счастью, комната была пуста, за исключением священника и восторженного котенка, который вытянув лапы, проскакал через футон отца Матео и рванул в сторону двери, выходящей на веранду. Священник сидел на полу, скрестив ноги и глядя на темнеющий сад спиной к комнате, и не видел бегущего котенка.

Та запрыгнула ему на плечо, потом на колени и вылетела в темную ночь.

Хиро вздохнул.

— Прости. У нее бумага. Полагаю, теперь потерянная.

— Вот эта? — Отец Матео обернулся, держа в руках клочок бумаги. Вдоль края он был мокрым, но целым.

Священник усмехнулся, потом чихнул.

— Она была слишком занята, пытаясь удрать от тебя, потому не заметила меня и лишилась своей добычи.

Он протянул бумажку, но Хиро медленно покачал головой.

— Мне он больше не нужен. Я уже знаю ответ.

Отец Матео хмуро посмотрел на обрывок.

— Разве это не один из листов учетной книги Сакуры? — Он, вздрогнув, поднял глаза. — Ты знаешь, кто убийца? Когда ты это узнал?

Хиро улыбнулся:

— Минуту назад. Ты дал мне последнюю подсказку.

— Я подсказал? Но каким образом?

— Утром расскажу. У меня есть еще одна проблема, которую нужно решить.

Отец Матео встал.

— Тогда идем.

— Ты не идешь, — сказал Хиро. — Я должен сделать это один.

— Ты не можешь просто так меня здесь оставить.

— Ты веришь, что твой Бог отвечает на молитвы? — спросил Хиро.

— Он отвечает. Это не вопрос веры.

— Так вставай на колени и молись, — сказал Хиро. — Только разбуди меня, когда

соберешься ложиться спать.

Хиро вернулся в свою комнату и лег отдохнуть. Ему сегодня не придется много спать, но годы тренировок научили его отдыхать в любое время, когда была такая возможность.

* * *

Хиро проснулся в тот момент, когда отец Матео вошел в комнату.

Синоби, насторожившись, сел.

— Время?

— Час ночи.

— Прекрасно. Спасибо.

— Я все-таки думаю, что должен пойти с тобой.

— Это невозможно, — сказал Хиро. — Это я должен сделать сам.

— Ты собираешься убить Нобухидэ?

Хиро приподнял брови в притворном удивлении.

— А это неплохая идея. Ты не возражаешь?

— Конечно, возражаю! Ты не можешь предотвратить убийство, совершив еще одно.

— Ну, не знаю, — задумался Хиро. — Устранив Нобухидэ, можно решить много проблем.

Отец Матео нахмурился.

— Ты шутишь, да? Я сначала подумал, что шутишь, но сейчас я сомневаюсь. Я запрещаю тебе убивать Нобухидэ.

— Расслабься. Я не планирую никого убивать сегодня ночью. Если у меня все пройдет по плану, завтра днем Нобухидэ уже не будет проблемой для нас... или для Саюри...

Хиро сменил свое кимоно на черные мешковатые штаны и темно-синюю куртку, которая завязывалась спереди на манер кимоно. В отличие от обычного сюрко, у куртки были узкие рукава, подвязывалась она специальным поясом. Вместо обычного оби использовался длинный кусок ткани, свернутый в трубочку. Внутри была спрятана веревка и прикрепленный к ней небольшой крюк кагинава. Хиро обернул вокруг талии еще один кусок ткани и закрепил его на оби. Он послужит маской, когда синоби прибудет на место.

Хиро спрятал свой капюшон в заднюю часть куртки, где тот исчез в специальном кармане, предназначенном именно для этой цели.

Синоби открыл деревянный сундук, стоящий рядом со столом, и аккуратно вытащил из него все бумаги. Когда ящик опустел, он нажал на фальшивое деревянное дно, чтобы открыть секретный отдел, где хранил особое оружие. Оружие синоби. Оно сверкало в отблеске свечей, пока Хиро отбирал нужное.

Пять сюрикенов, метательных звездочек, могут служить или снарядом, или оружием в руках во время боя. Хиро положил их в кармашки с внутренней части рукавов. Горстка тетсубиси присоединилась к сюрикенам вместе с шуко, альпинистскими когтями, которые надевались на запястья, чтобы было удобно карабкаться по стенам. Насколько Хиро успел понять, они так же были неплохим оружием и в близком бою.

Он оставил остальное оружие и аккуратно положил фальшивое дно на прежнее место. Хиро заполнил сундук бумагами, снял со стены мечи и пару кинжалов и закрепил на талии кожаный мешочек, внутри которого лежали принадлежности для огня, моток веревки и кайро — кусочек бамбука, которые Хиро использовал для переноса углей, горячей воды или еще чего-нибудь.

Он дважды проверил все, чтобы убедиться, что не забыл ничего нужного. Хиро сомневался, что ему это все пригодится, но будет лучше, если он возьмет свои инструменты, нежели умрет из-за их отсутствия.

Пришло время уходить.

Высоко в небе висела полная луна, похожая на огромный золотой кобан.

Хиро предпочитал работать в кромешной тьме, но он не мог выбирать время для своего задания. Уверенным шагом самаурая он отправился по своим делам.

Хиро миновал храм, повернул налево к реке Камо и пошел на юг вдоль реки к Понто-тё. По дороге он не встретил ни единой души, только в нескольких домах у реки еще горели огоньки. От легкого ветра по воде шла рябь, в воздухе слегка пахло рыбой. Хиро слышал аромат, исходящий от деревьев и какого-то цветущего растения, вкупе с прогорклым запахом, вероятно, от объедков и нечистот.

Пока Хиро шел, он вспоминал про Ига. Восемнадцать месяцев — это очень мало, но в тоже время — вечность. Он скучал по друзьям и родным. Пару дней назад он всего лишь хотел заработать право вернуться домой. Ничего не изменилось, за исключением того, что впервые за все время своего текущего назначения он перестал видеть в нем лишь наказание. Если бы он не был синоби, отец Матео скорее всего умер бы.

Пройдя примерно километр на север от Сандзё, Хиро сошел с дороги и исчез в тени под деревьями. Большинство домов со стороны реки окружали садовые заборы, Хиро старался держаться как можно ближе к ним, чтобы его не заметили. Когда он добрался до последнего

дома перед дорогой Сандзё, он вытащил ткань из оби и обернул ею лицо. Надел капюшон и взобрался на вишневое дерево, растущее у стены и перекинувшее свои ветви через нее.

Оказавшись на дереве, Хиро вытащил катану и привязал ее к ветвям деревьев, где ее никто бы не смог увидеть. Хотя длинный меч был нужен для поддержания образа самурая, он мог помешать маскировке.

Его руки нашли завязки внутри рукавов, потянув за которые ему удалось туго затянуть манжеты на запястьях. Тоже самое Хиро сделал и завязками на лодыжках.

Разобравшись с одеждой, Хиро пополз дальше по дереву, пока не оказался примерно в метре над карнизом дома. В отличие от дома Акеши, этому не хватало заботы садовника, раскидистые ветви вишневого дерева нависали в нескольких сантиметрах над крышей.

Хиро сполз со ствола и вытянулся на ветке. Под его весом она прогнулась, потом уперлась в крышу. Когда листья коснулись карниза, Хиро пополз еще медленнее, чтобы шорох не всполошил жильцов.

Он не видел никаких огней, но это не означало, что все спят.

Добравшись до крыши, Хиро слез с ветки, не издав и звука, потом медленно вернул ее в исходное положение. За все это время не шелохнулся ни единый лист.

Хиро присел и прислушался. Он ничего не услышал внизу и не увидел ни фонарей, ни какого-либо другого света. Через пару минут синоби взобрался на самый верх крыши. Он старался прижиматься как можно ниже, чтобы его силуэт не выделялся на фоне неба.

Ни на улице, ни во дворе Хиро никого не увидел. У соседнего дома с восточной стороны все ставни были закрыты. Его владельцы уже разошлись по кроватям.

Хиро перепрыгнул с крыши на раскидистую соседскую сосну. Иголки пахли остро и свежо. После вишневого дерева кора казалась ему успокаивающе жесткой и твердой. По соснам было гораздо проще взбираться.

У Хиро заняло лишь несколько мгновений, чтобы перепрыгнуть с сосны на крышу соседнего дома. На этот раз до верха он передвигался очень медленно, поскольку со второй крыши хорошо был виден Чайный дом Сакуры... как и сам Хиро был бы хорошо виден с его двора.

Синоби присел за стропилами, тянущимися по всей длине крыши. Грубая солома впивалась ему в подошву и в колени.

Запах сосны подсказал Хиро, что он коснулся смолы одеждой или телом. В Ига это означало бы провал, но, к счастью, это не было тренировкой. Аромат цветов и духов перебьет запах от пятен сосны.

Хиро дотянулся до конька крыши и посмотрел на чайный дом.

Ставни были открыты, в каждом окне первого этажа ярко сиял свет, тогда как все окна второго были темными.

Хиро переполз по крыше до пары огромных раскидистых вишневых деревьев, растущих около уборной чайного дома. Насколько он помнил, их ветви дотягивались до стены. Не совсем так, как у соседской крыши, но вполне близко, чтобы можно было перепрыгнуть.

Он присел и прыгнул. Под ним разверзся двухметровый разрыв, но Хиро не сводил глаз со своей цели. Мгновение спустя, он почувствовал под своими пальцами колючую кору. Он схватился за ствол, расслабив мышцы, чтобы остановить падение, не сломав веток.

Меньше чем через минуту, когда он перепрыгнул на дерево, отъехала дверь и на веранду вышел дородный самурай. За ним, в ночь, вылетел звонкий женский смех. Голос похоже принадлежал Рико, хотя Хиро и не был уверен.

Смурай обернулся и рассмеялся в ответ, потом вышел на крыльцо и вразвалочку направился к уборной. Он был немного пьян и слегка пошатывался, но все держал под контролем. Хиро наблюдал как тот прошел под деревом и вошел в кабинку.

Когда самурай зашел внутрь, Хиро неслышно прополз по веткам до того места, где листва была достаточно плотной, чтобы в ней можно было спрятаться

Там Хиро и принялся ждать.

Несколько минут спустя пьяный самурай вышел из уборной и вернулся в чайный дом. Его поприветствовал женский смех, а фигура, сидящая на коленях, задвинула за ним дверь. Их тени отступили дальше в комнату и Хиро теперь видел только отблеск свечей на бумажных панелях.

Луна продолжала свой бег по небу.

Некоторое время спустя, Хиро услышал бормотание на крыльце или, возможно, на улице. Женщина крикнула: "Спокойной ночи", мужской голос ответил что-то неразборчивое. В комнате самурая свечи все еще горели, так что Хиро решил, что это ушел другой гость.

Чуть позже огонек замерцал по пути в комнаты второго этажа. Сначала он был бледным, но становился все ярче, как будто кто-то нес фонарь по лестнице. Потом он потух. Вероятно, тот, кто его нес, зашел в комнату и не хотел будить остальных. Хиро подождал, но огонек больше не появился.

Синоби откинулся на ветку дерева и принялся наблюдать за комнатой самурая. У Хиро было времени всего лишь до рассвета, но луна все еще стояла высоко. Он почти слышал голос отца, напоминающий, что нетерпение — враг скрытности. Этот урок задиры в Ига преподали ему весьма хорошо, и он отплатил им тем же, когда овладел мастерством терпеливости и внезапности.

Прошел еще час, чайный дом покинул последний посетитель. До Хиро с улицы донесся его пьяный смех. Он гадал, что думали соседи насчет поздних пирушек, и не научились ли они уже не обращать внимание на пронзительные крики подпивших самураев.

Мгновение спустя погасла последняя свеча внизу. Первый этаж погрузился во тьму. Через минуту свет появился в окне второго этажа. Он потух так же быстро, как и предыдущий. Хиро едва успел заметить женский силуэт на фоне бумажных панелей, прежде чем все огни в доме погасли. Только фонари возле уборной продолжали гореть.

Хиро ждал. Он наблюдал за чайным домом и за луной. Синоби слушал хор сверчков и лягушки, квакающей где-то на краю невидимого пруда. На дереве запела храбрая цикада, слишком ранняя для четвертого месяца года.

По небу пробежало облако, к нему присоединилось еще одно, и вместе они объединились в серую массу. Когда облако приблизилось к луне, Хиро расслабил мышцы, готовясь двигаться дальше.

Лунный свет померк, а потом погас полностью, когда облако заслонило бледный диск. Хиро соскользнул вниз по стволу дерева и помчался по двору, стараясь бежать низко и двигаясь быстро, чтобы его не обнаружили. К тому времени, когда луна выплыла из-за облаков, синоби уже исчез.

Хиро присел у стены возле задней двери, ведущей в чайный дом. Бумажные панели были темными и непрозрачными, за ними не было видно ни движения, ни отблеска света. Синоби положил руку на дверь и, немного приподняв ее, чтобы не сильно грохотала по деревянным пазам, открыл ее достаточно, чтобы проскользнуть внутрь. Оказавшись в доме,

он беззвучно закрыл дверь.

Слева от него уже знакомый коридор вел к лестнице на второй этаж. Справа находилась цель Хиро — кабинет Маюри.

Хиро бросил взгляд на лестницу. Слабый мерцающий свет говорил о том, что наверху горит свеча. Кто-то все еще не спал, отчего вылазка Хиро принимала опасный оборот, но синоби решил не рисковать и не возвращаться во двор. Поскольку на страже стояли люди Нобухидэ, а в любой момент кто-нибудь мог выйти в уборную, Хиро не хотел без лишней необходимости выходить во двор.

Он повернул направо и направился к двери в кабинет, используя походку нуки-аши, чтобы не скрипели полы.

Оказавшись внутри, Хиро открыл сундук, где Маюри хранила свои записи. Как он и ожидал, на самом верху лежали совершенно новые учетные книги. Он вытащил из мешочка свечу, огниво и металлическую заслонку. Потом Хиро зажег свечу и накрыл ее заслонкой, чтобы остался лишь совсем маленький кусочек света. Он взял в руки первую книгу, поднес ее к свету и принялся за чтение.

В книге были записан весь приход и расход Чайного дома Сакуры — в основном список имен и сборов. Но книга была датирована тремя годами раньше, да и цифры были гораздо ниже, чем на тех страницах, что Хиро спас из огня.

Листая страницы, Хиро наткнулся на заголовок "Акеша Хидэёши". Это имя стояло в начале двух страниц, на которых были записаны личные счета клиента и ежемесячный доход чайного дома. Познания Хиро в бухгалтерском учете находились в зачаточном состоянии, но даже он был способен понять, что все это означает.

Акеша Хидэёши владел частью чайного дома.

Хиро замер. Он скорее почувствовал шум, нежели его услышал: едва слышный скрип дерева, словно оседал фундамент. Или легкие шаги по лестнице.

Хиро не стал рисковать.

Он убрал книгу, беззвучно закрыл сундук и задул свечу. Хиро стоял в темноте и прислушивался.

До него долетел шорох, едва слышный в сонной тишине дома. Синоби подошел ко встроенному шкафу в задней части комнаты. Он прекрасно помнил, где находилась раздвижная дверь. Под рукой синоби она отъехала с легким шепотом. Хиро прищурившись посмотрел в темноту, ища укрытие.

Шкаф высотой два с половиной метра делила по горизонтали на две равные части деревянная полка. Верхние полки были заставлены чайниками и бутылками сакэ. На нижних лежали футоны и несколько стеганых одеял. К счастью, для человека там оказалось вполне достаточно места.

Хиро спрятал свечу и заслонку в мешочек, забрался в шкаф и закрыл за собой дверцу.

Мгновение спустя, дверь кабинета отъехала. Под дверцей шкафа и по его бокам заколыхались отблески света. Шелест шелка ознаменовал чье-то движение. Но этот кто-то двигался почти неслышно, словно крадущийся синоби.

Целую минуту Хиро ничего не слышал, потом раздался звук открывающегося сундука, крышка которого почти сразу закрылась с легким щелчком. По столу слегка стукнула книга, а чернильная палочка царапнула по поверхности чернильницы.

Сейчас была не середина месяца и не совсем обычное время для подсчетов, которые делала Маюри. Над чем бы она ни работала, ей хотелось сохранить это в тайне.

Хиро ждал, но не особо напрягаясь. Вряд ли его обнаружат. Если бы Маюри слышала, как он пробрался в комнату, она бы сразу открыла шкаф, поскольку нигде больше человек спрятаться не мог. Она не начала бы работать, если бы знала, что кто-то чужой находится в кабинете. Если Хиро не будет шевелиться и не издаст ни звука, она его не обнаружит.

По сравнению с другими местами, где он когда-либо прятался, в этом шкафу было просторно и безопасно, словно в его комнате в церкви.

Некоторое время Хиро вообще ничего не слышал. Чернильная палочка издавала слишком тихий скрип, чтобы он долетел до шкафа, да и Маюри сидела тихо и смирно. Каждые несколько минут шелестела страница, когда женщина ее переворачивала. Но помимо этого в комнате было так тихо, что Хиро слышал пение сверчков во дворе.

По ощущениям синоби прошло около часа, когда он услышал тихие, легкие шаги по лестнице. Кто-то проснулся и, скорее всего, направлялся в уборную.

Он услышал, как открылась и закрылась входная дверь. Звук едва было слышно в шкафу, поэтому Хиро сомневался, что в кабинете его можно было услышать.

Перевернулась страница. А потом — тишина.

Прошло несколько минут, входная дверь снова открылась, но на этот раз гораздо тише. Хиро чуть было не пропустил этот момент. Он был готов принять это за скрип дома, если бы не услышал в коридоре тихий шепот.

— Там. Под дверью.

По деревянному полу застучали гета, и дверь в кабинет с грохотом отъехала. Раздался звук разрывающейся бумаги.

— Вор, стой! — крикнул мужской голос.

Маюри вскрикнула от удивления. Бумаги разлетелись, а книга, скорее всего учетная, упала на пол.

— Что, во имя геенны огненной, вы здесь делаете? — требовательно спросила Маюри.

Хиро вздрогнул. Даже человек, который не верил в ад, оценил бы сравнение. В геенне огненной похотливые монахи и другие неразборчивые в связях мужчины несли наказание, соответствующее их поступкам.

Все молчали.

— Кто разрешил вам входить в этот дом ночью? — крикнула Маюри. — В гета! Порвали мне дверь! Пошли вон! Вон!

— Я... простите меня, — запнулся мужской голос. — Она сказала мне... Я подумал...

Через секунду в голосе послышалась злость.

— Ты же сказала, что в кабинете незваный гость!

— Простите, — проскулила Ёко. — Я выходила в уборную и увидела свет в окне. Я подумала, что это дух Акеши-сама.

— Дух? — прошипела Маюри. — Я что, по-твоему выгляжу как дух?

— Не совсем. — Ёко запнулась. — Больше нет.

— Пошли вон! Все! И не входите в дом ночью... даже если он будет гореть!

Гета простучали до двери, потом по коридору и по веранде, тогда как другие шаги затопали по лестнице. Вероятно, крик Маюри разбудил всех в доме. Хиро подозревал, что все остальные ждали наверху, пока не поняли, что теперь спустится вполне безопасно.

— Что вы здесь делаете? — спросила Маюри. — Середина ночи. Вы все должны спать!

— Только не тогда, когда так кричат, — сказала Окия.

— Невежественное заблуждение невежественного дурака, — фыркнула Маюри. —

Возвращайтесь в свои кровати.

Лестница закрипела, женщины возвращались вверх. Хиро решил, что они все разошлись, но мгновение спустя раздался голос Окии:

— Слишком поздно для подсчетов.

— У меня были незаконченные дела, а спать мне не хотелось, — ответила Маюри.

— Трехгодовалые дела? — Голос Окии переместился в комнату, дверь в коридор закрылась. — Я не стала ничего говорить при остальных, поскольку уважаю твои тайны, но у меня есть право знать, что происходит.

Маюри ничего не ответила.

Спустя некоторое время Окия продолжила:

— Я не так уж часто настаиваю на своих правах, но я владею третьей частью этого чайного дома и у меня есть право знать, что ты делаешь.

— Хорошо, — сказала Маюри. — Присаживайся.

Хиро услышал мягкие шаги по татами. Потом зашелестело кимоно, когда Окия усаживалась на пол.

— Дочь Хидэёши узнала о процентах отца, — сказала Маюри.

— Ты же говорила, что он все держит в тайне, даже от жены.

— Вероятно, это не так, — ответила Маюри. — И все становится только хуже. Я сожгла учетные книги тем утром, когда он умер, потому что была уверена, из-за закона самурая, запрещающего держать бизнес, он никому не рассказывал, что владеет третью чайного дома.

— Ты сожгла книги? — спросила Окия. — Зачем ты это сделала?

— Я не думала, что кто-то знает о его доле. Нобухидэ ничего об этом не говорил. Ты же понимаешь, что он заявил бы о своих правах, как только узнал. Я подумала, что, уничтожив учетные книги, я защищу нас.

Когда священник со своим псом-ронином начали рыскать вокруг, я забеспокоилась, что они увидят книги и решат, что мы каким-то образом замешаны в убийстве... особенно учитывая эту возню с Хидэтаро и контрактом Саюри.

— Я же сказала тебе, чтобы ты не отдавала ее Хидэёши, — сказала Окия. — Мы решили, что не будем ни продавать, ни обменивать девушек. Они не рабыни.

— Это была ошибка, — призналась Маюри. — Ты права. Я не должна была этого делать, но он обещал взять силой каждую девушку в чайном доме, если я не отдам ему Саюри. Включая тебя.

Окия рассмеялась.

— Хотела бы я на это посмотреть.

— Об этом больше не стоит переживать, у нас появилась проблема гораздо серьезнее. Наследницей является Ёсико, и она знает о чайном доме. Она была здесь прошлой ночью, требовала отчета и хотела знать, какого дохода ей стоит ожидать. Она потребовала учетные книги.

— Она в курсе, какой процент? — спросила Окия.

— Не знаю. Я не спросила. Я была слишком удивлена, что ей что-то известно. Он всегда говорил, что никому ни о чем не рассказывал, даже жене.

— Даже жене, — повторила Окия. — Ты так долго работаешь в плавающем мире и до сих пор не поняла, что мужчины врут?

Между женщинами повисла тишина. Перевернулась страница, потом еще одна. Спустя минуту или около того, Окия сказала:

— Могло быть гораздо хуже. Сейчас у нас новый партнер. По крайней мере, она не сможет лишиться девушек девственности, как это делал ее отец.

— Да, с этой частью я рада расстаться, — согласилась Маюри. — И я полагаю, свою долю он получил по праву. Я должна была знать, что та девушка убийца. Ее контракт был слишком дешевым.

— Это случилось много лет назад, — сказала Окия. — Тебе уже пора перестать себя винить.

— Это стоило нам с тобой части дохода, — сказала Маюри. — Вот о чем я жалею.

— Все эти разговоры не помогут тебе закончить работу с учетными книгами, —

ответила Окия. — Пойду-ка я выпью чая, прежде чем отправиться спать. Тебе принести?

— Да, спасибо.

Зашелестело кимоно, Окия подошла к шкафу.

— Возьму большой чайник.

Окия стояла по другую сторону от шкафа. Хиро услышал, как ее рука легла на ручку. Дверь заскрипела.

— Я тут подумала, что, пожалуй, закончу с учетными книгами и пойду спать, — сказала Маюри. — Если останусь на чай, завтра буду не в себе.

— Уверена? — спросила Окия.

— Да, спасибо. Никакого чая на ночь.

— Хорошо. — Голос Окии отдалился от двери. Она зевнула. — Тогда воспользуюсь маленьким чайником с кухни.

— Мне бы хотелось, чтобы Саюри признали невиновной в смерти Хидэёши, — добавила Окия у двери. — Я уверена, что это не она.

— Лучше она, чем мы, — сказала Маюри.

— Лучше стать свидетелем того, как свершилась справедливость.

В комнате стало тихо, за исключением шелеста страниц и стука чернильной палочки о чернильницу.

Хиро уселся на одеяла и снова принялся размышлять о фактах. Он восстановил ночь смерти Хидэёши, расставив всех подозреваемых по своим местам. Медленно, но верно кусочки собирались в целое, хотя ответ был несколько иным, чем он ожидал. Даже та версия, которая казалась такой удачной.

К тому времени как Маюри убрала учетные книги, Хиро знал, кто убил самурая.

После того как Маюри ушла из кабинета и отправилась спать, Хиро еще примерно полчаса сидел в шкафу. В доме было совершенно тихо. Синоби не знал, сколько было времени, но, судя по боли в затылке, до рассвета оставался час или два.

Он все еще ждал.

Когда Хиро решил, что стало безопасно, он отодвинул дверь и вышел из шкафа. На ощупь расправил одеяла, чтобы разгладить вмятины, оставшиеся от его тела. Хиро не покинул кабинет до тех пор, пока полностью не стер следы своего пребывания там.

Хиро не стал больше просматривать учетные книги и вышел из кабинета. Разговор двух женщин подтвердил его подозрения, из-за которых он и пришел сюда. Доход Хидээши не позволял ходить по чайным домам и поддерживать подобный стиль жизни. Несмотря на то, что Хиро потребовалось некоторое время, чтобы выяснить, что самурай владел долей в чайном доме, в конце концов, все факты выстроились в одну цепочку. По иронии судьбы, именно сандалии слуги и поношенная одежда Хидэтаро дали синоби последнюю подсказку.

Если бы у Хидээши был сторонний доход, о котором всем можно было знать, он наверняка купил бы им одежду получше. Если только он не хотел, чтобы все его считали бедняком. Его единственной расточительностью был чайный дом. Когда Хиро сложил все вместе: визит Ёсико, контракт Саюри и уничтожение учетных книг, ему стало понятно, что финансовые дела чайного дома обстоят иным образом, чем кажется на первый взгляд.

Луна низко висела в ночном небе. Казалось, что на улице очень темно, как обычно и бывает перед рассветом. Хиро прокрался по веранде и осмотрел двор, нет ли там досина и его приятелей. Никого не увидев, он снял с пояса металлические когти и промчался по двору. Не медля ни секунды, синоби взобрался по вишневному дереву, даже не заботясь о том, что его когти оставляют следы на стволе. К тому моменту, когда кто-нибудь их обнаружит, либо Саюри с отцом Матео будут свободны, либо Нобухидэ умрет, а Хиро будет готовиться совершить сэппуку.

Он повторил свой путь по крышам до реки, но уже в обратном направлении. Там он остановился, снял капюшон и убрал когти. Потом, развязав манжеты и забрав меч, Хиро мягко спрыгнул на землю. словно подвыпивший самурай, он шатающейся походкой направился прочь из Понто-тё.

Хиро добрался до дороги Марутамати без каких-либо происшествий. Когда он дошел до храма Окадзаки, в его поле зрения появились высокие белые ворота тории, ярко сияющие в лунном свете. Улыбка льва, сидящего на страже у ворот, казалось, сейчас была гораздо шире, чем обычно, словно он знал о том, что миссия Хиро завершилась весьма успешно. Синоби улыбнулся ему в ответ.

— Если ты все-таки существуешь, — пробормотал он, — спасибо тебе.

Статуя ничего не ответила.

Из тени восточных ворот тории вышла фигура, облаченная в балахон, и поплыла напрямиком к дороге. В косых лучах заходящей луны фигура была похожа на привидение.

— Кто такой? — спросила фигура. — И куда идешь?

Хиро слегка пошатнулся, но не слишком сильно. Он остановился, моргнув, посмотрел на фигуру у дороги.

— Уже поздно, — неразборчиво сказал он. Хиро поднял палец и потряс им на луну. —

Луна взошла.

Фигура сделала шаг вперед, и синоби узнал в ней жрицу, торговавшую амулетами. Одну руку она положила на бедро, а второй укоризненно помахала.

— Не стоит в такое позднее время находиться на улице. Что подумает ваша жена и родители, когда вы явитесь домой под утро, да еще и пьяным? Самурай должен подавать пример.

— А, может, это я рано. — Хиро говорил немного удивленным тоном пьяного человека, который знает, что сморозил глупость. — Что думаете?

— Думаю, что вы пьяны. А это значит, что уже поздно, а не рано. — Она фыркнула и махнула на дорогу. — Идите домой.

— Постараюсь, — пробормотал Хиро, проходя мимо нее.

Он добрался до церкви перед самым рассветом и пошел вдоль дома, чтобы не разбудить Ану и остальных.

В дальнем конце сада на коленях перед крестом стоял отец Матео.

Хиро остановился возле пруда с кои. Когда священник закончил молиться, он встал, перекрестился и обернулся к дому. При виде Хиро он вздрогнул.

— Я рад, что ты вернулся, — с облегчением сказал он. — Я уже начал переживать, что что-то пошло не так.

— Нет, — сказал Хиро. — На самом деле, все просто отлично.

— Все живы?

— За весь Киото не скажу, — ответил Хиро, — но сегодня я никого не убил.

— Тогда заходи в дом и рассказывай, где был. У нас есть немного времени до выхода в чайный дом.

— Но недостаточно, чтобы обо всем рассказать, — сказал Хиро. — Мне надо поспать. И еще отправить письмо.

— По крайней мере скажи, что ты знаешь, кто убийца.

— Не переживай на этот счет, — сказал Хиро. — Сегодня Нобухидэ никого не убьет.

* * *

Четыре часа спустя Хиро с отцом Матео вернулись в чайный дом. Солнце уже стояло высоко в небе, но полдень еще не наступил.

На стук Хиро ответила Маюри. Она вздрогнула, но как ни странно была рада их видеть. Даже поклонилась.

— Доброе утро.

— Доброе утро, — ответил Хиро. — Мы пришли повидаться с Саюри.

— И с Нобухидэ, — с печальной ноткой в голосе сказала она. — Пожалуйста, входите.

Она проводила их в комнату Саюри.

— Прошу простить мне недостаток гостеприимства, — сказала Маюри, — но я вынуждена покинуть вас. У меня важная встреча через несколько минут.

— Конечно. — Они поклонились, и Маюри закрыла дверь.

Отец Матео перекрестил Саюри и спросил, не хочет ли она помолиться. Они склонили головы, и мгновение спустя глубокий, мягкий голос священника заполнил комнату. У Хиро не было необходимости верить в какого-либо бога. Он сомневался, конечно, что мир возник сам по себе, но в то же время слабо верил в те версии, которые рассказывали люди. Этот бог был злым, а этот жил на деревьях.

Хиро был слишком занят тем, чтобы остаться в живых, чтобы решить, кто же из них

действительно существовал.

Однако молитва отца Матео звучала успокаивающе, так что Хиро прислушался к тому, как иезуит просит Бога сохранить жизнь Саюри и самому священнику. А если такого не случится, то даровать им вечный Рай.

Когда молитва подобралась к своей середине, Хиро услышал приглушенный стук в дверь и женские голоса у входа. Когда женщины проходили мимо, синоби показалось, что он узнал голос Ёсико. Он подождал, пока раздвижная дверь не закроется, а потом выскользнул из комнаты Саюри в коридор.

Он стоял возле кабинета Маюри и прислушивался к разговору.

— ... вы пришли, — говорила Маюри. — Еще раз приношу свои соболезнования.

— Спасибо, — ответила Ёсико.

— Я нахожусь в некотором замешательстве из-за причины вашего визита.

— Я являюсь наследницей отца.

— Вы желаете получить возмещение убытков за его смерть? Владелец чайного дома не несет ответственности за действия убийцы.

— Как я вам уже сказала два дня назад, — сказала Ёсико, — владелец несет ответственность за предоставление другим совладельцам информации о доходах и расходах.

Поскольку Маюри не ответила, Ёсико продолжила:

— У вас не получится отделаться от меня. Я настаиваю на том, чтобы вы показали мне учетные книги.

— Самураи не могут иметь свой бизнес, — сделала еще одну попытку Маюри.

— Пять лет назад мой отец подвергся нападению в этом чайном доме. — От голоса Ёсико могла бы расплавиться и сталь. — Он не потащил вас к судье и не снес ваши жалкие головы на месте, потому что вы предложили ему долю в деле вместо возмещения убытков или мести. Вы либо принимаете меня в качестве своего партнера, либо мы посмотрим, насколько судья сможет освежить вам память.

Прежде чем Маюри успела ответить, по дому эхом разнесся громкий стук.

Входная дверь чайного дома снова содрогнулась от стука, когда раздался голос Нобухидэ.

— Маюри!

Хиро еле успел вернуться в общую комнату и проскользнуть к Саюри, прежде чем в доме послышалась беготня, а Маюри крикнула в ответ:

— Одну минуту.

Хиро был впечатлен. Потребовалось бы много всего, чтобы гейша забыла все свое обучение. Они когда не кричали, а Маюри почти всегда ходила бесшумно.

Через общую комнату следом за Маюри послышались более тяжелые шаги Ёсико. Хиро слегка приоткрыл дверь и прислушался. Позади него отец Матео перестал молиться. Хиро подозревал, что они с Саюри тоже прислушиваются.

— Чего вам нужно? — в голосе Маюри сквозило неприкрытое раздражение. — Зачем кричать?

— Я нашел убийцу моего отца! — сказал Нобухидэ.

— Нобухидэ? — по дому эхом разнесся голос Хидэтаро — Ёсико? Что вы здесь делаете?

— Хидэтаро! — воскликнула Ёсико. — Я могу задать тебе тот же самый вопрос.

Хиро улыбнулся. Посланец доставил его письмо именно так, как ему было поручено, а Хидэтаро появился как раз вовремя.

— Я... — Хидэтаро помолчал. — Я пришел, чтобы увидеться с Саюри.

— Как удобно, — сказал Нобухидэ. — Может, вместе и пойдем?

Шаги направились в сторону комнаты Саюри. Хиро отошел на несколько шагов и встал между дверью и отцом Матео. Позади он услышал, как кто-то поднялся на ноги. По стуку ножен синоби понял, что это иезуит, а не гейша.

Дверь открылась. В комнату в сопровождении сестры, Маюри и смущенного Хидэтаро вошел Нобухидэ. Но он остался стоять у двери, тогда как остальные прошли дальше.

Нобухидэ вздрогнул при виде священника. Вероятно, он ожидал, что иезуит сбежит.

Он показал на Хиро.

— Ты, встань у входной двери. Не хочу, чтобы убийца сбежал.

— Отец Матео и Саюри пойдут со мной, — ответил Хиро. — Я не буду один стоять на противоположном конце комнаты.

Нобухидэ махнул в сторону токонома.

— Пусть стоят там, между нами.

Хиро прикинул расстояние между священником и нишей. Ёрики придется обойти очаг, чтобы добраться до иезуита, у Хиро же препятствий на пути не было. С точки зрения защиты, его новая позиция была более выгодной, чем сейчас.

Синоби кивнул.

Отец Матео вместе с Саюри прошли к токонома, тогда как Хиро занял место у двери, ведущей на веранду.

— Мне не нужна твоя помощь в поисках убийцы, — усмехнулся Нобухидэ. — Я сам раскрыл преступление, хотя ты был прав насчет того, что Саюри не виновата. Я должен был сразу понять, что шлюхе не хватило бы ни ума, ни силы, чтобы убить моего отца.

— Не смей. Называть ее. Шлюхой, — сказал Хидэтаро, четко разделяя слова. Его рука

легла на рукоять катаны.

— Ты пришел сюда, чтобы защищать ее? — спросил Нобухидэ.

— Это тебя не касается, — ответил Хидэтаро.

— Как вы поняли, кто убийца? — сменил тему отец Матео.

На лице Нобухидэ появилось высокомерие.

— Для меня это было просто, потому что я самурай, а вы нет.

— Может быть, вы все-таки расскажете нам, как вам это удалось? — спросил Хиро.

Нобухидэ вытащил из кимоно маленький кожаный мешочек и высоко его поднял.

— Вот оружие, которым убили моего отца. Оружие синоби, хоть он и не был убит наемным убийцей. Его убил тот, кто очень хорошо его знал. Тот, кто получил многое от его смерти, кто использовал его же оружие.

Нобухидэ открыл мешок и вытащил из него неко-те. На одном из них не было лезвия.

— Убийца украл оружие той ночью, когда умер отец, использовал его и вернул обратно на следующий день. Никто не заметил, потому что, благодаря моему дяде Хидэтаро, который удивил нас отсутствием дисциплины и выдержки, оно разлетелось по полу. — Нобухидэ помолчал. — Он бросил кинжал, который даровал ему мой отец. Прекрасный способ отблагодарить нас за нашу щедрость.

Хидэтаро сжал кулаки. Он глубоко вдохнул и расслабил руки. Хиро удовлетворенно отметил его жест. Он уже подозревал, что тот вот-вот бросится в атаку, но Хидэтаро сдержался.

— Когда я вернулся домой с телом, я обратил внимание на то, что неко-то нет на своем месте, — продолжил Нобухидэ. — Они появились там чуть позже, но один коготь был сломан. Когда я это увидел, я вспомнил, что в груди отца заметил сломанное лезвие. Я проверил под доспехами, но лезвие исчезло. Убийца убрал его, как и один коготь неко-те, надеясь, что никто ничего не заметит.

— Вы же понимаете, это означает, что Саюри не виновата, — сказал отец Матео.

Нобухидэ кивнул.

— Так и есть. Я снимаю с нее, как и с вас, ответственность за это преступление, поскольку за него заплатит настоящий убийца.

— И кто же это? — поинтересовался Хиро.

— Член моей семьи, — упиваясь моментом, ответил Нобухидэ.

Хиро хотелось, чтобы он побыстрее закончил.

— Моего отца убил тот, кого он знал и кому доверял!

— Поэтому он не сопротивлялся, — подтвердила Ёсико.

— С этим мы согласны, — сказал Хиро. — Вопрос в том...

— Здесь я задаю вопросы, — рявкнул Нобухидэ, — но в этом уже нет необходимости. Я и так уже все знаю.

— Так расскажите нам.

Нобухидэ показал на сестру:

— Нашего отца убила Ёсико.

— Это ложь! — Рука Ёсико взлетела на рукоять меча.

— Это правда! — прокаркал Нобухидэ. — Ты его убила, и ты заслуживаешь смерти.

Хидэтаро сделал полшага назад. Маюри побледнела и закрыла рот обеими руками. Отец Матео шагнул чуть вправо, закрывая своим телом Саюри.

— Кто выигрывает от смерти нашего отца? — требовательно спросил Нобухидэ. — Ты! Ты его наследница, и тебе это было прекрасно известно. Ты знала про завещание и про то, что в нем написано. Ты убила его, чтобы получить контроль над состоянием семьи.

— Нет никакого состояния, — сказала Ёсико. — Я была дома с матерью той ночью, когда умер отец.

— Тебя не было дома, — заявил Нобухидэю — Твоя обувь вся была покрыта грязью. Ты выходила ночью. В полночь, когда шел дождь.

Ёсико уставилась глазами в пол.

— Ты прав, меня не было дома. — Она подняла взгляд. — Но я его не убивала. После того как отец с Хидэтаро поругались, я забеспокоилась, что дядя совершит какой-нибудь опрометчивый поступок. Когда двое мужчин хотят одну и ту же женщину, сложно рассчитывать, что они будут вести себя мудро.

Хиро от всей души был с ней согласен.

— Хидэтаро последовал за отцом сюда, в чайный дом, — продолжила Ёсико. — Он шпионил за комнатой у двери на веранду. Когда стало совсем поздно, он спрятался за уборной. Я стояла у садовых ворот и наблюдала, но отец из комнаты не выходил.

Когда Хидэтаро ушел, я отправилась за ним. Я пыталась действовать скрытно, но он застал меня врасплох. Сказал, что не хочет никому зла. Я поверила ему и отправилась домой. Чуть позже начался дождь. Я промокла насквозь.

Рано утром меня не было дома, потому что я относила кимоно в чистку. Но я не брала неко-те и не убивала отца.

— Очень убедительная ложь, — сказал Нобухидэ. — Но что еще хуже, ты ждешь, что дядя подтвердит твои смехотворные заявления. Вот что было на самом деле.

Тебе очень хотелось наложить лапы на состояние отца, по той простой причине, что он никогда не позволил бы тебе принять обет или приблизиться к тому, чтобы стать настоящим самураем. Никто не хотел на тебе жениться. А без состояния ты была бы ничуть не лучше обычной нищенки.

Когда ты услышала ссору отца с Хидэтаро, ты поняла, что вот он — твой шанс. Вместо тебя люди будут подозревать Хидэтаро. Ты дождалась, когда мы уйдем, и собрала с пола неко-те. Выбрав это оружие синоби, ты знала, что это еще больше отведет от тебя подозрение.

— Но это же женское оружие, — с презрением сказала Ёсико. Хиро заметил, что ее дыхание участилось, и услышал нотку страха в ее голосе.

— Заткнись! — рявкнул Нобухидэ. — Ты пошла за отцом в чайный дом, подождала, пока он не остался один, и убила его. Он не сопротивлялся, поскольку и подумать не мог, что его любимая дочурка способна его убить.

Утром ты с помощью матери весьма убедительно "нашла" завещание и объявила себя наследницей. И у тебя бы все получилось, если бы не одна-единственная ошибка. Ты убрала сломанное лезвие из раны, вместо того чтобы оставить его там. Никто бы и не заметил.

— Очень умно, — сказал Хиро. — Вы, похоже, все продумали.

— Ваш драгоценный священник и шлюшка останутся живы. — Нобухидэ вытащил катану и выставил перед собой. — Я требую возмездия... у Акеши Ёсико.

— Минуточку, — вмешался Хиро.

Нобухидэ остановился.

— Есть еще кое-то, чего вы пока не объяснили.

— Что именно? — нахмурился Нобухидэ.

— Завещание вашего отца — фикция, — сказал Хиро. — Хотя это уже не имеет никакого значения, поскольку, по закону, Ёсико все равно его наследница.

— И еще кое-что. Ёсико не убивала вашего отца. Это вы его убили.

Саюри ахнула и вскинула руки, закрыв рот. Хидэтаро нахмурился, а глаза Маюри распахнулись от удивления.

Нобухидэ сделал шаг назад:

— Я? Это возмутительно! Я никогда не убил бы отца.

— Сперва я тоже так подумал, — сказал Хиро. — Чуть позже я тоже чуть было не обвинил во всем Ёсико... по тем же самым причинам, которые вы сейчас перечислили. Ее действия выглядели гораздо подозрительнее, чем виновность Саюри или Хидэтаро. Хотя у обоих из них имелся мотив для убийства.

— Это Ёсико его убила, — настаивал на своем Нобухидэ. — Только ей выгодна его смерть.

— Возможно, — согласился Хиро. — Но она не была ей выгодна до того, как его убили. У нее не было причин его убивать, а вот у вас они были.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Ваш отец не отпустил вас с Мицухидэ в армию Нобунаги. Несмотря на все ваши мольбы, он заставил вас остаться ёрики на службе у сёгуна, который никогда не оценит ваши умения. Вы не могли не подчиниться, пока ваш отец был жив. А его расточительство в Сакуре заставило вас беспокоиться о том, что он потратит все деньги и вам нечего будет наследовать. Это лишит вас возможности купить себе должность получше, чем полицейский в Киото.

Но поскольку вы все-таки полицейский, вы не могли просто убить отца и уйти. Вам нужно было кого-нибудь обвинить в его смерти.

Вы слышали, как ваш отец спорит с Хидэтаро. Вы присутствовали в комнате, когда Хидэтаро бросил кинжал. И вы прекрасно видели, как неко-те разлетелись по полу. Вы собрали их, зная, что никто не войдет в кабинет отца, пока его там нет.

— Неко-те — это оружие женщины. — Яд отвращения падал со слов Нобухидэ. — Ни один мужчина не стал бы им пользоваться.

— Именно поэтому вы его и выбрали, — сказал Хиро. — Вы знали, что это бросит тень подозрения на Саюри. Я думаю, вы хотели заявить, что Саюри в сговоре с Хидэтаро, чтобы убедиться, что кто-нибудь из них обязательно возьмет вину на себя.

— Но я не мог его убить, — сказал Нобухидэ. — Я всю ночь был в Чайном доме Плавающих Слив. Спросите Умеху, она подтвердит.

— Это тоже меня поначалу смутило, — сказал Хиро. — С вашей стороны было

достаточно умно напоить ее. Вы знаете ее много лет, я уверен, вы прекрасно осведомлены о том, что бывает с ней, когда она напьется.

— Она ничего не помнит, — сказала Маюри. — Пока она была здесь, я запрещала ей пить. Вот по этой самой причине.

— Она уснула, — сказал Нобухидэ, — как и я. Ни на моем кимоно, ни на обуви грязи нет.

— Он прав, — сказала Ёсико. — Он вернулся домой в той же самой одежде, что и уходил. И она была чистой.

— Потому что, когда он убивал вашего отца, на нем была не его одежда, — сказал Хиро. — Он был одет как проститутка.

Нобухидэ, зарывав, крутанулся в сторону Хиро, но сталь заставила его остановиться. Хидэтаро с поразительной быстротой вытащил свой меч. Его оружие заблокировало клинок Нобухидэ. Несмотря на то, что Хидэтаро не шевелился, в его глазах сквозило смертельное предупреждение.

— Он лжет, — прошипел Нобухидэ.

— Пусть закончит, — спокойным голосом сказал Хидэтаро. — Отойди и опусти меч.

Первое мгновение никто не двигался. Пальцы Хиро замерли на пятиконечном сюрикене в рукаве. Он заметил движение Нобухидэ прежде Хидэтаро, но остановил свою руку, когда увидел, что Хидэтаро блокирует удар. Если бы Нобухидэ сдвинулся еще хоть на сантиметр или попытался ударить, Хиро метнул бы ему металлическую звездочку прямоком промеж глаз.

— Это нелепо, — фыркнул Нобухидэ. — Я никогда бы не нарядился в женскую одежду.

— Любой мужчина надел бы женский наряд, если бы ему нужно было снять с себя подозрения в убийстве, — ответил Хиро. — И это почти сработало. Маюри увидела вас сквозь дверь и решила, что это Саюри. Кто-то еще увидел вас на дороге и принял за проститутку. Если бы Умеха не упомянула свою испорченную одежду, я бы не смог сложить все кусочки вместе.

— Но как вы поняли, что это был Нобухидэ? — спросила Ёсико. — А не я или, в конце концов, не Саюри.

— Когда произошло убийство, Саюри была в уборной, а вы слишком высокая для женщины, которую видела Маюри. — Хиро не стал упоминать о том, что про рост ему рассказал Мицухидэ. — Кроме того, я сомневаюсь, что вы бы смогли вырядиться как проститутка.

Ёсико склонила голову на бок.

— Все верно.

— Саюри могла убить его, когда вернулась из уборной, — обвинительным тоном сказал Нобухидэ.

— Боюсь, что не могла, — сказал Хиро. — Потому что Саюри не левша.

Убийство было совершено леворуким человеком, который нанес такие раны, что они почти разорвали горло вашего отца. Только тот, кто обучен сражаться левой рукой, мог нанести столь быстрый удар, что у жертвы не было времени ни закричать, ни оказать сопротивление.

Я видел, как Саюри играет на сямисэне, видел, как она достает свой кинжал. Она однозначно правша.

Хиро посмотрел на Нобухидэ, который стоял рядом с ним, держа меч левой рукой, тогда как правая лежала у основания рукояти.

— Вот уже во второй раз я вижу, как вы держите меч в левосторонней стойке.

— Но по завещанию наследницей является Ёсико, — сказал Нобухидэ. — Зачем мне убивать отца, если я от этого ничего не выиграю?

— Пока вы его не убили, наследником были именно вы, — сказал Хиро. — Завещание было написано после смерти вашего отца, а не много лет назад, как сказала Сато. Никто его не видел, потому что до вчерашнего дня его не существовало.

Синоби посмотрел на Ёсико.

— Если бы мне нужно было угадывать, я бы сказал, что ваша мать придумала свой рассказ (и само завещание), поскольку переживала, что Нобухидэ потратит все деньги отца лишь на себя самого, вместо того чтобы заботиться о семье, как того хотел бы отец.

— Она и правда об этом переживала, — сказала Ёсико. — Как вы поняли, что завещание поддельное?

— Двенадцать лет назад ваш брат был еще ребенком. Его имя было Таромару, а не Нобухидэ.

Ёсико кивнула.

— Я тоже это заметила, когда она вчера упомянула его детское имя. Когда я сказала ей об этом, она отрицала, что это подделка. Но я все же решила копать дальше, после того как улажу остальные вопросы.

— Сейчас в этом нет необходимости, — сказал Хиро. — Подделка не имеет значения. Сейчас по закону наследницей стали вы. Убийца теряет все права на наследство, что в данном случае исключает Нобухидэ, и, даже если вы и замешаны в подделке завещания, в чем я сильно сомневаюсь, поддельное завещание вряд ли сможет помешать истинному наследнику вступить в свои права.

— Значит, Ёсико наследует все, что принадлежало Хидэёши? — спросила Маюри.

— Все, — повторил Хиро. — В случае отсутствия завещания недвижимость Хидэёши переходит к старшему из детей, имеющим по закону право на наследство. Убийство отца лишает Нобухидэ такого права. Наследницей является Ёсико... и имеет законное право требовать возмездия за смерть отца.

Нобухидэ, прищурившись, посмотрел на сестру.

— Ты меня не убьешь. У тебя не хватит силы духа.

— Не испытывай меня, — ответила Ёсико. Она глубоко вздохнула. — Я не позволю тебе жить, но окажу честь и разрешу сделать сэппуку. Даже могу стать твоим помощником.

Нобухидэ поднял меч.

— Я лучше умру в бою, чем совершу самоубийство.

— Даже сейчас у тебя не хватает чести вести себя как самурай? — Ёсико одной рукой вытащила катану. — Сегодня ты умрешь. Вопрос лишь в том, как это случится.

Нобухидэ резко развернулся и полоснул мечом по бумажной двери, ведущей в общую комнату. Проход с треском открылся, и Нобухидэ прыгнул в него.

Ёсико рванула следом, в то время как Хиро выпрыгнул в дверь на веранду. Дерево треснуло, разорвалась бумага, и воздух прорезал крик Маюри.

Хиро мчался по веранде, направляясь к углу чайного дома. Он услышал позади себя звук шагов и узнал в них походку отца Матео. Где-то внутри чайного дома раздался женский крик.

У раздвижной двери Хиро остановился, не зная, то ли ждать здесь, то ли зайти внутрь. Поскольку никто из нее не выбежал, синоби вошел в дом.

Нобухидэ лежал лицом вниз в общей комнате. Его нога застряла в раздвижной двери. Катана лежала у очага. Когда Хиро с отцом Матео зашли в комнату, Хидэтаро как раз поднимал меч племянника.

Над братом, держа в одной руке катану, а в другой вакидзаси, стояла Ёсико.

Нобухидэ хотел было подняться, но тишину прорезал голос Ёсико:

— Если ты шевельнешься, ты умрешь от меча в своей спине.

Нобухидэ замер.

Ёсико убрала вакидзаси в ножны, а катану взяла обеими руками. Хиро с удовлетворением отметил, что у нее была праворукая хватка: правая рука поверх левой.

— Теперь поднимайся. Медленно.

Нобухидэ встал и расправил кимоно. Он поднял руки и пригладил волосы.

— Не вынуждай меня убивать тебя, Нобу. — Голос Ёсико был полон слез, хотя выражение лица излучало самурайское спокойствие. — Достаточно того, что в семье уже есть отцеубийца. Не добавляй к тому еще и братоубийство. Даже в отместку.

На лице Нобухидэ прорезались внезапные эмоции.

— Он сам во всем виноват! Он никогда не признавал моих способностей. Он позволил им сделать так, чтобы я служил в полиции, вместо того чтобы настоятельно попросить сёгуна сделать меня командующим. Он даже не позволил мне уйти вместе с Мицухидэ в армию господина Оды. Я хотел лишь этого. А ему было все равно!

— Поэтому ты его убил? — спросила Ёсико. — Из-за Мицухидэ?

— Он бы не отпустил меня. — Слова Нобухидэ звучали так, словно ребенка лишили его любимой игрушки.

Ёсико посмотрела на всех остальных.

— Оставьте нас.

— Я знаю то, о чем ты должна ему рассказать, — сказал Хидэтаро. Он взглянул на Хиро и отца Матео. — Это семейное дело, частное.

Маюри проводила их в свой кабинет. Они едва успели закрыть дверь, когда Хиро сказал:

— Прошу прощения... могу я одолжить вашу вазу?

Синоби потянулся к токонома.

— Что вы делаете? — требовательно спросила Маюри.

— Им нужна приватность, а мне нужно... — Хиро замолчал.

Маюри в ужасе на него посмотрела.

— Уборная снаружи. — Она махнула рукой. — Идите. Никто не возражает. Но не смейте трогать ту вазу.

Хиро выскользнул на веранду, обогнул дом и вернулся к комнате, в которой все произошло. Он прополз по полу и приставил ухо к щели у двери.

— Как ты вообще мог поверить, что наша семья раскололась между двумя даймё? — говорила Ёсико. — Как ты мог поверить, что кто-то поддерживает сёгуна, а кто-то нет?

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Нобухидэ.

— Акеши Мицухидэ присоединился к господину Оде по приказу императора. Сёгун знает об этом. Золото принадлежало Асикаге, это золото сёгуна, на которое Мицухидэ купил оружие для господина Оды, чтобы убедить того в своей верности.

— Мицухидэ сказал, что он украл это золото у сёгуна.

Ёсико рассмеялась.

— Ты так ничего и не понял. Мицухидэ — шпион. Если господин Ода приблизится к Киото на расстояние удара, у Мицухидэ есть приказ убить его... или умереть, попытавшись это сделать. Наш отец отказывался отпускать тебя, потому что не хотел отправлять единственного сына на верную смерть.

— Он никогда мне об этом не говорил, — голос Нобухидэ звучал жалко.

— Он знал, что ты не сможешь сохранить этот секрет, — сказала Ёсико.

— Почему он рассказал тебе, а не мне?

— Он ничего мне не рассказывал. — Голос Ёсико смягчился. — Ты же знаешь, у меня есть привычка подслушивать под дверь. Я слышала, как они разговаривали с Мицухидэ, когда тот был в Киото... в тот день, когда он позвал тебя с собой.

Хиро услышал стук — Нобухидэ упал на колени. Мгновение спустя, Нобухидэ спросил:

— Акеши Ёсико, ты станешь моим кайсякунином?

Это было официальным определением человека, помогающего совершить сэппуку.

— Стану, — ответила Ёсико. — Хочешь, я верну всех остальных?

Хиро так и не услышал ответа Нобухидэ. Он уже мчался обратно в кабинет Маюри.

* * *

Несколько минут спустя Хиро и остальные собрались перед чайным домом.

Нобухидэ лицом к реке опустился на колени на татами, принесенное из чайного дома. Позади, опустив катану, стояла Ёсико. Улица была пустынна. Некоторые из соседей из любопытства повысовывали головы, но, увидев, что происходит, исчезли и закрыли двери, не сказав ни слова.

Дело касалось лишь только самурая, никто не смел вмешиваться.

Нобухидэ вытащил вакидзаси и положил его перед собой на татами. Он снял оби и обмотал им короткий меч посередине.

— Что он делает? — на португальском прошептал отец Матео.

Хиро наклонился к нему и прошептал в ответ:

— Он защищает руки от порезов, когда он...

— Понятно, — шепнул священник, слишком взволнованный, чтобы дослушать ответ Хиро.

Ёсико встала сбоку от брата и занесла катану над его головой.

— Когда мне ударить?

Нобухидэ глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Окажи мне честь и позволь закончить разрез.

Хиро был впечатлен. Самурай, который совершает сэппуку, обычно не разрезает живот до конца. Как правило, кайсякунин, избавляя самурая от боли, отрубает ему голову, как только тот погружает кинжал в живот.

Нобухидэ выбрал большую честь, но еще большую боль.

— Зачем он это делает? — прошептал иезуит. — Наверняка есть другой вариант.

— Только не том случае, когда он убил своего отца, — прошептал Хиро. Он был благодарен португальцу за то, что тот завуалировал свои слова. — Он выяснил, что убил напрасно. Это единственный способ вернуть свою честь. Публичная смерть защищает его семью от позора. Таков наш путь.

Отец Матео косо посмотрел на Хиро.

— Мне не по душе ваш путь.

— Через минуту он понравится тебе еще меньше.

Нобухидэ распахнул кимоно, открывая грудь и живот, потом склонил голову.

Хиро надеялся, что священник не станет вмешиваться. Ритуал сэппуку существовал тысячи лет. Это защищало Ёсико и других от обвинений в смерти Нобухидэ и даровало ему самому искупление. Это был самый лучший путь для самурая.

Нобухидэ поднял глаза на Ёсико. Она кивнула. Несмотря на то, что ее глаза покраснели, челюсть женщины была плотно сжата. Она сделает именно то, что должна сделать.

Хиро не мог не признать ее силу воли.

Нобухидэ поднял свой вакидзаси. Он правой рукой взялся за рукоять, а левую положил на замотанное лезвие. Поднявшись, но стоя на коленях, он погрузил клинок в левый бок. Рыкнув от боли, он провел меч дальше поперек живота, нанеся себе роковую рану.

Его дыхание участилось, но никто этого не услышал. Меч Ёсико взлетел в воздух и с едва слышимым свистом рассек основание шеи брата. Она остановила лезвие прежде, чем отрубить голову полностью.

Голова Нобухидэ упала на грудь, соединенная с телом тоненьким лоскутом кожи.

Из зияющей раны на шее хлынула кровь. Тело Нобухидэ завалилось вперед. Темная кровь брызнула на пыльную улицу и разлилась вокруг обезглавленного тела.

Ёсико стояла рядом с братом, склонив голову и опустив меч почти до земли. Ее плечи вздымались, глаза были плотно закрыты. Лицо Ёсико искажилось болью, но женщина не плакала. Она не издала ни звука.

Спустя почти минуту она открыла глаза и посмотрела на Маюри.

— Пожалуйста, уберите тело брата с улицы. Я организую подходящий транспорт.

Она посмотрела на Хиро.

— Благодарю вас за помощь. Это... прискорбно... что мы встретились при данных обстоятельствах.

Хиро поклонился. Ёсико направилась в сторону реки.

Маюри, казалось, не знала, что делать. Она в ужасе смотрела на мертвое тело.

Хиро ни минуты не колебался. Он шагнул в сторону трупа. Когда он наклонился к телу Нобухидэ, он увидел, что отец Матео последовал за ним.

— Многие считают, что прикасаться к трупам — к несчастью, — предупредил Хиро, хватая Нобухидэ за руки. — Говорят, это заразно... особенно, если иметь дело с кровью.

— Плохой выбор не заразный, — сказал священник. — Он только вызывает сожаление. А кровь можно просто смыть.

Он наклонился, чтобы помочь Хиро унести тело с дороги.

* * *

После того как тело Нобухидэ увезли, отец Матео спросил, что будет дальше с Саюри.

— Я забираю ее с собой, — сказал Хидэтаро. Он повернулся к Маюри. — Она не ваша собственность. Если вам нужны деньги, я их достану, но она не останется здесь ни минутой дольше.

Он с надеждой посмотрел на девушку.

— Только если она сама хочет уйти со мной.

Лицо Саюри расплылось в чудесной улыбке.

— Я очень хочу уйти с Хидэтаро. Пожалуйста. Я обещаю, мы заплатим.

Мари некоторое время смотрела на них.

— В любом случае, это убийство надломило ее дух. Чайному дому не нужны опороченные гейши. Она бесполезна для меня и ничего не стоит. Считаю, ее контракт оплачен сполна.

Саюри просияла так, словно солнце вышло из-за туч. Хиро наконец понял, что в ней сумел разглядеть Хидэтаро. Когда она улыбалась, она вся светила. Даже мужчина, который не доверял женщинам, видел, что ее радость искренна.

Отец Матео и Хиро отправились в церковь пешком. Солнце висело высоко, небо было безоблачным, что предвещало жаркий день.

Когда они увидели островерхую крышу церкви, возвышающуюся чуть впереди, отец Матео сказал:

— Я понимаю, что ты все объяснил, но никак не могу взять в толк, как ты все это сложил вместе. Я бы никогда не догадался, что это был Нобухидэ.

— На самом деле, — сказал Хиро, — это ты помог. Последний кусочек головоломки подсказал мне ты. Ну, ты и котенок.

— Котенок? — переспросил отец Матео.

Хиро кивнул.

— Когда она с бумагой в зубах пыталась от меня удрать, ты сказал, она не думала, что кому-то другому может понадобиться ее добыча. До тех пор я все еще подозревал Ёсико, но никак не мог понять, каковы ее мотивы. У нее не было причин желать его смерти. То, что она стала бы наследницей, никоим образом не изменило бы ее образ жизни.

Твои слова заставили меня понять, что она не убийца. Она просто выхватила добычу у кого-то другого. Прошлой ночью, когда все сложилось, я понял, что это Нобухидэ.

Входная дверь открылась, как только они подошли к дому. На пороге стояла Ана с котенком в руках. Она держала его, словно ребенка, и Хиро, пока шел, слышал, как тот мурлычет.

— Хм, — сказала она. — Эта кошка остается или нет?

Хиро посмотрел на отца Матео, но священник промолчал.

— Остается, — ответил Хиро. — Это теперь моя кошка.

— Ей нужно имя, — сказала экономка. Она погладила котенка по голове. — Я не могу постоянно звать ее "эта кошка".

— Как по-твоему будет "бумага"? — на португальском прошептал Хиро.

— Даже не смей, — ответил священник.

— Ну? — требовательно сказала Ана. — Я не могу ждать весь день.

— Гато, — сказал Хиро. — Ее зовут Гато.

Ана опустила взгляд на котенка, сидящего у нее на руках.

— Хм. Мне нравится. Наконец, ты хоть что-то сделал правильно.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net